

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

163

**ИНСТИТУТУ АРХЕОЛОГИИ
60 ЛЕТ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

163

ИНСТИТУТУ АРХЕОЛОГИИ
60 ЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, В. В. Кропоткин, И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советская археологическая наука за долгий путь своего развития стала важным и необходимым звеном марксистско-ленинского исторического знания. Несмотря на хронологическую отдаленность от современности объектов изучения археологии, она как наука нередко решает жгучие актуальные вопросы современной идеологической борьбы. Расовая теория, теории извечности классового общества, извечности религии, отрицание закономерного развития общества, плюрализм, противопоставляемый в последнее время учению о социально-экономических формациях, — все это, взятое из арсенала буржуазных фальсификаторов истории, наши противники пытаются обосновать ссылками на археологические данные.

Главная задача советской археологии — правдивый объективный анализ ранних этапов истории человеческого общества до средневековья включительно. Археологические материалы давно уже перестали быть иллюстративным сопровождением, археология давно вышла из незавидного положения вспомогательной дисциплины. Археологические данные — полноценный исторический источник, своей массовостью и объективной вещественностью нередко превосходящий нарративные источники, неизбежно субъективные и не всегда одновременные упоминаемым событиям.

Советская археология прошла в свое время стадию вдохновенного, но несколько наивного построения марксистских схем исторического процесса на скудном и еще неизученном археологическом материале; пройдена была и стадия окостенения этих схем, сопровождавшегося талмудистско-начетническим восприятием наследия классиков марксизма-ленинизма.

В послевоенное время советские археологи серьезно занялись созданием солидной источниковедческой базы, глубоким изучением проблем датировки, картографированием, вычленением важнейших археологических культур, совершенствованием раскопочных методов. Все это сопровождалось стремительным ростом числа раскопанных памятников. Когда к этим профессиональным, чисто археологическим изысканиям добавились методы точных и естественных наук (физики, химии, математики, биологии), то возможности получения исторической информации от археологического материала неизмеримо возросли: открылись совершенно новые, неожиданные возможности сопоставлений, установления связей, проникновения в глубокие тайны древней жизни.

В настоящее время перед советской археологией стоит несколько важных, кардинальных задач. Самой основной является приведение в единую систему всего археологического материала, накопленного за 200 лет раскопок в России и в Советском Союзе. Институт археологии АН СССР ведет интенсивную подготовку фундаментального многотомного издания «Археология СССР». В совокупности эти тома дадут подробную археологическую карту Советского Союза для каждой эпохи. Здесь будут кроме того показаны все археологические культуры с характерной вещевой материальной культурой и сооружений, обоснования датировок и типологии. Подобное издание осуществляется впервые в мире и уже вызвало подражание: ученые Польши, Болгарии, Чехословакии и Венгрии, узнав о нашей инициативе, начинают готовить многотомные археологические энциклопедии такого типа.

Завершение работы над этим грандиозным изданием будет означать начало нового этапа археологических исследований. Появится возможность новых исторических построений с учетом неравномерности темпа

развития, зависимости от экологической среды и от исторического окружения. Удастся проследить перемещение племен, слияние субстратного и адстратного населения, формирование однокультурных общностей, сопоставимых с лингвистическими ареалами, т. е. подойти к проблеме этногенеза народов Советского Союза.

Кроме того впервые появится возможность на добротной источниковедческой базе создать серию исследований частных исторических вопросов (но сквозь все эпохи) — таких, как история хозяйства от первобытных охотников до средневековья, история жилища, история форм поселений в связи с социальным строем, история военного дела, история одежды и украшений, история религии и многое другое. Без фундаментальной и широкой базы, без возможности обобщать наблюдения как по хронологической вертикали, так и по географической горизонтальной плоскости синхронных культур, такие сквозные темы невозможны. При современном состоянии нашего источниковедения попытки подобных обобщений почти всегда остаются на кустарном, дилетантском уровне или же требуют от исполнителей колоссальных трудовых затрат. После издания всех томов «Археологии СССР» станут возможны глубокие историко-социологические исследования исторического процесса на всей территории нашей страны.

Второй важной задачей советских археологов и является такое историческое обобщение. Положение археологов очень сложно: поскольку они изучают остатки реальной жизни во всей ее многоплановости, им приходится иметь дело с десятками близких и далеких научных дисциплин. К далеким мы обращаемся за помощью, за консультацией, не вникая подчас в недоступную нам методикку; здесь мы поступаем как потребители. Конечно, физики и химики, систематически работающие над археологическим материалом, обязаны знать археологическую науку.

По отношению к дисциплинам гуманитарного цикла у археологов должно укрепиться более тесное содружество и более глубокое знание источников и методов близких наук. Нельзя, например, отгородить археологию от этнографии; эти две науки, нередко переживавшие одни и те же болезни роста, в настоящее время взаимно обогащают друг друга. Выводы лингвистики используются археологами, но сами лингвисты иногда называют отдельные случаи использования их данных «партизанскими налетами» археологов. Необходим творческий контакт.

Быть может, следует воскресить старую тему «слова и вещи»: археологам совместно с лингвистами шаг за шагом проследить рождение новых вещей, новых понятий (исходя из отраженной в археологическом материале «палеодействительности») и тем самым дать реальное основание для лингвистической стратиграфии, выяснить исторические корни тех или иных изоглосс. Для специалистов по исторической археологии само собой подразумевается серьезное знание письменных источников. Предстоит большая работа по идентификации исторической этнонимии с археологическими культурами.

Археологам всех специальностей предстоит участие в создании большого историко-философского труда «Марксистско-ленинская концепция истории докапиталистических формаций». Разработка историко-социологических и теоретических вопросов не должна опережать создания добротной источниковедческой базы, но и не имеет права отставать. Нам необходимо создать «историю археологической мысли», которая помогла бы яснее увидеть магистральные и тупиковые дороги, неосторожные увлечения, забытые теоретические находки, определить истинный результат старых споров, казавшихся неразрешимыми, но ставших ясными в результате новых открытий и новых размышлений.

Доведение истории науки до сегодняшнего момента и историческое обобщение на уровне сегодняшнего источниковедения — вот те две высоты, с которых легче выбрать правильный путь дальнейшего развития науки и совершенствования ее методов.

Б. А. РЫБАКОВ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

ПЕРВЫЕ 30 ЛЕТ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Организованная в Петрограде в 1919 г. Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, затем ГАИМК)¹ представляла собой учреждение нового типа, перед которым были поставлены широкие и важные задачи историко-археологического и искусствоведческого исследования всех вообще памятников материальной культуры — археологических, бытовых, собственно художественных, а также научной охраны таких памятников. Предусматривалась тесная связь археологической научной деятельности с искусствоведческой и с работой по изучению генезиса и развития человеческой культуры². Это нашло отражение в структуре РАИМК с ее тремя основными отделениями: этнологическим, археологическим и художественно-историческим, каждое из которых в свою очередь состояло из нескольких разрядов, примерно соответствующих современным секторам³. На протяжении всей истории Академии такая тесная связь неизменно осуществлялась, хотя, разумеется, по-разному на разных этапах. Исключительно важным и принципиально новым было создание тогда же, в 1919 г., в системе РАИМК Института археологической технологии во главе с выдающимся минералогом А. Е. Ферсманом⁴. Институт с его пятью разрядами — камня, керамики и стекла, живописной техники, металла и органических остатков — сумел объединить естествовников и технологов с гуманитариями — археологами, историками культуры, историками искусства. Там развернулось исследование древней техники, природной среды и природных ресурсов прошлого, а также разрабатывались методы консервации и реставрации памятников материальной культуры.

Совершенно новые, широкие задачи ГАИМК потребовали привлечения большого числа сотрудников. Если в Археологической комиссии в предреволюционные годы значилось пять штатных членов, то штатный научный состав ГАИМК насчитывал в 1925 г. 96 человек⁵. Он включал членов Академии, ученых сотрудников, ассистентов, научных сотрудников, научно-технических сотрудников и, наконец, регистраторов⁶. Любопытно, что эта «табель о рангах» не совпадала с общеакадемической. Так, например, византист, академик Ф. И. Успенский был всего лишь ученым сотрудником ГАИМК, тогда как археолог член-корреспондент АН СССР Б. В. Фармаковский являлся ее членом. Подобных примеров немало. Очевидно, штатное положение сотрудника внутри ГАИМК определялось его заслугами в первую очередь в области археологии, истории культуры, искусствоведения.

Академию истории материальной культуры с момента ее организации и до самой своей смерти в 1934 г. возглавлял Николай Яковлевич Марр. Академия была любимым детищем Н. Я. Марра, отдававшего ей много сил и энергии. А коллектив ГАИМК, особенно молодежь, гордился тем, что его руководитель являлся в то же время членом ВЦИК, был в 1930 г. принят в члены Коммунистической партии, а в 1933 г. одним из первых советских ученых награжден орденом Ленина. Заместителем (товарищем) председателя ГАИМК первоначально был Н. П. Сычев, ученым секретарем — И. А. Орбели⁷. С 1921 г. до конца 20-х годов посты двух

заместителей председателя занимали В. В. Бартольд и С. А. Жебелев, ученого секретаря — Б. В. Фармаковский⁸.

Одним из важных разделов работы ГАИМК была деятельность ее экспедиций. Строгостью, скрупулезностью научного подхода, особым вниманием, уделяемым древним поселениям, повседневной тесной связью с представителями естественных наук, с одной стороны, и с деятелями местных археологических учреждений и краеведами — с другой, они весьма существенно отличались от экспедиций Археологической комиссии. Значительная их часть наряду с археологическими раскопками и разведками в определенных районах проводила там же этнографические исследования. Из экспедиций ГАИМК особенно большую роль сыграли Ольвийская, руководимая Б. В. Фармаковским, Северокавказская под руководством А. А. Миллера, Палеолитическая и Средневожская, руководимые П. П. Ефименко. Каждая из этих экспедиций, а также камеральная мастерская («разборочная»), где производилась обработка экспедиционных материалов, стали настоящей школой для археологов разных поколений — студентов, аспирантов, научных сотрудников. Из экспедиции и «разборочной» Б. В. Фармаковского в археологию вышли, например, С. И. Капошина, А. Н. Карасев, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, Л. М. Славин, П. Н. Шульц; из экспедиции и «разборочной» А. А. Миллера — М. И. Артамонов, Г. В. Григорьев, Б. Е. Деген-Ковалевский, А. А. Иессен, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий; из экспедиций и «разборочной» П. П. Ефименко — Г. П. Гроздилов, С. Н. Замятнин, Б. А. Коишевский, Е. Ф. Лагодовская, Г. П. Сосновский, Я. В. Станкевич, П. Н. Третьяков, Н. Н. Чернягин, П. И. Борисковский. Под общим руководством А. А. Спицына и П. П. Ефименко широко развернулись разведки стоянок, городищ и курганов на территории Ленинградской обл. В них особенно большое участие принимали местные краеведы.

ГАИМК, работая в общем плане развития просвещения и хозяйственного строительства СССР, стремилась распространять среди трудящихся масс теоретические и практические сведения по вопросам, входящим в круг ее ведения⁹. Последней цели отвечали, в частности, известные академические «среды» — публичные общие собрания ГАИМК, устраивавшиеся еженедельно в Мраморном дворце на Дворцовой набережной и привлекавшие широкие круги ленинградской общественности, преимущественно интеллигенции и студенчества¹⁰. На этих заседаниях сотрудниками ГАИМК читались для широкой, но все же достаточно подготовленной аудитории доклады по истории культуры, археологии и истории искусств. Приведу перечень нескольких докладов, прочитанных зимой 1926—1927 гг.: Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии летом 1926 г.; А. А. Спицын. Карта медного века Восточной Европы; Е. Ч. Скржинская. Итальянские замки в Крыму; А. Ю. Якубовский. Город Шахрисябз при Тимуре; М. И. Артамонов. Северокавказская экспедиция 1926 г. Средневековые городища на Нижнем Дону; Е. Э. Бломквист и С. А. Еремин. Крестьянские постройки Воронежской губернии (по материалам Юго-Восточной экспедиции); Г. А. Бонч-Осмоловский. Состояние палеозтологии во Франции.

Следует учитывать, что деятелями ГАИМК в 20-х годах в значительной части были работники дореволюционных официальных археологических учреждений или их ученики. Свежие марксистские силы в советской археологии еще не выросли. Марксистско-ленинская перестройка советской археологической науки в ГАИМК вплоть до 1929 г. сколько-нибудь серьезно не начиналась. Работы ГАИМК этого периода характеризовались широтой охвата, связью с естественными науками, строгостью научной методики и резким разрывом с дилетантизмом, но по своим методологическим установкам они еще не были резко отделены от дореволюционных археологических работ. Это ясно понимал Н. Я. Марр, настоятельно требовавший от своих сотрудников методологического и идейного перевооружения¹¹. В 1929 г. предисловие к сборнику работ аспи-

рантов ГАИМК он был вынужден закончить тревожной фразой: «И настоящий сборник, прекрасно рекомендуемый наших молодых ученых как специалистов, вопит о необходимости не только нашей личной смены, но и безотлагательной смены наших методов»¹².

Первые, пока еще робкие шаги на пути овладения археологами марксистской методологией были сделаны в 1927—1928 гг. в Москве группой аспирантов Института археологии и искусствознания РАНИОН¹³. Все они были учениками одного из крупнейших отечественных археологов В. А. Городцова, чья научная деятельность была в основном связана с Историческим музеем и Московским университетом.

В 1929—1930 гг. марксистско-ленинская перестройка охватила ГАИМК. Это был в подлинном смысле период бури и натиска, связанный с общим процессом марксистско-ленинского преобразования всех советских гуманитарных наук, а еще шире — с периодом развернутого социалистического наступления, через который тогда проходила Советская страна. Перед советскими археологами во весь рост встали задачи критического пересмотра старого научного наследия, отказа от буржуазной методологии, задачи овладения марксистско-ленинским методом, подхода к археологическому материалу как к историческому источнику, исторического освещения древних эпох истории человечества. Одним из активнейших деятелей ГАИМК в этом направлении явился Ф. В. Кипарисов, старый коммунист, назначенный заместителем председателя ГАИМК. В тесном содружестве с Н. Я. Марром при его безоговорочной поддержке он начал решительно осуществлять поворот ГАИМК к новым задачам. Характерна для того времени небольшая книжка В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры» (1930 г.). В ней отразились решительность, бескомпромиссность ведущих археологов того времени, острая критическая направленность их работ, целеустремленность на пути построения передовой советской археологической науки. Отразились в ней и теневые стороны археологических публикаций начала 30-х годов: необоснованное отрицание ряда серьезных научных достижений коллег и предшественников, в частности типологического метода.

Осуществление ГАИМК новых задач потребовало многочисленных научно-организационных мероприятий. Штат ГАИМК был в 1930—1931 гг. расширен и пополнен молодежью из числа выпускников Ленинградского университета, Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена и других высших учебных заведений. Основными научными подразделениями вместо прежних отделений стали сектор доклассового общества (архаический), сектор рабовладельческой формации и сектор феодальной формации, делившиеся в свою очередь на бригады, или группы (позднее — кафедры), которые заменили прежние разряды¹⁴. Таким образом, в структуре был последовательно проведен принцип историзма: каждый из секторов исследовал историю определенной общественно-экономической формации. С января 1931 г. ГАИМК начала издавать ежемесячный историко-археологический журнал — Сообщения ГАИМК¹⁵.

В 20-е годы и на рубеже 30-х годов в Москве основными археологическими научными центрами были Исторический музей, Институт археологии и искусствознания РАНИОН, Антропологический институт Московского университета и Музей Центрально-Промышленной области¹⁶. В начале 1932 г. было организовано Московское отделение ГАИМК (МОГАИМК), объединившее значительную часть московских археологов и сыгравшее первостепенную роль в развертывании историко-археологических исследований в нашей стране, подготовке и консолидации кадров советских археологов и историков¹⁷.

В процессе перестройки первой половины 30-х годов ГАИМК из учреждения по преимуществу археологического постепенно превратилась в крупнейший центр по изучению истории докапиталистических обществ. Такое превращение было закреплено Постановлением коллегии Наркомпроса РСФСР от 7 января 1934 г.¹⁸ В области изучения истории древней

Руси, Древнего Востока, Древней Греции и Рима ГАИМК в 30-х годах сделала очень много. В горячих дискуссиях, проходивших в секторах, на академических пленумах и на страницах академического журнала, росли и формировались важные разделы советской марксистско-ленинской исторической науки. Именно из стен ГАИМК вышли многие основополагающие исторические труды Б. Д. Грекова, С. И. Ковалева, К. М. Колобовой, И. И. Смирнова, В. В. Струве, А. И. Тюменева и ряда других крупных историков, не являвшихся археологами. К ним примыкали исторические и историко-археологические труды М. И. Артамонова, А. В. Арциховского, Б. Л. Богаевского, А. Я. Брюсова, Н. Н. Воронина, П. П. Ефименко, С. А. Жебелева, С. В. Киселева, В. И. Равдоникаса, А. П. Смирнова, А. Ю. Якубовского и других крупных археологов, сумевших по-новому, на широком историческом фоне, в свете марксистско-ленинской методологии осмыслить как исторические, так и археологические материалы. В этом же ряду находятся публиковавшиеся в 30-х годах исторические и историко-археологические работы представителей младшего поколения работников ГАИМК — А. Н. Бернштама, Е. Ю. Кричевского, А. П. Круглова, А. П. Окладникова, Б. Б. Пиотровского, Г. В. Подгаецкого, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и многих других.

Этап развития ГАИМК, который здесь характеризуется, охватывает время от самого конца 20-х до середины 30-х годов. Он имел большое благотворное значение как для развития нашего учреждения, так и для истории всей отечественной археологической науки, ибо резко отделил советскую науку от дореволюционной буржуазно-дворянской археологии. Возврат назад, работа по-старому стали уже невозможны. Но в то же время в процессе борьбы против старой археологии были допущены ошибки. Конкретный исторический анализ подменялся абстрактными социологическими схемами, конкретные племена и народы — абстрактными стадиями. Принималось значение полевых археологических работ и самих археологических памятников как исторического источника; делались попытки отрицать за археологией право на существование в качестве самостоятельной исторической науки¹⁹. В издаваемом ГАИМК журнале отчеты о раскопках и разведках, как правило, печатались петитом, в конце, в качестве второстепенного дополнения.

Однако следует предостеречь от упрощенной характеристики этого этапа. В те же годы шире, чем когда-либо до того, в Советском Союзе развернулись полевые археологические работы, связанные в значительной степени с новостройками первых пятилеток. 10 февраля 1934 г. было издано Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР об охране археологических памятников²⁰, сыгравшее решающую роль в организации и распространении этих работ. Вскоре после этого Наркомпрос РСФСР передал ГАИМК право выдачи открытых листов на производство археологических разведок и раскопок²¹, что способствовало резкому подъему авторитета ГАИМК как центрального археологического учреждения страны. ГАИМК сохранила и умножила основные кадры объединенных ею археологов и продолжала много делать для подготовки высококвалифицированных исследователей в области археологии.

В 1937 г. ГАИМК вместе с ее Московским отделением была реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР, став тем самым учреждением всесоюзным и сосредоточив все свои силы на археологической деятельности. Основными научными подразделениями Института стали сектора палеолита и неолита, бронзы и раннего железа, древнего Причерноморья, Средней Азии и Кавказа, древней Руси и Восточной Европы дофеодалного и феодального периодов. Под руководством возглавившего ИИМК в 1938 г. М. И. Артамонова Институт за три предвоенных года добился крупных научных и научно-организационных успехов. Они нашли отражение, в частности, в создании и выпуске сборников «Советская археология»²², «Кратких сообщений о докладах и полевых исследованиях ИИМК»²³ и «Материалов и исследований по археологии СССР»²⁴, в проведении ряда плодотворных научных дискуссий. Была

начата подготовка первых томов «Истории русской культуры»²⁵, «Истории СССР»²⁶ и «Всемирной истории». Продолжали проводиться в больших масштабах и археологические экспедиции.

Отечественная война прервала эту широко развернувшуюся работу. Многие археологи ушли на фронт, часть из них пала смертью храбрых²⁷. Сотрудники ИИМК, оставшиеся в осажденном Ленинграде и в прифронтовой Москве, обеспечили под вражескими бомбами и снарядами сохранность археологических коллекций, полевой документации, рукописей и книг. Сотрудникам, находившимся в эвакуации, — в Ташкенте и в Елабуге, удалось провести некоторые полевые работы ограниченного объема. По мере освобождения от врага оккупированных территорий нашей страны начиная с 1942 г. туда направлялись экспедиции сотрудников ИИМК, определявшие ущерб, нанесенный музеям, архитектурным и археологическим памятникам²⁸. В апреле 1945 г. в Москве было создано Всесоюзное археологическое совещание, в подготовке и организации которого ИИМК играл руководящую роль²⁹.

Свидетельством зрелости и жизнеспособности советской археологической науки явилось то, что сразу же после окончания Великой Отечественной войны деятельность ИИМК, центр которого с 1945 г. находился в Москве (с созданием в Ленинграде Ленинградского отделения — ЛОИИМК, позднее ЛОИА), развернулась в более широком масштабе, чем перед войной. Успехи ИИМК в первые послевоенные годы выразились во многом. Это прежде всего широкий размах полевых работ. Археологическими экспедициями была охвачена вся территория СССР от Кольского полуострова, Прибалтики и Поднестровья до Закавказья, Забайкалья и Чукотки.

Широко развернулась и подготовка археологических кадров, главным образом для научных учреждений на местах. В области подготовки высококвалифицированных археологов для Академий наук союзных республик в первые послевоенные годы ИИМК было сделано очень много. Здесь особенно велика была роль А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова, С. В. Киселева, Б. Б. Пиотровского, А. Ю. Якубовского.

Большую роль сыграл Институт в этот период и в работе по охране археологических памятников на территории нашей страны. Материалы для принятого Советом Министров СССР 14 октября 1948 г. исключительно важного Постановления о мерах улучшения охраны памятников культуры и Положения об охране памятников культуры были в значительной степени подготовлены ИИМК и подробно обсуждались еще на Всесоюзном археологическом совещании 1945 г.³⁰

Размах послевоенных работ ИИМК и вообще археологических работ в Советском Союзе привел к тому, что пленумы ИИМК, посвященные итогам археологических экспедиций, стали фактически превращаться во всесоюзные археологические съезды. Выражением широкого признания успехов и заслуг за предвоенные и первые послевоенные годы советской археологической науки явилось присуждение в 1946—1950 гг. Государственных премий за фундаментальные археологические монографии ведущим работникам ИИМК — Б. Б. Пиотровскому³¹, Б. А. Рыбакову³², С. В. Киселеву³³, Т. С. Пассек³⁴ и А. П. Окладникову³⁵.

¹ С 1926 г. — Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК).

² Устав ГАИМК утвержден ученым советом 12 января 1926 г. См.: Устав Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1926.

³ Личный состав РАИМК на 1 октября 1925 г. см.: СГАИМК, 1926, I.

⁴ Известия Института археологической технологии, Пг., 1922, в. 1; Л., 1924, в. 2.

⁵ Желелев С. А. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н. Я. Марре. — ПИДО, 1935, 3-4, с. 173.

⁶ В числе регистраторов ГАИМК 1925 г. встречаем имена М. И. Артамонова, М. П. Грязнова, А. И. Доватура, А. П. Манцевич, М. Э. Матье, А. Ю. Якубовского. См.: СГАИМК, 1926, I, с. 25—28.

⁷ Фармаковский Б. В. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921, с. 11.

- ⁸ СГАИМК, 1926, I, с. 24.
- ⁹ Устав Государственной академии истории материальной культуры, с. 5, 6.
- ¹⁰ *Фармаковский Б. В.* Российская академия истории материальной культуры в 1919—1922 гг. Пг., 1922; *Он же.* Отчет о деятельности Государственной академии истории материальной культуры с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. — СГАИМК, 1929, II, с. 365, 366.
- ¹¹ См., например: *Марр Н. Я.* Скифский язык. — В кн.: Н. Я. Марр. Избранные работы. М.; Л., 1935, т. V.
- ¹² *Марр Н. Я.* Напутствие. — В кн.: Сборник работ аспирантов ГАИМК. Л., 1929, 1, с. 10. В сборнике напечатаны статьи аспирантов приема 1926 и 1927 гг. — М. И. Артамонова, В. А. Богусевича, Н. Н. Воронина, Л. А. Динцеса, С. Н. Замятнина, А. А. Иессена, Г. Ф. Корзухиной, М. Г. Худякова. Часть средств на издание сборника получена путем отчисления участниками сборника из получаемых ими аспирантских стипендий.
- ¹³ *Арцизовский А. В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. — Труды социологической секции Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 1927, I; *Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа. — Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 1928, II; *Киселев С. В.* Поселение. — Там же; *Смирнов А. П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв. н. э. — Там же.
- ¹⁴ Институт археологической технологии продолжал существовать, но был переименован в Институт исторической технологии.
- ¹⁵ В 1933 г. этот журнал был переименован в «Проблемы истории материальной культуры», а в 1934 г. — в «Проблемы истории докапиталистических обществ» (последний выпуск — 9-10 за 1935 г.).
- ¹⁶ Московская секция ГАИМК не играла существенной роли в развитии археологической науки. См.: ГАИМК. Московская секция. Сборник I. К десятилетию Октября. М., 1928.
- ¹⁷ *Мишулин А. В.* К открытию отделения ГАИМК в Москве. — СГАИМК, 1932, 3-4, с. 72—74; Работа МОГАИМК за январь—февраль 1934 г. — ПИДО, 1934, 3, с. 122, 123.
- ¹⁸ ПИДО, 1934, 2, с. 125—127. С момента своей организации в 1919 г. и до 1937 г. ГАИМК входила в систему Наркомпроса РСФСР.
- ¹⁹ Резолюции Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 г. — СГАИМК, 1932, 5-6, с. 90; см. также СГАИМК, 1932, 7-8, передовая статья.
- ²⁰ ПИДО, 1934, 5, с. 127.
- ²¹ Краткий отчет о работе Академии в 1935 г. Л., 1936, с. 16.
- ²² До Великой Отечественной войны вышло семь сборников; тома I—V изданы Институтом этнографии АН СССР; последующие — Институтом истории материальной культуры.
- ²³ За 1939—1941 гг. вышло девять первых сборников.
- ²⁴ За 1940—1941 гг. вышло шесть первых сборников.
- ²⁵ Были опубликованы в 1948 и 1951 гг. в виде двухтомника «История культуры древней Руси» (М.; Л., 1948, т. I; 1951, т. II).
- ²⁶ На основе «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» издана книга «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР» (М., 1956).
- ²⁷ См.: КСИИМК, 1946, XII; Проблемы советской археологии. М., 1978.
- ²⁸ Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания). М., 1945, с. 143—158.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Охрана памятников истории и культуры. М., 1973.
- ³¹ *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944.
- ³² *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
- ³³ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949.
- ³⁴ *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений. М.; Л., 1949.
- ³⁵ *Окладников А. П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан. — В кн.: Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 50—70-Х ГОДАХ

Бурное развитие археологической науки, прерванное Великой Отечественной войной, с новой силой и с еще бóльшим размахом развернулось в послевоенное время.

Институт истории материальной культуры АН СССР (с 1959 г. — Институт археологии), основная часть которого в 1945 г. была переведена в Москву, становится головным археологическим учреждением страны, направляющим и координирующим все археологические исследования.

Структура Института в ее современном виде сложилась в 50-е годы.

В 1958 г. была проведена реорганизация, имевшая целью ликвидировать параллелизм в работе отделений Москвы и Ленинграда, и утверждена новая структура, согласно которой в Москве остались сектора неолита и бронзы, скифо-сарматской археологии, античной археологии, славяно-русской археологии, лаборатория камеральной обработки материалов, отдел полевых исследований, отдел архивных исследований; в Ленинградском отделении — сектора палеолита, Средней Азии, а также группы античной археологии, славяно-русской археологии, лаборатория археологической технологии.

Разумеется, структура Института по мере возникновения новых задач, по мере разработки новых научных направлений развивалась и совершенствовалась. Уже сама эта структура показывает, что исследования Института охватывают все основные направления археологической науки. Изучаются все аспекты человеческой жизни от палеолита до средневековья включительно: быт, культура, хозяйство. С середины 50-х годов самое пристальное внимание привлекают вопросы этногенеза и этнической истории народов СССР.

Постепенно складываются новые научные направления. В 60-е годы остро встают проблемы применения естественнонаучных методов в археологии. Важнейшим разделом деятельности Института становится археологическая служба СССР — исследования на новостройках страны. В последнее десятилетие превращаются в новое направление исследования по зарубежной археологии. Значительно вырос в последние годы интерес к теории и истории самой археологической науки. Однако основным было создание обобщающих трудов по археологии и древней истории народов СССР.

Уже в 50-х годах вышли в свет задуманные еще в предвоенные годы капитальные труды: «Очерки истории СССР» (М.; Л., 1956, 1958), «История культуры древней Руси» (М.; Л., 1948; 1951), первый том «Всемирной истории» (М.; Л., 1955). К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции Академия наук СССР предприняла издание 12-томной «Истории СССР», первый том которой был также подготовлен Институтом археологии.

В этих трудах впервые были не только подведены итоги археологического изучения страны, но и сделан ценный опыт интерпретации археологических данных.

Широкие возможности исторических обобщений открыло небывало быстрое накопление археологических материалов в результате изучения значительных территорий нашей страны.

В 50-е годы — около 50, а в последнее десятилетие — уже более 70 тематических и комплексных экспедиций Института работают, активно заполняя белые пятна на археологических картах в самых различных районах СССР: в европейской части, в Сибири, Средней Азии и за Полярным кругом. Совершенствуется методика полевых исследований. Все шире используются новая землеройная техника, аэрофотосъемка, приемы и методы естественных наук.

Большое значение для решения сквозных тем и создания конкретной истории отдельных регионов имеет сплошное исследование памятников обширных территорий и микрорайонов. Такого рода исследования приобрели особый размах в последнее десятилетие в связи с новостроечными экспедициями (см. статью Ю. А. Краснова в настоящем выпуске).

Новый Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры¹ ставит перед Институтом еще более крупные и вместе с тем и более ответственные задачи.

Рост археологических исследований, колоссально возросший объем археологических материалов, добытых экспедициями и накопленных музеями страны, поставил перед археологической наукой неотложную задачу систематизации этого многообразного материала.

В 1960 г. Институт по инициативе академика Б. А. Рыбакова приступил к подготовке и изданию Свода археологических источников — фундаментального труда, рассчитанного на 350—400 выпусков, цель которого состоит в приведении археологических материалов в единую строгую и стройную систему, отвечающую требованиям современной науки и обеспечивающую использование этого фонда будущими поколениями исследователей. К настоящему времени более 60 выпусков его уже вышли в свет. С первых же выпусков (1962 г.) Своды получили признание в нашей стране и за рубежом и послужили образцом для подготовки аналогичных изданий.

Огромный материал, собранный исследователями, стал основой для создания многих монументальных трудов. Представление об объеме нашей археологической литературы дают четыре тома библиографии советской археологической литературы². В 1970 г. в связи с работой XIII Международного конгресса историков вышла в свет небольшая статья о советской археологической литературе периода 1965—1969 гг.³ Эти справочные издания содержат свыше 25 тыс. названий книг и статей.

Институт археологии ежегодно издает более 20 книг по различным разделам древней истории нашей Родины.

Чтобы ознакомить широкие слои населения с выдающимися археологическими открытиями, Институт подготовил и издал ряд научно-популярных работ в серии «Из истории мировой культуры». Регулярно выходят из печати художественные альбомы на двух языках (русском и одном из западноевропейских), посвященные уникальным памятникам мировой культуры.

В данной статье невозможно перечислить все труды археологов — сотрудников Института. Следует отметить, что многие из них получили высокую оценку. Ряд работ Н. Н. Воронина, Е. И. Крупнова, Б. А. Рыбакова удостоены высшей награды — Ленинской премии. Государственной премии удостоены работы С. В. Киселева, Б. А. Куфтина, А. П. Окладникова, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровского, Б. А. Рыбакова, С. А. Семенова, А. Ю. Якубовского, а также коллективные труды: «Культура древней Руси» и «Труды Новгородской экспедиции» (А. В. Арциховский, П. И. Засурцев, Б. А. Колчин, А. Ф. Медведев, В. Л. Янин).

Работы советских археологов получили признание и за рубежом, где они постоянно издаются и переиздаются, а некоторые сотрудники Института избраны почетными членами зарубежных академий, институтов, обществ (В. Д. Блаватский, Н. Я. Мерперт, Б. А. Рыбаков), награждены орденами и медалями (П. И. Борисковский, Н. Я. Мерперт, В. С. Титов).

Необходимо отметить огромную роль Института археологии АН СССР в подготовке новых, особенно местных национальных кадров. Достаточно сказать, что только за последние десять лет свыше 70 человек из различных республик, краев и областей закончили аспирантуру Института. Многие из бывших аспирантов защитили докторские диссертации. Выпускники Института успешно руководят археологическими исследованиями на местах. Институт постоянно оказывает местным археологам высококвалифицированную научную и методическую помощь.

Особенно большое значение в деле планирования и координирования исследований имеют традиционные всесоюзные сессии, посвященные итогам полевого сезона, которые с 1945 г. регулярно проводятся в Москве, Ленинграде и других научных центрах страны.

Не менее важную роль в этом отношении играют периодические издания Института: журнал «Советская археология», «Краткие сообщения Института археологии» и «Археологические открытия» (см. статью В. А. Кольчатова в настоящем выпуске).

Деятельность Института как головного археологического учреждения страны высоко оценена партией и правительством. В 1969 г. коллектив Института награжден орденом Трудового Красного Знамени за успехи в развитии археологической науки и подготовку высококвалифицированных научных кадров.

По мере возникновения новых задач, разработки новых научных направлений совершенствуется структура Института. Необходимость широкого внедрения и использования методов естественнотехнических наук привела к созданию при Институте в 1967 г. специальной лаборатории естественнонаучных методов, в состав которой вошли кабинеты спектрального и химического анализов, дендрохронологии, петрографии, геофизики, пылецевого анализа и др. В ЛОИА организована лаборатория радиоуглеродного анализа.

В 1972 г. в Институте созданы два новых сектора — археологических сводов и новостроечных и хоздоговорных экспедиций (Москва) и группа новостроечных и хоздоговорных экспедиций (Ленинград). На базе группы славяно-русской археологии в ЛОИА возник сектор славяно-финской археологии.

В соответствии с основными направлениями Институт разрабатываются такие крупные проблемы, как возникновение человека и человеческого общества, история первобытного и рабовладельческого обществ, этногенез и этническая история народов СССР, этногенез и этническая история народов мира, генезис и развитие феодализма у народов на территории СССР, история изобразительного и прикладного искусства народов СССР, применение естественнонаучных методов в археологии, история религии и т. д.

Проблемы эти в известной мере традиционны, но за последние два десятилетия в их решении наметились существенные сдвиги, обозначились новые рубежи.

Важное историко-культурное и мировоззренческое значение имеет проблема происхождения человека и начальных этапов человеческой истории, теснейшим образом связанная с исследованием палеолитических памятников. В изучении палеолита послевоенный период и особенно последнее десятилетие ознаменовались важнейшими открытиями. Получен принципиально новый материал, характеризующий все этапы развития древнего каменного века в нашей стране. Систематические исследования многослойных памятников как в европейской, так и в азиатской части СССР легли в основу четкой периодизации палеолита. Широкое изучение палеолитических жилищ и погребений, в том числе знаменитого захоронения на стоянке Сунгирь во Владимирской обл., позволило глубже познать экономику, социальные отношения и идеологические представления этого периода.

Исключительный интерес представляет впервые открытая на территории СССР на Урале в Каповой пещере палеолитическая живопись⁴, ближайшей аналогией которой являются знаменитые пещерные рисунки Пиренеев и Южной Франции. Исследования палеолитического рисунка и мелкой пластики по-новому ставят вопрос о путях развития искусства, а также о самой жизни первобытного человека в эпоху древнего каменного века⁵.

Изучение памятников мезолита, особенно в европейской части СССР, позволило выделить здесь ряд хозяйственных зон и наметить и выявить их связь с Передней Азией, с Восточным Средиземноморьем.

Значительные результаты получены в области изучения неолита и процессов так называемой неолитизации: появления и распространения производящего хозяйства на территории нашей страны. Тщательно изучались три первоначальных центра древнего земледелия и скотоводства: юг Средней Азии, Закавказье и юго-запад европейской части страны. Не менее детально и всесторонне исследовались неолитические памятники охотников и рыболовов лесостепной и лесной полос Евразии⁶.

Выделены отдельные локальные варианты неолитических культур, соответствовавших, по-видимому, определенным древним этническим общностям⁷. Раскопаны сотни разнообразных памятников, дающих представления об особенностях хозяйства, культуры и быта той или иной области. Верхневолжской экспедицией Института (руководитель Д. А. Крайнов) открыты памятники новой неолитической культуры (V—IV тысячелетия до н. э.), предшествовавшей культуре ямочно-гребенчатой керамики и названной верхневолжской. Специальное исследование посвящено и самой культуре ямочно-гребенчатой керамики⁸.

Крупные успехи достигнуты в изучении энеолита и бронзового века на территории СССР. Выявлены сотни поселений трипольской культуры, часть из них полностью раскопана, установлены границы расселения трипольских племен на разных стадиях их развития, история их хозяйства, быта, общественных отношений. Получен интересный материал по идеологии этих племен⁹.

Значительно пополнились наши знания по бронзовому веку Белоруссии и Поднепровья¹⁰. Особенно много сделано в области исследования памятников фатьяновской культуры. Работами Д. А. Крайнова, О. Н. Бадера и других собран интереснейший материал, показывающий динамику развития фатьяновских племен и открывающий большие перспективы для изучения соседних культур¹¹.

Предметом специального исследования была культура пояса степей, оказавшая огромное влияние на культуру сопредельных районов и в том числе на культуру балкано-дунайских стран. Установлены крупные этнические общности древних скотоводов и земледельцев¹².

Большие исследования ведутся в Сибири. Особенно весомый вклад в изучение бронзового века этой обширнейшей области СССР внесли обобщающие труды М. П. Грязнова, С. В. Киселева, А. П. Окладникова, В. Н. Чернецова¹³. Сейминско-турбинские, самусьские и еловские материалы Западной Сибири по-новому осветили культурные связи обширных районов Поволжья, Урала и Сибири¹⁴.

С каждым годом полнее раскрывается прошлое народов Средней Азии. Большая группа сотрудников Института целеустремленно трудится над изучением первобытной истории и культуры этого региона. Широкую известность и признание получили исследования в Туркмении. Комплексное археологическое и палеогеографическое изучение данной области позволили установить глубокую древность местного ирригационного земледелия (IV тысячелетие до н. э.). Геоморфологическое и палеоботаническое изучение древних оазисов дало возможность восстановить гидрографическую сеть и принципы орошаемого земледелия¹⁵. Получены новые данные по раннегородским центрам, позволяющие относить начало процесса урбанизации на юге Средней Азии к эпохе бронзы (III—начало II тысячелетия до н. э.).

Значительные по объему исследования сотрудников Института посвящены истории и культуре Кавказа. За последние 10—15 лет здесь открыта и исследована большая группа древнейших раннеземледельческих памятников, относящихся к V—IV тысячелетиям до н. э. Много сделано в изучении дольменов Кавказа. Все это позволило поставить по-новому вопрос о времени возникновения и развития кавказской этнической общности, связанной с так называемой иберийско-кавказской семьей языков. Велись также работы по изучению истории ираноязычного осетинского и тюркоязычных балкарского и карачаевского народов Северного Кавказа¹⁶.

Ряд важнейших проблем древней истории народов СССР связан с изучением скифов. Проводились исследования поселений и могильников скифов в Причерноморье, близких в культурном отношении памятников сакского времени в Средней Азии и Сибири, позволившие уточнить хозяйственную деятельность и уровень социального развития племен скифского времени на обширной территории от Дуная до глубинных районов Центральной Азии. На восточной окраине культур скифского круга исследован получивший широкую известность царский курган Аржан. Исключительно богатый инвентарь этого кургана свидетельствует о далеко зашедшей имущественной и социальной дифференциации у скотоводов Тувы уже в начале I тысячелетия до н. э. Удалось также решить некоторые вопросы происхождения скифов, определить пути их продвижения через Кавказ и Переднюю Азию.

Продолжалась интенсивная работа по уточнению Геродотовой Скифии, по-новому рассматривался вопрос о соседях скифов: гелонах, будинах, неврах. Установлена граница между скифами и фракийцами по течению Днестра¹⁷.

Следует отметить успехи, достигнутые в изучении сарматских племен и их соседей¹⁸.

Работами А. П. Смирнова и других исследователей прослежена конкретная история племен лесной полосы Восточной Европы в период раннего железа.

Большое значение имело исследование первых государственных образований на территории нашей страны, прежде всего городов Урарту¹⁹. Много нового в изучение древнейших цивилизаций внесли исследования античных городов Северного Причерноморья. Раскопки Ольвии, Фанагории, Горгиппии, Танаиса, открытие мраморного толоса на Тамани, богатых анапских склепов с замечательными росписями, исследования сельских районов Боспора позволили ярче осветить историю, экономику и культуру античных городов-государств, а также идеологию античного мира и влияние греческой колонизации на варварскую периферию²⁰. Значительно вырос объем исследований на восточной периферии эллинистического мира.

Одну из важнейших проблем, над которой с 50-х годов активно работали сотрудники Института, составляет этногенез племен и народов СССР. В связи с этой проблемой находятся исследования материальной и духовной культуры финно-угорских и тюркоязычных народов Поволжья и Прикамья²¹. Накоплен значительный материал и предложены достаточно убедительные гипотезы, касающиеся происхождения сибирских народов угров и самодийцев.

Большое место в работе Института занимали важные и сложные вопросы отечественной истории — славянского этногенеза и образования древнерусской народности. Особое внимание уделялось черняховской культуре. Изучение ее совместно с учеными Украины, Белоруссии и Молдавии позволило выявить локальные варианты и наметить пути для выяснения этнической структуры этой культуры.

Определено время появления восточнославянских племен в Поднепровье и изучены территория и детали их расселения в процессе сложения древнерусской народности²².

Большое внимание уделяется проблеме генезиса феодализма в древней Руси. Систематически исследовались многие большие и малые города. Старейшему русскому городу — Киеву — посвящена монументальная работа М. К. Каргера²³. В 1964 г. М. К. Каргер закончил исследования другого русского города — Иязславля. Раскопки раскрыли яркую картину гибели его во время монголо-татарского нашествия. Проводились раскопки Белоозера (Л. А. Голубева), Новоградка (Ф. Д. Гуревич), Старой Рязани (А. Л. Мовгайт и В. П. Даркевич). Б. А. Рыбаков руководил раскопками Любеча на Днепре.

Важную страницу русской истории открыли многолетние раскопки в Новгороде с его деревянной архитектурой, разнообразными находками и знаменитыми берестяными грамотами²⁴.

Целый ряд работ связан с изучением военно-оборонительного зодчества и великолепного прикладного искусства древней Руси²⁵.

Неизменным оставался интерес к ремеслу. Как показали работы Б. А. Рыбакова, ремесло являлось важнейшей составной частью хозяйственного фундамента, на котором выросла яркая и самобытная культура древней Руси²⁶.

Археологические исследования затронули не только древнерусский город, но и деревню²⁷.

Интересные материалы по истории Москвы получены в результате работ постоянной Московской экспедиции Института, которая проводила раскопки в Кремле и Зарядье.

Систематически исследовались средневековые памятники Средней Азии, Кавказа, Поволжья и кочевых племен — соседей славян. Получены новые данные по истории феодализма в этих районах, раскрыта самобытная культура кочевых племен²⁸.

Одним из основных научных направлений в работе Института за последние 10—15 лет стало применение методов естественных наук в археологической практике. Это позволило перейти к более углубленному и всестороннему изучению древних производств; дать общую картину горного дела и металлургии; исследовать технологию производства керамики; комплексно с привлечением данных палеоботаники, палеозоологии и палеогеографических факторов изучить историю древнейшего земледелия и скотоводства²⁹.

Прочно внедрились в археологическую практику трасологический и экспериментальный методы и метод моделирования производственных процессов, очень важный для определения экономичности древних производственных процессов³⁰.

Лаборатории Института провели также очень важную работу по определению абсолютного возраста археологических памятников. Создана универсальная дендрохронологическая шкала Восточной Европы с 650 г. н. э. до современности.

В книге «Проблемы абсолютного датирования в археологии» впервые в европейской науке обобщены данные по абсолютной хронологии археологических памятников от палеолита до ранней бронзы. При этом исследователями было учтено более 5 тыс. дат по C¹⁴, определенных всеми лабораториями мира³¹.

В последнее десятилетие значительно расширились зарубежные связи Института. Работают многолетние экспедиции: Советско-Афганская, Советско-Болгарская, Советско-Венгерская, Советско-Монгольская и Советско-Иракская археологическая экспедиция в Ираке; начались экспедиционные работы на Шпицбергене; ведутся кабинетные исследования по археологии многих районов мира.

Ленинградским отделением Института завершено фундаментальное исследование «Палеолит мира», первая часть которого — «Палеолит Африки» — вышла в свет³².

Появился ряд обобщающих работ по археологии Польши, Румынии, Латинской Америки, Западной Европы и Афганистана, в которых общие вопросы и проблемы истории этих регионов рассматриваются с позиций марксистско-ленинской методологии³³.

Таким образом, работы по зарубежной археологии становятся еще одним новым научным направлением в исследовательской деятельности Института.

Заметно возрос в последние годы интерес к теоретическим вопросам археологической науки. На сессиях и в специальных трудах активно обсуждались такие актуальные вопросы, как соотношение археологической методологии, теории и методики, вопрос о предмете и объекте археологической науки, вопросы понятийного аппарата. Предпринята попытка вы-

работать системы описания строгих классификаций различных археологических материалов³⁴.

Наконец, необходимо сказать об участии Института в разработке фундаментальных комплексных проблем отечественной истории и в создании обобщающих исследований по археологии и древней истории СССР.

Сотрудники Института активно участвуют в работе научных советов по комплексным проблемам: «История мировой культуры» и «Закономерности развития общества от одной общественно-экономической формации к другой».

При Институте создан совет по археологии и истории культуры Средней Азии и Казахстана. Институт принимает участие в подготовке первого тома многотомного издания «История крестьянства» (основной исполнитель Институт истории СССР).

Сотрудники Института являются редакторами и авторами соответствующих археологических разделов в работах по истории отдельных регионов.

Совместо с Министерством культуры СССР готовятся выпуски Сводов памятников истории и культуры.

С 1973 г. Институт сосредоточил усилия на основном исследовательском объекте — обобщающем коллективном многотомном труде «Археология СССР», в котором будут подведены итоги многолетних археологических исследований, найдут отражение все основные достижения советской археологической науки.

Издание этого труда несомненно откроет новый этап в развитии археологической науки, явится надежной базой для теоретических изысканий и создания новых обобщающих трудов по древней и средневековой истории народов СССР.

Оценивая развитие археологии и деятельность Института за последние 30 лет в целом, следует отметить резко возросший объем полевых и особенно новостроечных работ, быстрые темпы накопления нового материала, повышение эффективности его изучения за счет совершенствования традиционных методов и использования методов естественных наук, укрепление лабораторной базы исследований, появление новых научных направлений и создание крупных обобщающих работ по археологии, истории и культуре народов СССР и зарубежных стран на базе творческого овладения основами марксистско-ленинской философии и посильного участия в разработке общей теории докапиталистических формаций.

¹ Правда, 31 октября 1976 г.

² Советская археологическая литература. Библиография. 1918—1940. М.; Л., 1965; то же. 1941—1957. М.; Л., 1959; то же. 1958—1962. Л., 1969; то же. 1963—1966. Л., 1975.

³ Solovieva G. Soviet archaeological literature, 1965—1970. М., 1970.

⁴ Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.

⁵ Абрамова З. А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966; Она же. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1972; Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1967; Он же. Очерки по первобытному искусству. М., 1969; Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967.

⁶ Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

⁷ Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. — МИА, 1967, 144.

⁸ Третьяков В. П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.

⁹ Пассек Т. С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. — МИА, 1961, 184; Она же. Периодизация трипольских поселений. — МИА, 1949, 10.

¹⁰ Артеменко И. И. Бронзовый век на территории Белоруссии. М., 1966.

¹¹ Бадер О. Н. Балановский могильник. М., 1963; Крайнов Д. А. Древняя история Верхнего Поволжья. М., 1972.

¹² Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1972.

¹³ Грязнов М. П. История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, 1956, 48; Окладников А. П. Бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. — МИА, 1950, 18; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951;

- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, 1953, 35.
- ¹⁴ Косарева М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- ¹⁵ Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие Туркмении. М., 1965.
- ¹⁶ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Мунцаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- ¹⁷ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1978; Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- ¹⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964; Он же. Сарматы на Илеке. М., 1975; Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- ¹⁹ Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.
- ²⁰ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970; Он же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- ²¹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, 28.
- ²² Трегьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953; Он же. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- ²³ Каргер М. К. Древний Киев. М., 1958, т. I; 1961, т. II.
- ²⁴ Труды Новгородской экспедиции, т. I. — МИА, 1956, 55; т. II. — МИА, 1959, 65; т. III. — МИА, 1963, 117; т. IV. — МИА, 1963, 123.
- ²⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. I; 1962, т. II; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. — МИА, 1956, 52; Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1971; Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975; Макарова Т. И. Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975; Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
- ²⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
- ²⁷ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960.
- ²⁸ Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1965; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971; Беленицкий А. И., Бенкович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- ²⁹ Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
- ³⁰ Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л., 1957.
- ³¹ Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- ³² Палеолит Африки. Л., 1977.
- ³³ Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М., 1969; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973; Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972; Башиллов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1973, т. I; 1974, т. II; Сараниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1978.
- ³⁴ Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

В. М. МАССОН

У ИСТОКОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В настоящее время достижения советской археологической науки получили всеобщее мировое признание. Открытия советских исследователей в немалой степени способствовали превращению археологии XX в. в подлинно мировую археологию, изучающую все без исключения уголки земного шара. Но специфическая особенность советской археологии, основа всех ее достижений, заключена не только в самих фактах новых открытий и в тщательной полевой методике. И масштабы работ, и их направленность, и сама методика сложились как прямое следствие определенной теоретической ориентации советской археологической науки.

Буржуазная археология XIX—начала XX в. накопила значительный информационный багаж, в ней сложились устойчивые приемы и своего рода методические традиции в интерпретации археологических памятни-

ков. Но при всех успехах и достижениях археологии этого периода главный недостаток заключался в том, что памятники рассматривались, как правило, изолированно, вне социально-экономической специфики оставивших их обществ; сами памятники зачастую трактовались как объект искусства; в развитии, если оно улавливалось, искали прямолинейный эволюционизм, почти механически переносимый из биологии.

Возникновение и формирование советской археологии означало прежде всего появление в мировой археологии принципиально нового направления, которое последовательно и в теоретических предпосылках, и в методических разработках рассматривало археологию как неотъемлемую часть исторических наук, базирующихся на принципах исторического материализма. Именно марксистско-ленинская философия позволила глубоко и всесторонне реализовать общий тезис о теснейшей связи археологии и истории.

В своем развитии советская археология прошла ряд периодов, которые были не лишены внутренних сложностей и противоречий. Особое значение имеет период внедрения принципов исторического материализма в археологию, приходящийся на вторую половину 20-х—начало 30-х годов. Это утверждение принципов марксизма-ленинизма в одной из отраслей научного знания происходило в условиях многочисленных и порой резких дискуссий, разного рода увлечений, преувеличений, а порой и ошибок, выправленных в значительной мере к концу 30-х годов.

Обращение к истокам теоретической мысли советской археологии особенно важно сейчас, когда, обладая определенной исторической перспективой, можно полнее оценить как значительные достижения этого периода, так и имевшие место упущения и недостатки. Общая оценка ранней советской археологии четко дана Б. А. Рыбаковым, который в одной из своих сводных статей писал: «Двадцатые годы были эпохой создания первых исторических эскизов мирового исторического процесса на основе археологических материалов. Эскизы были смелыми, нередко противоречивыми, но они будили мысль, приобщали археологию к истории и поднимали ее на философскую высоту»¹.

С победой советской власти, с перестройкой всей работы, нацеленной на формирование основ социалистического общества в нашей стране, вопросы применения марксистской методологии стали насущными во всех отраслях знания. В археологии первыми поставили эти вопросы молодые московские студенты и аспиранты, объединившиеся вокруг Института археологии и искусствоведения РАНИОН. На социологической секции института, переименованной позднее в секцию теории и методологии, эта группа выступала с докладами, сами названия которых уже определяли их методологическую направленность. Так, в 1925—1926 учебном году с докладами выступили: А. Я. Брюсов «Социологическая история жилища», А. В. Арциховский «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» и Г. С. Матвеев «Социологический очерк Боспорского государства по данным археологии». В следующем учебном году состоялись доклады Н. А. Дмитриева «Археология и социология», С. В. Киселева «Поселение», А. П. Смирнова «Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв.», А. Я. Брюсова «Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа». Большая часть докладов была опубликована в трудах упомянутой секции.

В ноябре 1929 г. на социологической секции Общества историков-марксистов А. В. Арциховский от имени группы, включавшей, помимо докладчика, С. В. Киселева и А. Я. Брюсова, выступил с программным докладом о социологических возможностях и марксистской методологической основе советской археологии². Несмотря на некоторые преувеличения и ошибки, о которых потом писали сами исследователи³, деятельность этой группы молодых археологов Москвы имела важнейшее значение для формирования исходных теоретических позиций советской археологии. В. И. Равдоникас, которого отнюдь нельзя упрекнуть в предвзятой доброжелательности, в 1930 г. писал: «В целом выступление московских товарищей,

подкрепленное рядом их вполне современных и нужных конкретных работ, следует приветствовать и к нему присоединиться»⁴.

С 1929 г. начинается активная деятельность по разработке методологических основ советской археологии на теоретических принципах марксизма-ленинизма в ведущем тогда археологическом учреждении страны — ГАИМК в Ленинграде. Здесь можно отметить доклад Ф. В. Кипарисова в марте 1930 г. в Ленинградском отделении Комкадемии на тему «История материальной культуры, ее предмет и задачи», целый ряд выступлений В. И. Равдоникаса, в основном опубликованных отдельными брошюрами, работы С. Н. Быковского, практическую деятельность молодых археологов (М. И. Артамонов, П. И. Борисковский, Е. Ю. Кричевский, П. Н. Третьяков и другие), смело усваивающих новый подход, разработка которого была начата и учеными старшего поколения (П. П. Ефименко и другие). В опубликованной в начале 1931 г. статье, носящей заглавие «Целевая установка и новые задачи ГАИМК», указывалось, что в прежней деятельности ГАИМК вещи изучались в отрыве от форм общества и условий производства и что теперь необходимо подчинить исследование вещественных памятников прошлого целям изучения истории самого общества, которому принадлежат исследуемые памятники⁵. Большой заслугой ленинградских археологов была острая и бескомпромиссная критика буржуазной археологии, постановка вопросов формирования теоретических основ советской археологии при констатации философской значимости подобных разработок. Суровой и эмоциональной критике подверглись и работы советских археологов, развертывались дискуссии.

Полный анализ и оценка этой напряженной, энергичной, но и противоречивой как по методам, так и по результатам, деятельности, еще впереди. Актуальность подобного разбора сейчас ощущается особенно остро в условиях повышенного внимания к социологическим аспектам археологической науки, которое можно наблюдать в англо-американской археологии последнего десятилетия и которое по содержанию, а в какой-то мере и генетически, связано с теоретическими разработками молодой археологии Страны Советов⁶. Не претендуя на подобный полный разбор, остановимся лишь на таких аспектах, как изучение хозяйства и общественных отношений древних обществ на основании данных археологии. Возможность и необходимость таких реконструкций органически вытекала из основных теоретических положений молодой советской археологии.

Исходя из марксистской концепции, определяющей роль производительных сил в истории общества, А. В. Арциховский и другие молодые московские археологи выдвинули тезис о важности изучения в первую очередь орудий труда. А. В. Арциховский писал о методе социологических обобщений в археологии как о «методе восхождения от орудий производства к производственным отношениям и от производственных отношений к гражданскому быту»⁷. Соответственно выдвигалась задача археологии — «восстановление по памятникам археологии общественно-экономических формаций»⁸. Термин сам по себе в данном случае был применен не очень удачно, поскольку имелось в виду по существу восстановление социально-экономических отношений. Такая терминологическая неточность, к тому же вынесенная в заголовок упоминавшегося выше доклада А. Я. Брюсова, могла вести к представлению о наличии в неолите нескольких формаций. Но существо дела от этого не меняется: московская группа активно утверждала, что археология как самостоятельная наука обладает достаточными материалами для социологических построений⁹.

Была намечена и процедура соответствующих реконструкций. Коль скоро археология изучает орудия труда, то открывается возможность восстановления древней системы производительных сил, а от нее уже можно восходить к системе производственных отношений, привлекая такие дополнительные материалы, как типы поселений и жилищ, типы погребений, проводя сравнительный анализ инвентаря погребений и объектов, обнаруженных в жилищах¹⁰. Развивая это общее положение, С. В. Ки-

селев писал о тесной взаимосвязи между изменениями социально-экономического строя и формами поселений¹¹. А. Я. Брюсов добавлял, что «восхождение от орудий труда и вообще от материальных памятников к общественно-экономическим формациям должно корректироваться обратным заключением от последних к первым»¹². Разумеется, прямолинейный переход от орудий труда к производственным отношениям был несколько поспешным и механистичным, о чем писали сами члены московской группы¹³ и на чем сосредоточивали огонь критики их оппоненты¹⁴. Несколько недооценивалась роль неархеологических источников, в частности этнографии, в изучении социально-экономических систем прошлого. Но в целом разработки московской группы были передовыми, активно утверждалась возможность подхода к археологическим памятникам как к источнику информации о хозяйстве и общественном строе древних племен и народов.

Эти же исходные положения с целым рядом уточнений, дополнений и в более развернутом методологическом и философском плане развивали с 1929 г. и ленинградские исследователи. Особенно характерны яркие и темпераментные статьи В. И. Равдоникаса, обычно преисполненные полемического задора, но вместе с тем отличающиеся значительной глубиной методологических разработок. В. И. Равдоникас отмечал как общее положение, которому он, правда, сам не всегда следовал в конкретных разработках, что задача социологических реконструкций весьма сложна и что дело заключается в том, чтобы изучив метод марксизма, применить его к конкретному археологическому материалу не как механическое приложение, «а извлекая из материала новые закономерности, устанавливая новые связи, тем самым конкретизируя и разрабатывая сам метод, заостряя его применительно к данной области явлений»¹⁵. Весьма важно его положение, что социологически определенные вещи важны и понятны лишь в совокупности со всеми другими видами вещей данного общества, с учетом условий их нахождения и данных природной и социальной среды¹⁶.

В ряде работ В. И. Равдоникас высказывает весьма определенные суждения о сложности исследовательской процедуры, ведущей лишь в конечном итоге к определению принадлежности изучаемого общества к конкретному этапу той или иной формации. Уже полевая методика археологии должна быть методологически обусловлена¹⁷, и в связи с задачами социологического исследования особенно важен широкий охват возможно большего числа памятников, изучение массового, рядового археологического материала, требующего, в частности, применения корреляционной статистики¹⁸. На следующем этапе путем хронологизации выделяется относящийся к определенной эпохе материал или комплекс. В дальнейшем исследовании он «расшифровывается как вскрывающий нам структуру данного общества данной эпохи. Восстанавливаются существующие производства, выясняются производственные отношения, идеологические надстройки»¹⁹. При этом типы производственных отношений восстанавливаются на основе анализа не только труда, но и весьма сложного ряда факторов, включающих этнографический, лингвистический и иной материал²⁰. Нельзя не видеть, что наряду с утверждением самой возможности социологических реконструкций в археологии В. И. Равдоникас немало сделал в теоретической разработке методики подобных реконструкций.

Современным поколениям советских археологов, воспитанным с университетской скамьи на исходных положениях марксистской археологии, которые нашли свое достаточно полное отражение уже в первых университетских курсах А. В. Арциховского и В. И. Равдоникаса²¹, подобный запал в спорах о самой возможности социологических реконструкций в археологии может показаться попыткой войти в широко открытую дверь. Но в 30-х годах новые положения археологов Москвы и ГАИМК представляли собой качественное скачок в развитии науки, своего рода революционный сдвиг привычных норм и представлений. Достаточно процитировать В. И. Равдоникаса, который с полным правом писал: «Еще не

так давно считалось, что стоит только произвести археологические раскопки и напечатать о них отчет, т. е. попросту, значит, стоит установить факт, как уже научная работа выполнена и автор ее может почтить на лаврах, особенно если в отчете фигурирует и хронология, и описание быта, и пресловутая этническая принадлежность (примитивная схема археологического синтеза)»²².

Наряду с общими теоретическими разработками ранней советской археологией были осуществлены и первые опыты конкретных социологических реконструкций. Соответствующая тематика стала выдвигаться как одна из главных. В этом отношении весьма показательна, например, тематика сектора архаической формации ГАИМК самого начала 30-х годов²³.

Так, группа дородового общества при участии Г. А. Бонч-Осмоловского, В. И. Громова, П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, А. М. Золотарева разрабатывала тему «Охота и ее значение как руководящей формы производства средне- и верхнепалеолитического общества». При этом, например, в докладе П. И. Борисковского переход от солютре к мадлену рассматривался как скачок к качественно отличной форме охотничьего хозяйства. Работала группа хозяйства эпохи бронзы; в группе земледелия изучалась проблема возникновения пашенного земледелия; группа кочевого скотоводства готовила монографию, над которой трудилась бригада в составе М. И. Артамонова, В. В. Гольмстен, М. П. Грязнова и Г. П. Соновского.

Результаты коллективного труда последней бригады нашли отражение в статье В. В. Гольмстен²⁴, где скотоводство рассматривается как составная часть общественно-экономической системы, вне связи с которой его эволюция не может быть понята, ставятся вопросы о значении природной среды, о соотношении общих закономерностей и локальных особенностей в развитии этого вида хозяйственной деятельности. Из конкретных разработок интересна картина этапов развития скотоводства в Южной Сибири, намечаемая на основе остеологических материалов, учета общего культурно-бытового облика изучаемых обществ и природных условий, в которых были распространены исследуемые памятники. Правда, в статье ощущается слабый уровень разработки методики использования всех данных археологии для соответствующих реконструкций, поскольку в основном все сводится, как правило, к одной остеологии.

В какой-то мере ограничение одним видом источника свойственно и неоднократно упоминавшейся статье А. В. Арциховского о социологическом значении земледельческих орудий. Правда, автор и не ставил задачу восстановления земледелия в целом как особой хозяйственной системы, а прослеживал своего рода генеральную линию развития орудий для обработки почвы, с тем чтобы получить примеры, подтверждающие основную мысль о социологическом значении этих орудий.

Можно сказать, что первым результатом воздействия новых теоретических положений на конкретную деятельность археологов было резкое расширение исследовательской тематики, включающей теперь как обязательный элемент разработки по истории хозяйства и общественных отношений.

Весьма характерны в этом отношении две книги: П. П. Ефименко «Дородовое общество»²⁵ и А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы»²⁶.

Книга П. П. Ефименко, впоследствии дважды переработанная и переизданная, представляет собой весьма квалифицированную сводку археологических данных, причем достаточно симптоматично, что в предисловии редакция упрекает автора «в излишней археологичности». Вместе с тем уже сама организация подаваемого материала отражала новый подход. Повсюду введены специальные разделы об охотничьей деятельности, максимально мобилизован материал о древних жилищах и поселениях. Однако предлагаемые автором социологические характеристики в основном носят характер скорее общих замечаний, чем детальных и обоснованных

реконструкций конкретных хозяйственных и социальных систем древности.

В значительной мере это присуще и книге А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого. Здесь введены специальные разделы, посвященные собирательству, земледелию, охоте и скотоводству. Но опять-таки это в основном добротная сводка — каталог данных, характеризующих те или иные способы производства. В работе правильно поставлен вопрос о необходимости изучения древней природной среды, но история скотоводства восстанавливается на основе одних остеологических материалов без широкого учета палеогеографической ситуации.

Общественные отношения в рассматриваемый период развития советской археологической науки реконструировались в значительной мере на основе анализа древних могильников и погребений. Конкретные данные о характере древних жилищ и поселений в большинстве случаев отсутствовали, и их изучение и раскопки были провозглашены одной из главных задач полевой археологии, что со временем дало положительный эффект, особенно для верхнего палеолита и Триполья. Методические принципы изучения поселений были удачно разработаны в упоминавшейся статье С. В. Киселева, который в одном из итоговых тезисов формулирует вывод, что близкие общественные и экономические условия обуславливают и сходную систему поселений²⁷. В статье ставятся вопросы выделения таких элементов поселений, которые связаны с общими функциями, объединявшими весь обитавший здесь коллектив, подчеркивается значение в этом плане укреплений, домов вождей, делаются расчеты по определению объема строительных работ.

Выдвигаемые положения нередко удачным образом реализовались в ходе конкретных полевых работ. В качестве примера можно назвать исследования П. Н. Третьякова на Верхней Волге, где в 1934—1935 гг. полностью был раскопан поселок Березяки. По характеру находок здесь были выделены мужская и женская части в пределах небольших по размерам жилых домов, элементы, общие для всего поселка: кузница, дом «текстильных» работ, помещения для хранения и размолы зерна. Коллективный характер погребений подчеркивал единство обитавшего здесь коллектива, который, по П. Н. Третьякову, объединял 40—50 человек и представлял собой небольшую общину родственников, совместно ведущих хозяйство²⁸.

Изучение погребений давало в распоряжение археологов обширный, хотя и не во всех отношениях доброкачественный, материал. На его основании были поставлены вопросы о возможных различиях в обрядах погребения в соответствии с социальным рангом усопшего²⁹, о роли и значении погребального инвентаря. Что касается последнего, отметим положение В. И. Равдоникаса о необходимости определять функциональный характер этого инвентаря, который, например в сарматское время, включал главным образом принадлежности костюма, вооружения и некоторые предметы обихода, а отнюдь не все имущество погребенного³⁰. Рассматривался вопрос о связи размеров кладбища или могилы и величины оставивших их общественных единиц. Так, для эпохи средневековья П. Н. Третьяков по размерам кладбищ в 5—15 могил высказывал предположение, что основной ячейкой общества была не большая семья, а более малочисленная трудовая группа³¹. С. В. Киселев определял большие тагарские курганы со 100—140 погребенными как гробницы воинов, их жен и детей и видел в этих курганах указание на наличие в оставившем их обществе больших дружин³².

Опыт одновременного использования данных о погребальном инвентаре и о половозрастном составе погребенных осуществлен А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким в упоминавшейся книге. Их исследование отличается большой археологической конкретностью, построено на массовом материале. Отметим положение о начальной стадии различий в погребальном инвентаре как стадии только количественных отличий в наборе вещей. Недостатком предлагаемых построений было ограниченное вни-

мание к реконструкции погребального обряда как отражения существовавших в обществе идеологических представлений и к выяснению объективной возможности наличия в исследуемом материале искомой информации. Само такое наличие рассматривалось как исходный постулат³³, что, разумеется, существенно ослабляло убедительность предлагаемых заключений. Так, более частое помещение костей домашнего скота в могилы мужчин приводило авторов к прямолинейному заключению, что скотоводство было в основном мужским занятием и что скот был собственностью мужчин. Однако возможность трактовки этого обстоятельства как детали погребального обряда, отражающей идеологические представления, а не экономическую реальность, исследователями даже не предусматривалась.

Статья М. И. Артамонова о совместных захоронениях в могильниках эпохи бронзы³⁴ является прекрасным образцом исследования, процедура которого основана на анализе данных о половозрастном составе погребенных с введением количественных характеристик, на объяснении наблюдаемых явлений, исходя из марксистского учения о первобытнообщинном строе, и на использовании этнографических аналогий как своего рода модели. М. И. Артамонов ставит вопрос о необходимости учитывать определенное отставание идеологии, об одновременном анализе и проблемы матриликальности брака, и социальной дифференциации. Его гипотеза о насильственно погребенных женщинах как наложницах или рабынях была наиболее обоснована и для определенного типа памятников сохраняет свое значение, находя подтверждения в обществах иного культурно-хозяйственного типа³⁵.

Однако наряду с началом подобных конкретных разработок общая ситуация, существовавшая в тогдашней исторической науке, вела к усилению социологических абстракций, постепенно вытесняющих со страниц изданий массовый археологический материал. Достаточно вспомнить уже упоминавшийся упрек в излишнем археологизме, обращенный редакцией к опубликованной в 1934 г. книге П. П. Ефименко, или проследить постепенное исчезновение со страниц журналов иллюстраций чисто археологического характера. Показательна в этом плане новая (1934 г.) структура ГАИМК. В составе ГАИМК учреждались четыре института: истории доклассового общества, истории рабовладельческого общества, истории феодального общества и исторической технологии. В составе первого из этих институтов организовывалось пять кафедр — истории языка и мышления, становления общества, истории родового общества, истории родового общества и истории разложения доклассового общества. Критика недостатков типологического метода превратилась в поход против метода вообще, под лозунгом борьбы с вещеведением дискредитировался сам археологический материал.

Для характеристики существовавшей тенденции показательна статья В. И. Равдоникаса по истории скотоводства, опубликованная в 1934 г. и содержащая критику работы бригады по истории скотоводства. Не говоря уже о самой форме критики, упреки этого, в целом глубоко мыслящего исследователя, были направлены не на реализацию общей задачи восстановления древних хозяйственных форм различных обществ в их конкретном своеобразии, а на разгром «неверных» концепций, в частности, положения о раннем разведении мелкого скота как сфере женского труда³⁶.

Ликвидация этих недостатков началась после известных решений партии и правительства по вопросам истории. Теперь уже задачи конкретно-исторического подхода были поставлены во всей широте³⁷.

Переходя к общей оценке теоретических разработок советской археологии второй половины 20-х — начала 30-х годов, необходимо отметить, что многие имевшие место недочеты становились ясными уже тогда, хотя зачастую допущенные промахи и преувеличивались. На один из таких недостатков, свидетельствующий о своего рода болезни роста, правильно указывали московские археологи, когда они писали, что «свежее увлечение великой теорией исторического материализма смешивалось еще

с только воспринятыми со школьной скамьи традициями формалистической археологии»³⁸. Прямолинейность, механистичность целого ряда построений, проявления вульгарного материализма, безусловно, наложили отпечаток на эти ранние работы. Но более важно, что практически в то время был заложен теоретический фундамент советской археологии, обоснованы принципы социологических реконструкций и начаты первые опыты по их практическому осуществлению. Эту реальную сложность и многоплановость процесса развития археологии хорошо отразил Б. А. Рыбаков, когда писал, что «несмотря на все минусы тогдашних исследований (поспешность обобщений, недостаточная глубина источниковедения, увлечение непроверенными концепциями историков и лингвистов), эти годы остаются в нашей памяти неповторимым временем создания новой науки»³⁹.

- ¹ Рыбаков Б. А. Археология. — В кн.: Октябрь и научный прогресс. М., 1967, с. 582.
- ² Арцизовский А. В. Новые методы археологии. — Историк-марксист, 1929, № 14, с. 136—155.
- ³ Арцизовский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии». — СГАИМК, 1932, 1-2.
- ⁴ Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры. — ИГАИМК, 1930, т. VII, вып. III-IV, с. 63.
- ⁵ См.: СГАИМК, 1931, 2, с. 2.
- ⁶ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 8—14.
- ⁷ Арцизовский А. В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. — Труды социологической секции Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 1927, I, с. 124.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же, с. 140.
- ¹⁰ Арцизовский А. В. Новые методы археологии, с. 133.
- ¹¹ Киселев С. В. Поселение. Социологический очерк. — Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 1928, II.
- ¹² Брюсов А. Я. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа. — Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 1928, II.
- ¹³ Арцизовский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. Возникновение...
- ¹⁴ Равдоникас В. И. О применении метода диалектического материализма в истории доклассового общества. — СГАИМК, 1931, 9-10, с. 16—18.
- ¹⁵ Там же, с. 19.
- ¹⁶ Равдоникас В. И. За марксистскую историю..., с. 28.
- ¹⁷ Там же, с. 57.
- ¹⁸ Там же, с. 30. «Смею верить, — писал В. И. Равдоникас в той же работе, — что... правильно раскопанная мусорная куча или выгребная яма в древнем поселении социологически куда драгоценнее для нашей науки, чем самая драгоценная золотая чаша сама по себе» (Там же, с. 56).
- ¹⁹ Равдоникас В. И. На новый этап. — СГАИМК, 1932, 1-2, с. 57.
- ²⁰ Там же, с. 51.
- ²¹ Арцизовский А. В. Лекции по археологии. М., 1938, ч. 1-2; Он же. Введение в археологию. М., 1940; Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л., 1939, ч. I.
- ²² Равдоникас В. И. За марксистскую историю..., с. 51. Эта оценка во многом предвосхищает критику, высказываемую сейчас на западе Бинфордом и его сторонниками в адрес «традиционной археологии».
- ²³ См.: СГАИМК, 1932, 1-2, с. 70, 71.
- ²⁴ Гольмстен В. В. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. — В кн.: Проблема происхождения домашних животных. Л., 1933, I.
- ²⁵ Ефименко П. П. Дородовое общество. — ИГАИМК, 1934, 79.
- ²⁶ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество Восточной Европы. — ИГАИМК, 1935, 119.
- ²⁷ Киселев С. В. Поселение, с. 48.
- ²⁸ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1941, 5, с. 61.
- ²⁹ Смирнов А. П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934, с. 26.
- ³⁰ Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадильным развитием Северного Причерноморья. — ИГАИМК, 1932, т. 12, в. 1—8, с. 78.
- ³¹ Третьяков П. Н. Костромские курганы. — ИГАИМК, 1931, т. 10, в. 6-7.
- ³² Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. — ИГАИМК, 1933, в. 65, с. 24.

- ³³ Уже в начале книги авторы пишут: «Поскольку вещи имеют определенную социальную функцию, постольку они уже чисто внешне могут сигнализировать нам о жизни самого общества» (*Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество..., с. 32).
- ³⁴ *Артамонов М. И.* Совместные погребения в курганах со скорченными окрашенными костяками. — ПИДО, 1934, 7-8.
- ³⁵ *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, 1950, 18, с. 380—384. В других регионах парные погребения мужчин и женщин оказались неодновременными и, естественно, получили иную социологическую трактовку. См., например: *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. — МИА, 1962, 120.
- ³⁶ *Равдоникас В. И.* К вопросу о возникновении скотоводства. — ПИДО, 1934, 3, с. 24—47.
- ³⁷ Задачи «Советской археологии». — СА, 1936, I, с. 1—4; Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории. — СА, 1937, II, с. 1—10.
- ³⁸ *Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П.* Возникновение..., с. 47.
- ³⁹ *Рыбаков Б. А.* Археология, с. 583.

К. М. ПЕСКАРЕВА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

18 апреля 1979 г. исполняется 60 лет со дня подписания В. И. Лениным Декрета о Российской академии по истории материальной культуры (РАИМК) ¹.

Этому историческому событию, как показывают материалы рукописного архива ЛОИА, предшествовала большая организационная работа в недрах Археологической комиссии, созданной еще в 1859 г. и продолжавшей свою деятельность в революционном Петрограде 1918—1919 гг.

После Октябрьской революции известные ученые Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, П. П. Покрышкин, К. К. Романов, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский и другие предпринимали практические меры к перестройке всей работы Археологической комиссии.

Из сохранившегося протокола общего собрания Археологической комиссии от 8 мая 1918 г. ² видно, что на этом заседании рассматривалось предложение о реорганизации Археологической комиссии, направленной в сторону расширения ее деятельности. П. П. Покрышкин довел до сведения собрания, что он уже давно составил и внес в Коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины «проект предварительного расширения в Комиссии реставрационного дела». Б. В. Фармаковский и А. А. Спицын информировали собрание, что они уже заканчивают «проект нового устройства Археологической комиссии» ³ в связи с общим положением об охране памятников древности в государстве.

24 сентября 1918 г. на общем собрании Комиссии был обсужден и решен вопрос о порядке составления ее совета, а также избрана комиссия в составе Н. Я. Марра, П. П. Покрышкина и Б. В. Фармаковского для выработки проекта устава Российской государственной археологической комиссии (РГАК) ⁴.

1 октября 1918 г. на заседании совета РГАК Н. Я. Марр, информируя членов совета о проектируемом устройстве Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе, в составе которого должен быть археологический подотдел, сообщил, что «Российскую археологическую комиссию решено преобразовать в Академию археологии и поставить в центре дела как высшее компетентное в государстве учреждение», освобожденное от административных обязанностей, — например, от выдачи открытых листов на право раскопок. Академия в то же

время будет учреждением активного типа, какою была Археологическая комиссия, но с более обширной организацией и большими возможностями по чисто научному исследованию и по научной охране памятников древности⁵.

8 октября 1918 г. Н. Я. Марр, информируя общее заседание РГАК о результатах доклада проекта устава наркому просвещения А. В. Луначарскому, сообщил, что переименование Комиссии в Академию «было бы связано с большим промедлением, так как устав привелось бы проводить через Совет Народных комиссаров. Если же оставить прежнее наименование, то народный комиссар по просвещению утвердит ее устав незамедлительно, на чем он и настаивал»⁶. 17 октября 1918 г. А. В. Луначарский утвердил устав РГАК⁷.

Согласно уставу⁸ на Комиссию возлагалось ведение в России дела исследования памятников древности, искусства и старины; организация археологических исследований (разведок и раскопок), научной охраны памятников древности, а также теоретическая разработка вопросов археологии и истории искусства и художественно-историческая оценка вновь открываемых памятников, особенно найденных в России. Комиссия состоит в ведении Народного комиссариата просвещения и работает в тесном контакте с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Целью деятельности Комиссии являлось:

1. Установление задач археологических исследований на ближайшее время и производство археологических раскопок, признанных особенно важными в научном отношении.

2. Составление общего плана исследования в различных местностях.

3. Снаряжение научных экспедиций и назначение командировок в различные местности (внутри России и за границей).

4. Организация осведомления о памятниках древности в особо важных для археологии России местах.

5. Научная охрана монументальных памятников древности.

6. Издание печатных трудов по археологии и истории искусства, преимущественно касающихся памятников в России.

7. Собрание для исследования предметов древности, имеющих художественно-историческое значение, происходящих из России.

8. Содействие распространению знаний по археологии и истории искусства и научным исследованиям.

По роду специальных исследований Комиссия разделяется на пять отделов: I — древностей доисторических; II — древностей русских; III — древностей античных и древнехристианских; IV — древностей восточных; V — монументальных памятников.

Для решения дел, требующих участия в работе нескольких отделов, устраиваются совместные совещания.

Объединенные совещания отделов образуют совет Комиссии, который руководит всей ее деятельностью.

Правление Комиссии ведает текущими делами и подготовкой докладов совета, состоит из председателя, товарища председателя, ученого секретаря и заведующих отделами.

13 ноября 1918 г. на заседании совета Комиссии председателем РГАК был избран Н. Я. Марр, товарищем председателя — В. В. Латышев, заведующими отделами: I — А. А. Миллер, II — А. А. Спицын, III — Б. В. Фармаковский, IV — Н. Я. Марр, V — П. П. Покрышкин⁹.

Создание РГАК явилось промежуточным этапом на пути формирования действительно научного всероссийского археологического учреждения.

«Вновь созданное учреждение, — как отмечал позже Б. В. Фармаковский, — никоим образом не представляло вполне удовлетворительного решения давно обсуждаемого вопроса, и спешное проведение его в жизнь диктовалось только неотложными ее требованиями»¹⁰. С этим мнением вполне солидаризировался С. А. Жебелев, писавший в своих воспомина-

ниях в более категоричной форме: «Гос. Российская комиссия представляла собой лишь исправленное и дополненное издание императорской»¹¹.

И не случайно поэтому в конце февраля 1919 г. встал вопрос о необходимости создания Академии. На заседании совета РГАК 27 февраля 1919 г. было решено образовать комиссию для выяснения вопроса об учреждении Академии. Такая комиссия была создана под председательством Н. Я. Марра в составе С. А. Жебелева (председательствующего Русского археологического общества), С. Ф. Платонова (директора Археологического института), С. Ф. Ольденбурга (непременного секретаря Академии наук)¹².

17 марта 1919 г. чрезвычайное собрание РГАК обсудило и приняло проект «Положения о Российской академии археологических знаний в составе объединения преобразуемой в нее Археологической комиссии и сродных по научным задачам учреждений и ассоциаций»¹³ и проект «Декрета о преобразовании Российской государственной археологической комиссии в Российскую государственную академию археологических знаний и учреждений ее объединения», постановив представить проект декрета на утверждение Совнаркома через Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Текст этого декрета написан рукой Н. Я. Марра на пяти листах тетрадного формата¹⁴, машинописный экземпляр его приложен к протоколу заседания от 17 марта 1919 г.¹⁵

Декрет о Российской академии истории материальной культуры, утвержденный 18 апреля 1919 г. на заседании Малого Совета Совнаркома, значительно отличается от текста проекта, принятого 17 марта чрезвычайным собранием РГАК, как по содержанию, так и по названию Академии. В архиве ЛОИА имеется машинописный текст «Проекта декрета Совета Народных Комиссаров о Российской академии материальной культуры»¹⁶, который, видимо, был прислан на просмотр Н. Я. Марру из Наркомпроса. Текст его состоял из восьми пунктов. Пункт 5, гласивший: «На Академию материальной культуры возлагается общее наблюдение за научною направлением деятельности всех культурно-исторических музеев республики», Н. Я. Марр опустил в самый конец текста, не дав ему номера, и написал дополнительный пункт (после перенумерации им пунктов проекта это стал пункт 7): «Российская академия материальной культуры временно, впредь до утверждения особого положения о ней, продолжает деятельность ликвидированной Археологической комиссии на основании ее устава, утвержденного 17 октября 1918 г.»

В окончательной редакции бывший пункт 5 был полностью снят.

При подписании проекта декрета 18 апреля 1919 г. В. И. Ленин внес две поправки: в заголовке и в пункте 1 вместо слов «... о Российской академии материальной культуры...» он написал: «... о Российской академии по истории материальной культуры»¹⁷.

В материалах архива ЛОИА нет сведений, кем и по какой причине было отклонено название Академия археологических знаний и кто был автором проекта декрета, утвержденного 18 апреля 1919 г.

Об утверждении декрета в РГАК стало известно лишь 23 мая от бывшего в тот день из Москвы Н. Я. Марра¹⁸, который на заседании совета РГАК 27 мая огласил текст декрета об учреждении Академии¹⁹.

Выступая на этом заседании, Н. Я. Марр отметил, что строительство научно-практической деятельности по археологии идет быстрым темпом почти повсеместно во всем государстве, что в провинции уже образуются свои местные ячейки. Но особенно активна работа, подчеркивал Н. Я. Марр, в Москве, где было даже стремление «некоторых московских учреждений, например Московского археологического общества», выделиться в самостоятельное учреждение со всеми функциями Археологической комиссии. Далее Н. Я. Марр сообщил, что уже удалось согласовать деятельность петроградских и московских археологических учреждений и теперь можно «в тесном единении с Москвой приступить к работе в широком всероссийском масштабе».

На этом же заседании было установлено число представителей в избирательное собрание РАИМК от археологических учреждений Петрограда и Москвы. Это послужило основой для «Инструкции выборов членов Академии истории материальной культуры», утвержденной на 71-м заседании Коллегии Наркомпроса 4 июня 1919 г.²⁰

21 июня на чрезвычайном собрании совета РГАК было решено приступить к осуществлению декрета о преобразовании Комиссии в Академию на основании утвержденной 4 июня инструкции²¹.

15 июля 1919 г. на заседании совета РГАК были произведены выборы членов бывшей Археологической комиссии в члены Академии (13 человек).

По предложению Н. Я. Марра, согласно § 3 инструкции о выборах, совет установил число новых членов Академии, подлежащих избранию в избирательном собрании в 14 человек²², а временем созыва собрания было назначено 5 августа²³.

Согласно пункту 7 инструкции, избирательное собрание должны были составить: 1. Члены РАИМК — 13; 2. Члены совета б. РГАК — 13 и 9 иногородних; 3. Члены совета Московской коллегии по делам музеев — 14; 4. Делегаты: от Российской академии наук — 2, от I и III петроградских университетов — по 2, от Московского университета — 2, от Русского археологического общества — 4, от Московского археологического общества — 4, от Петроградского археологического института — 1, от Общества антропологии и этнографии — 2, от Комитета для изучения Средней и Восточной Азии — 1, от музеев Петрограда и Москвы — по 2 и столько же от Москвы персонально приглашенных соответственными Коллегиями по делам музеев.

Избирательное собрание проходило с 5 по 7 августа.

В состав членов Академии вошло 28 человек. Председателем ее был избран Н. Я. Марр²⁴.

Первый состав членов РАИМК²⁵

1. Айналов Дмитрий Васильевич	15. Марр Николай Яковлевич
2. Анучин Дмитрий Николаевич	16. Миллер Александр Александрович
3. Бакланов Николай Борисович	17. Муратов Павел Павлович
4. Бартольд Василий Владимирович	18. Ольденбург Сергей Федорович
5. Бенуа Александр Николаевич	19. Орбели Иосиф Абгарович
6. Богданов Владимир Владимирович	20. Покрышкин Петр Петрович
7. Васильев Александр Александрович	21. Романов Константин Константинович
8. Грабарь Игорь Эммануилович	22. Спицын Александр Андреевич
9. Елисеев Сергей Григорьевич	23. Сычев Николай Петрович
10. Жебелев Сергей Александрович	24. Тураев Борис Александрович
11. Кондаков Никодим Павлович	25. Удаленков Александр Петрович
12. Латышев Василий Васильевич	26. Фармаковский Борис Владимирович
13. Лукьянов Сергей Сергеевич	27. Шилейко Вольдемар Казимирович
14. Мальмберг Василий Константинович	28. Шмит Федор Иванович

С 7 августа 1919 г. Академия должна считаться окончательно сформированной, а РГАК — ликвидированной.

1 сентября 1919 г. на заседании совета РАИМК ученый секретарь ее И. А. Орбели огласил составленный им проект устава²⁶. Для выработки окончательной редакции проекта 16 сентября была образована редакционная комиссия в составе В. В. Латышева, С. С. Лукьянова и И. А. Орбели²⁷.

18 сентября устав был принят советом Академии²⁸, а 21 октября утвержден Главным ученым советом (ГУС) Наркомпроса²⁹. Согласно ему на Академию возлагались следующие обязанности:

1. Всестороннее научное исследование памятников древности, искусства и старины и разработка основ охраны этих памятников.

2. Теоретическая разработка всех вопросов по этнологии, археологии и истории искусства и художественно-историческая оценка вновь открываемых памятников древности, искусства и старины.

3. Систематические раскопки, разыскания и сбор предметов древности, искусства, старины и народного быта с целью их охранения и изучения.

4. Руководство научной стороной всех предпринимаемых археологических раскопок и разведок и работ по реставрации и ремонту монументальных памятников древности, искусства и старины, право на производство которых дается Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии.

5. Развитие и распространение в стране знаний, относящихся к памятникам древности, искусства и старины; содействие правильному пониманию их значения и культурной ценности; содействие просветительным учреждениям в устройстве ими публичных лекций и выставок; устройство публичных собраний, на которых делаются научные сообщения учеными Академии и по ее приглашению посторонними лицами.

6. Публикация ежегодных отчетов о своей деятельности, повременных изданий и отдельных печатных трудов по предметам своей специальности.

Структура Академии определялась научными задачами. В зависимости от основных научных методов, применяемых при изучении памятников древности, искусства и старины, она имела три отделения: этнологическое, археологическое и художественно-историческое, которые в свою очередь делились на разряды в зависимости от отдельных научных специальностей.

Для практического и целесообразного осуществления научных задач члены Академии разных подразделений (разрядов), но объединенные интересами исследования одних и тех же научных проблем, образовывали по утверждению совета РАИМК постоянные комиссии³⁰. В соответствии с выявившимися научными потребностями первоначально были образованы и внесены в устав следующие комиссии: по археологии Востока, по составлению археологических карт и изучению древних путей, по изучению древних культур юга России, по изучению миниатюр, по нумизматике и глиптике.

Кроме того, по мере надобности, согласно уставу, могли быть образованы и временные комиссии.

При Академии в Петрограде был учрежден Институт археологической технологии, ставивший целью изыскания, относящиеся к древней технологии. Являясь организующим центром в деле научных исследований памятников искусства, старины и быта, Институт содействовал работе всех учреждений, преследующих аналогичные цели (производство анализов и испытания материалов древности, а также разработка научных методов консервации и реставрации памятников). При Академии же состоял Институт историко-художественных изысканий и музееведения в Москве. В непосредственном ведении Академии находились древние поселения Ольвия, Херсонес, Пантикапей и др.

В Москве была организована секция Академии.

Коллегиальными органами Академии являлись конференции, общие собрания, совет, правление и хозяйственный комитет, советы отделений и разрядов, постоянные комиссии и совещание Московской секции.

При Академии состояли научно-вспомогательные учреждения — библиотека, архив, склады древностей, изданий и типография.

При Академии существовала канцелярия, состоявшая из финансово-счетного и административного отделов.

Особое место в уставе отводилось связям с историко-культурными учреждениями, этому посвящен специальный раздел: Объединения ученых учреждений и обществ. Раздел гласит: «С Академией входят в объедине-

ние научные учреждения и общества, работающие в Петрограде, Москве и других местностях Республики, а также русские учреждения за границей, преследующие однородные с задачами Академии цели, но действующие на основании своих уставов и сохраняющие свою автономию... Академия, являясь органом объединения в научных работах и исследованиях в области изучения вещественных памятников материальной культуры, рассматривает, в целях согласования, проекты экспедиций и исследований, предпринимаемых учреждениями, входящими в объединение, а также всеми государственными культурно-историческими музеями»³¹.

На всех заседаниях совета РАИМК присутствовали представители учреждений, вошедших в объединение с Академией.

«Известия Петроградского Совета» 28 апреля 1920 г. писали: «Не смотря на свою молодость и неизмеримо тяжелые условия работы в связи с общим упадком экономической жизни республики, Академия работает энергично, твердо веря в безусловную полезность своей работы для ищущей обновления страны».

Уставом 1919 г. Академия руководствовалась до января 1926 г.

12 января 1926 г. Наркомпрос утвердил новый устав, согласно которому Академия стала именоваться Государственной академией истории материальной культуры (ГАИМК)³².

В ее состав, помимо трех ранее существовавших отделений, было введено научно-организационное отделение, задачей которого являлось «выяснение методологических вопросов, связанных с работой самой Академии, и разработка в теоретическом разрезе планов, направленных к согласованию работы музеев».

¹ Декреты Советской власти. М., 1971, т. V, с. 448. Опубликовано впервые. Подлинник хранится в ЦПА, ф. 2, оп. 1, д. 9334. В архиве ЛОИА имеется типографский экз.

² Архив ЛОИА, ф. 1, 1918 г., д. 1, л. 1. За послеоктябрьский период это первое свидетельство о заседании Археологической комиссии. На этом заседании в члены ее был избран Н. Я. Марр, ранее бывший членом-корреспондентом.

³ 24 сентября 1918 г. на общем собрании Комиссии был зачитан этот проект, одобренный Коллегией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе и пересланный Комиссией в Наркомат государственных имуществ. В архиве ЛОИА этого проекта нет. По всей вероятности, он должен храниться в ЦГА РСФСР в фонде Наркомпроса.

⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, 1918 г., д. 1, л. 12.

⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, 1918 г., д. 1-а, л. 1 об.

⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, 1918 г., д. 1, л. 16 об.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, 1918 г., д. 1-г, л. 1—7. Этим уставом Комиссия руководствовалась в своей деятельности вплоть до начала работы Академии в августе 1919 г.

⁸ Устав приведен в кратком изложении.

⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1918 г., д. 1-а, л. 12.

¹⁰ Фармаковский Б. В. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921.

¹¹ Жибелев С. А. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н. Я. Марре. — ПИДО, 1935, 3-4, с. 172.

¹² Архив ЛОИА, ф. 1, 1919 г., д. 3, л. 7 об.

¹³ Там же, л. 12, 13.

¹⁴ Архив ЛОИА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 8—13.

¹⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, 1919 г., д. 3, л. 11.

¹⁶ Архив ЛОИА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 4, 6.

¹⁷ В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1976, т. 7, с. 98. См. также: Марр Н. Я. Государственная академия истории материальной культуры. [Л., 1927].

¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, 1919 г., д. 3-а, л. 86 об.

¹⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1919 г., д. 3, л. 18.

²⁰ Архив ЛОИА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 21, 23.

²¹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1919 г., д. 3, л. 21 об.

²² Было избрано 15 человек.

²³ Архив ЛОИА, ф. 1, 1919 г., д. 3, л. 25 об.—26.

²⁴ Архив ЛОИА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 60—62.

²⁵ Там же, л. 154.

²⁶ Архив ЛОИА, ф. 2, 1919 г., д. 4, л. 13 об.

²⁷ Там же, л. 24 об.

²⁸ Там же, л. 28.

²⁹ Архив ЛОИА, ф. 2, 1919 г., д. 1-а, л. 1—18.

³⁰ Б. В. Фармаковский в отчетном докладе о деятельности РАИМК за 1919—1923 гг. отмечал: «Отделения расчлениются на разряды, число которых на основании устава могло изменяться и оно изменялось. Первоначально в 1919—1920 гг. их было 32, к 1923—17. Работы, требующие участия в них специалистов разных областей, велись и ведутся в комиссиях, число которых тоже менялось. В 1921 г. их было 12, ныне действуют 5» (Архив ЛОИА, ф. 2, 1923 г., д. 4, л. 36).

³¹ В статье «В Академии истории материальной культуры», опубликованной в «Известиях Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов» 28 апреля 1926 г., говорилось: «В целях установления связей и устранения параллелизма в деле научного исследования памятников искусства и старины Академия вступает в объединение с научными учреждениями в России и за границей, поскольку те и другие преследуют цели ... однородные с задачами Академии». И далее дается перечень 11 учреждений, которые в то время уже находились в объединении с Академией. Это Российский институт истории искусств, Комитет Всероссийского общества поощрения художеств, Историко-генеалогическое общество, Археологический институт в Петрограде, Комитет по изучению Средней и Восточной Азии, Русское и Московское археологические общества, Общество российских архивных деятелей, Комитет по изучению древнерусской живописи, Археологический институт в Константинополе и Государственный Эрмитаж.

³² Архив ЛОИА, ф. 2, 1926 г., д. 3, л. 12—25.

В. В. МАВРОДИН

ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Осенью 1930 г. в ГАИМК по инициативе Н. Я. Марра были приглашены для работы в качестве штатных научных сотрудников или по совместительству историки, лингвисты, этнографы, антропологи, востоковеды. Среди приглашенных были Б. Д. Греков, В. В. Струве, в те времена профессора Ленинградского историко-лингвистического института, а также профессора Н. Б. Бакланов, С. Н. Быковский, О. Л. Вайнштейн, С. И. Ковалев, А. Г. Пригожин, М. М. Цвибак, А. Ю. Якубовский.

В том же году в аспирантуру зачислили только что окончивших Ленинградский университет А. Н. Бернштама, П. И. Борисковского, С. И. Капошину, Е. Ю. Кричевского, П. Н. Третьякова, выпускника Вятского педагогического института И. И. Смирнова и других.

По приглашению Б. Д. Грекова в ГАИМК пришел для работы по совместительству и автор этих строк, ученик Б. Д. Грекова, аспирант и ассистент Ленинградского историко-лингвистического института.

Советская историческая наука в те годы переживала период острых теоретических дискуссий, утверждения основных принципов марксизма-ленинизма. Дискуссии помогали искоренению взглядов, присущих дворянской и буржуазной исторической науке и еще довольно широко распространенных тогда среди историков старшего поколения. Среди специалистов, сложившихся в крупных ученых еще до Великой Октябрьской социалистической революции, немало было стихийно тянувшихся к марксизму, и дискуссии помогали им избавиться от груза ошибочных построений. Однако иногда дискуссии эти переходили границы научных споров.

В ГАИМК был создан сектор феодализма. Он был разделен на две группы. Одна под руководством Б. Д. Грекова занималась историей деревни, сельского хозяйства и крестьянства; другая, возглавляемая Н. Б. Баклановым, объединила сотрудников, работавших по истории ремесла и промышленности в крепостной России, по истории рабочих людей. В этой последней изучали историю ремесленных слобод (А. Л. Яковсон), историю текстильной мануфактуры (Н. Дмитриев), историю туль-

ских и каширских заводов в XVII в. (Н. Б. Бакланов, И. И. Смирнов и В. В. Мавродин).

Характерной особенностью заседаний секторов и групп в те времена было принятие после обсуждения докладов специальных резолюций. Так, после доклада Н. Б. Бакланова, И. И. Смирнова и В. В. Мавродина была принята резолюция группы, гласившая: «Признать тезис о капиталистической природе тульских и каширских заводов в XVII в. доказанным». Такие резолюции с оценкой докладов печатались в «Сообщениях ГАИМК». Позже Н. Б. Бакланов занялся историей уральских заводов. Труды группы, посвященные тульским и каширским заводам и заводам Урала, были опубликованы в «Известиях ГАИМК».

Деятельность группы Б. Д. Грекова, в которую входили Г. Е. Кочин, И. И. Смирнов, В. В. Мавродин и другие, в начале сосредоточилась на составлении сельскохозяйственного словаря древней Руси. Но вскоре всю эту работу стал вести один Г. Е. Кочин. Издательство ГАИМК выпустило его книгу, значительно облегчившую исследования древней Руси.

Важнейшей особенностью ГАИМК той поры явилось тесное сотрудничество археологов и историков, искусствоведов и лингвистов, этнографов и фольклористов.

Именно здесь, в стенах Мраморного дворца, происходил тот симбиоз различных отраслей гуманитарных наук, который обеспечил в дальнейшем успехи советской науки.

Именно такой подход к источникам — памятникам материальной культуры, письменным свидетельствам и данным языка — дал возможность В. В. Струве в те времена, когда шла дискуссия об «азиатском» способе производства, обосновать и утвердить в науке свою характеристику общества Древнего Востока как рабовладельческого.

Именно такой подход к источникам Киевской Руси обусловил создание и утверждение Б. Д. Грековым теории о феодальной природе древнерусского государства, о феодализме в Киевской Руси. Концепция Б. Д. Грекова покоилась прежде всего на той характеристике, которую дал Русской Правде и XI веку в русской истории В. И. Ленин.

В 1932 г. Б. Д. Греков выступил с докладом «Рабство и феодализм в Киевской Руси», в котором было высказано новое суждение о феодальной природе древнерусского общества. Доклад и развернувшиеся по нему прения были опубликованы в 1934 г. в «Известиях ГАИМК» (86). В том же году в «Известиях ГАИМК» (72) вышел другой труд Б. Д. Грекова — «Очерки по истории феодализма в России».

В этих работах Б. Д. Греков широко использовал труды археологов А. В. Арциховского, А. Н. Лявданского, В. И. Равдоникаса, П. Н. Третьякова, А. Федоровского, К. Флаксенберга, что дало ему возможность говорить о пашенном земледелии как об основном занятии восточных славян в эпоху Киевской Руси. Работы Б. Д. Грекова выдержавшие много изданий, положили начало подлинно марксистско-ленинскому изучению Киевской Руси. Б. Д. Греков первым широко привлек к исследованию русской истории археологические материалы и тем самым положил начало совместной деятельности историков и археологов в стенах ГАИМК.

Без трудов М. И. Артамонова, А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, И. И. Ляпушкина, В. И. Равдоникаса, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и других невозможно представить себе успехи советской исторической науки в области изучения начальной истории русского народа и государства.

В ГАИМК проходили дискуссии об основных закономерностях первобытного общества, античного мира, об общественном строе кочевников. Научные сотрудники ГАИМК принимали активное участие в дискуссиях, конференциях и заседаниях, устраиваемых в Ленинградском отделении Комакадемии. Сотрудники ГАИМК выступали на совещаниях о крестьянских войнах в России, проведенном в декабре 1933 г. Институтом истории Ленинградского отделения Комакадемии совместно с Историко-археографическим институтом Академии наук СССР.

Иной характер начали приобретать труды по истории русского искусства. Они в значительно большей мере стали опираться на исследования историков, как, например, монография А. С. Гущина, посвященная русскому художественному ремеслу.

Участие историков в работе ГАИМК сопровождалось переменами в ее издательской деятельности. Наряду с трудами археологов и искусствоведов стали выходить работы по истории. «Сообщения ГАИМК» были преобразованы в журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ», отличавшийся весьма широким профилем и сыгравший большую роль в развитии советской исторической и археологической науки.

Так произошел симбиоз двух наук — истории и археологии, обеспечивший развитие этих двух отраслей знания. Археология перестала быть «служанкой истории», вещеведением, а историки взяли на вооружение памятники материальной культуры, добытые кропотливым трудом археолога.

М. А. ТИХАНОВА

ИЗ ПРОШЛОГО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР (РАИМК—ГАИМК)

В течение первого десятилетия своего существования РАИМК (ГАИМК) была занята в основном собиранием и регистрацией материалов, вела раскопки (не только в пределах РСФСР), приступив тогда же к уточнению и совершенствованию полевых исследований и попыткам применения методов естественных наук. Однако в плане методологическом никаких сдвигов не было. В ней по-прежнему царил дух Археологической комиссии, господствовал формально вещеведческий подход к изучению материалов. Академия оставалась, как правильно заметил в свое время (1923 г.) А. В. Арциховский, «могущественной крепостью былых традиций», что отражалось и в ее просветительской деятельности. Публичные доклады сотрудников на открытых заседаниях посвящались передко весьма частной тематике.

Разряд Кавказа и яфетического мира, возглавленный Н. Я. Марром (позднее преобразован в секцию генетики культур), куда входили И. И. Мещанинов, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровский и другие, был единственным очагом, в котором делались попытки, правда довольно робкие и не всегда удачные, приблизиться к марксистскому пониманию исторического процесса. В мае 1923 г. была создана Комиссия по искусствоведению под руководством проф. Б. Л. Богаевского. Она тотчас же приступила к систематической работе путем организации ежемесячных докладов как сотрудников Академии, так и других допущенных к постоянному участию в ней искусствоведов. В марте 1924 г. Комиссия по искусствоведению была реорганизована в Комиссию по социологии искусства и искусствоведению. Председателем ее стал А. В. Луначарский, его заместителем Б. В. Фармаковский, товарищем председателя Б. Л. Богаевский, ученым секретарем, как и прежде, оставалась Т. М. Девель.

Комиссия ставила своей целью изучение явлений искусства в связи с историей материальной культуры, развитием производительных сил, производственных отношений, общества, классовой борьбы. В перспективном плане на 1926—1930 гг. в качестве исследовательских работ были намечены: а) разработка проблем методологии и теории искусства на основе теории исторического материализма, б) построение истории искусства на основе теории исторического материализма. Усатривая главную свою задачу в исследовательской деятельности, Комиссия считала жела-

тельным иметь связи практического характера с производственными центрами, с университетом, с художниками и рабочими аудиториями, что в известной мере и осуществляла, участвуя в обсуждении выставок АХРР и других как советских, так и зарубежных организаций.

Среди прочитанных на заседаниях Комиссии докладов можно назвать доклад Б. В. Фармаковского (1923 г.) «О некоторых вышедших русских книгах по искусству». Доклад был посвящен книге Г. В. Плеханова «Искусство» и книге В. М. Фриче «Очерки по искусству». Б. В. Фармаковский прочитал и доклад «Искусство как функция производственных отношений на примере найденных памятников античного искусства» (1924 г.), в котором отмечал, что «материалистический подход к науке об искусстве как самой младшей среди гуманитарных наук применялся лишь в незначительной степени, однако такой подход имеет важное значение, так как в области искусства зависимость надстройки от основания (базиса) не менее ясна». В обсуждении доклада (заседание происходило под председательством А. В. Луначарского) среди других приняли участие Н. Я. Марр, указавший «на необходимость учета внутренних сил, вероятно участвовавших в направлении ориентализации эллинистического искусства», и А. В. Луначарский, который поддерживая конкретно-исторические положения докладчика, подчеркивал решающее значение колониальной политики богатого эллинского купечества в проникновении восточных элементов в греческое искусство.

Большое внимание и горячую дискуссию вызвали доклады Ф. И. Шмита «Теория стиля» (1924 г.) и «Искусство и общественность», в обсуждении которых участвовали многие члены Комиссии — Б. Л. Богаевский, Б. В. Казанский, Г. И. Котов, Н. П. Сычев, Б. В. Фармаковский, П. Н. Шульц. Назовем еще доклады Н. Б. Бакланова «Социологическая значимость архитектурного памятника» (1928 г.) и М. И. Артамонова «Миниатюры Кенигсбергского списка летописи» (1929 г.).

Наряду с отдельными докладами Комиссия предпринимала и коллективные работы. Так, в 1926 г. было предложено организовать коллективную работу по выяснению вопросов методологии социологии искусства. В первую очередь была избрана «смена стилей и диалектика искусства». В этой работе должны были принимать участие, кроме Б. Л. Богаевского, О. Ф. Вальдгауэр, К. К. Романов, Б. В. Фармаковский, а также ряд молодых сотрудников и аспирантов — В. А. Богусевич, Е. Н. Глезер, Т. М. Девель, Е. К. Мроз, Е. А. Пистолькорс, Е. Ч. Скржинская, М. А. Тиханова, Л. М. Шуляк, при этом историки архитектуры должны были работать под руководством К. К. Романова.

Комиссия перестала существовать при реорганизации ГАИМК в 1930—1931 гг.

Говоря о ГАИМК в первом десятилетии ее деятельности, нельзя умолчать о ее организационных связях с зарубежными археологами. Так, в 1925—1926 гг. членами-корреспондентами Академии были избраны директор Германского археологического института Т. Виганд и его заместитель Г. Роденвальд, исследователь Самарры проф. Р. Зарре, а также проф. Миннс (Англия), проф. Т. И. Арне (Швеция), проф. А. Тальгрэн (Финляндия) — последние получали материалы и работали в фотоархиве ГАИМК. Виганд, Роденвальд и Зарре выступали с публичными докладами в открытых заседаниях ГАИМК в 1926 г.

Идеологический перелом в работе ГАИМК наступил в 1929 г. Были организованы методологический семинар под руководством М. В. Серебрякова не только для сотрудников Академии, но и для более широкого круга ленинградских историков, а также два специальных кружка по изучению трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, которыми руководил Ф. В. Кипарисов. Первый кружок занимался переводом и комментированием «Капитала» К. Маркса, второй изучал работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В начале 30-х годов началось широкое привлечение к работе в Академии историков-марксистов и было положено начало перестройки всей

ее работы на основе марксистско-ленинской методологии. Однако при перестройке от одной крайности — традиционного формально-вещеведческого подхода, господствовавшего в предыдущие годы, увлеклись другой крайностью — абстрактным социологизированием и пренебрежением к конкретному материалу. Это объясняется, разумеется, недостаточным и поверхностным еще владением методологией. Археологические работы продолжались, но в основном лишь на новостройках. История материальной культуры, понимавшаяся Н. Я. Марром и его соратниками как совокупность всего, что создается человеком из материи, т. е. всего вещественного, что создается трудом человека, в том числе и памятников искусства, сменялась изучением истории материального производства докапиталистических социально-экономических формаций. Из проблематики ГАИМК выпала история искусства. Однако это был лишь временный переходный этап в жизни ГАИМК. В 1934 г. ГАИМК стала центром, объединившим историков, занимавшихся историей докапиталистического общества. ГАИМК создала ряд индивидуальных и коллективных трудов — учебников по истории Древнего Востока, древней Греции и Рима и средних веков.

Одним из больших начинаний ГАИМК этого периода была подготовка «Истории женщины». К сожалению, эта работа не была осуществлена. В то время, когда под идейным руководством Алексея Максимовича Горького создавались истории фабрик и заводов, была им задумана и «История женщины». За это трудное и сложное дело взялся коллектив ГАИМК. В подготовке этого издания, которое должно было осветить историю женщины во всемирном масштабе, начиная от первобытности и кончая сегодняшним днем, приняли участие виднейшие археологи и историки — Б. Л. Богаевский, Б. Д. Греков, П. П. Ефименко, В. В. Струве, С. П. Толстов и многие другие. На начальной стадии работы для обсуждения плана и предварительного проспекта издания по вызову А. М. Горького в начале января 1934 г. в Москву была направлена делегация ГАИМК в составе ответственного организатора этой работы, одного из заместителей председателя Академии, А. Г. Пригожина, проф. Б. Л. Богаевского (ответственного за раздел «Женщина в античном обществе») и ответственного секретаря издания М. А. Тихановой¹.

¹ Материалы по созданию работы «История женщины» хранятся в архиве ЛОИА.

Р. М. МУНЧАЕВ

ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Советская археология, как известно, вышла на международную арену и добилась определенных успехов и признания. В этом, несомненно, ведущая роль принадлежит Институту археологии АН СССР — центральному археологическому учреждению нашей страны, координирующему работы советских археологов по важнейшим направлениям, включая международные научные связи.

Регулярные научные связи Института археологии АН СССР с соответствующими зарубежными учреждениями, участие советских археологов в международных совещаниях (конгрессах, симпозиумах и конференциях), научные командировки в страны Европы, Азии и Америки и, наконец, полевые археологические работы в различных государствах начали развиваться в послевоенные годы, особенно с 50-х годов.

Институт археологии АН СССР осуществляет научное сотрудничество прежде всего с археологическими учреждениями социалистических

стран. Это сотрудничество, укрепляющееся и расширяющееся с каждым годом, ведется уже более 20 лет. Деловые связи и плодотворная деятельность связывает Институт археологии АН СССР с археологами Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Монголии, Вьетнама и Кубы. Над разрешением важных научных проблем работают археологи Советского Союза и социалистических стран в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества. Вот только некоторые темы этого сотрудничества: «Развитие первобытного общества» (СССР и ПНР), «Происхождение и ранняя история славян» (СССР, ПНР, ЧССР, СФРЮ), «Культуры эпохи палеолита, неолита, энеолита и бронзы Юго-Восточной Европы» (СССР и НРБ), «Взаимодействие античного мира с народами Восточной Европы» (СССР, НРБ, СРР), «Славянские и протоболгарские культуры на территории СССР и НРБ» (СССР и НРБ), «Проблемы перехода от первобытного общества к классовому» (СССР и ГДР), «Древнейшие связи населения Венгрии и СССР» (СССР и ВНР), «Народы Северного Причерноморья в эпоху переселения народов» (СССР и ВНР), «Генезис археологических культур Центральной и Восточной Европы» (СССР, СРР, СФРЮ). В рамках сотрудничества с Институтом истории Монгольской Академии наук действует многолетняя Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция.

Разнообразны формы сотрудничества Института археологии АН СССР и институтов археологии социалистических стран. Это — взаимные командировки для ознакомления с археологическими материалами, участие в двусторонних и многосторонних конференциях и симпозиумах, членство в международных организациях, проведение совместных экспедиционных работ, совместные публикации, подготовка аспирантов и т. д. Следует отметить, что на периодически проводимых координационных совещаниях директоров археологических институтов стран СЭВ подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейшего сотрудничества. Последнее такое совещание состоялось в 1979 г. в Будапеште.

О том, насколько расширилось наше сотрудничество, свидетельствует такой, например, факт: с 1975 г. в социалистические страны Европы и Азии ежегодно выезжает более 20 сотрудников только Института археологии АН СССР, и такое же количество археологов из этих стран Институт принимает у себя. Большинство командирований Института в социалистические страны приходится на долю участников международных конгрессов, конференций и симпозиумов. Отметим для примера, что только за последние несколько лет сотрудники Института приняли участие в III Международном конгрессе славянской археологии (Братислава, 1975 г.), IV Международном конгрессе финно-угроведов (Будапешт, 1975), симпозиуме по античной керамике (Болгария, 1975 г.), Международной конференции по теме «Археологические памятники и изменение окружающей среды» (Веймар, ГДР, 1975 г.), двустороннем совещании по археологии протоболгарских племен I тысячелетия до н. э. (София, 1976 г.), симпозиумах «Славяне и номады» (Болгария, 1977 г.), «Демографические и культурные изменения в I тысячелетии до н. э. между Одером и Днепром» (Варшава, 1977 г.), «Механизация полевых археологических работ» (Хойнице, ПНР, 1977), международном теоретическом семинаре (Куба, 1977 г.), сессии «Вклад советской науки в методологическую перестройку польской археологии» (Варшава, 1978 г.), семинаре на тему «Изучение истории СССР в социалистических странах» (София, 1978 г.) и т. д.

Советские археологи принимают активное участие в деятельности Эйрене — комитета исследователей античности социалистических стран, основанного в 1957 г. Представителем от СССР в Эйрене является доктор исторических наук Д. Б. Шелов. Уже состоялось 14 конференций Эйрене, в том числе две в Советском Союзе — в Ленинграде (1964 г.) и Ереване (1976 г.). Материалы этих конференций публикуются, в частности, в ежегоднике «Эйрене», издающемся в Праге.

Следует отметить, что в нашей стране проведены и другие конференции и симпозиумы с участием ученых социалистических стран Европы. Так, в Москве организованы симпозиумы по славянской керамике VI—VII вв. (1977 г.) и советско-венгерская конференция на тему «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» (1974 г.), а в Киеве — симпозиум по этногенезу славян и заседание Постоянного совета и исполкома Международного союза археологов-славистов (1978 г.).

Весьма плодотворными стали совместные полевые исследования. Как известно, еще в 1948—1949 гг. на территории Монголии под руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева экспедиция Института археологии АН СССР провела значительные работы, в частности весьма результативные раскопки древнемонгольской столицы Кара-Корума. Это была первая советская зарубежная археологическая экспедиция. Работы ее продолжает многолетняя Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция, организованная в 1969 г. Академиями наук СССР и МНР (руководитель академик А. П. Окладников). Экспедицией добыты важные данные для разработки таких узловых проблем ранней истории МНР и Южной Сибири, как происхождение монгольского народа, генезис культур бронзового и железного веков в Центральной Азии, история становления кочевого скотоводства и историко-культурных связей монголов с древним населением Сибири и др. Открыты новые разнообразные памятники, в том числе древнего палеолита, исследованы пещерные росписи каменного века и многочисленные памятники искусства последующих эпох.

Большими успехами увенчались работы Советско-Болгарской экспедиции, функционирующей с 1961 г. Благодаря многолетним раскопкам полностью исследовано поселение Эзеро, относящееся к III тысячелетию до н. э. В настоящее время это поселение считается эталонным памятником раннебронзового века не только Болгарии, но и всего Балканского полуострова. Другим существенным результатом этой экспедиции явилось поистине сенсационное открытие и широкое исследование древнейших медных рудников в Европе. Материалы, полученные экспедицией, легли в основу ряда крупных, совместно выполненных монографий, в частности «Эзеро. Ранний бронзовый век Южной Болгарии» и «Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии», которые в 1978—1979 гг. изданы в Болгарии.

В последние годы в рамках Советско-Болгарской экспедиции проведены широкие палеогеографические и палеоботанические исследования. Уже подготовлен ценный труд — каталог «Палеоботанические находки в Болгарии и на Балканском полуострове». Он публикуется в совместно издаваемом в Болгарии советско-болгарском ежегоднике «*Studia Praehistoria*».

С 1977 г. Институтом археологии АН СССР и Археологическим институтом Болгарской Академии наук начаты раскопки в древней столице Болгарского царства — Плиске.

В 1975 г. были созданы и активно действуют Советско-Венгерская и Венгеро-Советская экспедиции. Первая работает на территории Советского Союза, вторая — на территории ВНР. Венгеро-Советская экспедиция исследует памятники разного времени: неолита — группа Желиз культуры линейно-ленточной керамики V тысячелетия до н. э., группа Херпай позднего неолита — начала IV тысячелетия до н. э.; энеолита — поселения и могилы баденской культуры III тысячелетия до н. э. в Фенекпесте; бронзового века — поселение культуры Отомань и культуры Дьюлавартану первой половины II тысячелетия до н. э.; позднеримских и раннесредневековых памятников в Фенекпесте — римский город Валкум IV в. н. э., раннесредневековый город V—VII вв. н. э., позднеримский могильник, гото-аланский могильник второй половины IV в. н. э., раннесредневековый могильник VI—VII вв. н. э., могильник франко-славянского времени VIII—IX вв.

Подготавливаются два первых тома трудов Венгеро-Советской экспедиции под названием «Древний Валкун», которые будут изданы в Венгрии. Материалы, полученные экспедицией, используются в совместном трехтомном издании «Археология Венгрии». Первый том этого издания, посвященный каменному веку Венгрии, публикуется в Москве издательством «Наука». Советско-Венгерская экспедиция, в которой участвуют также и болгарские коллеги, ведет с 1975 г. раскопки на территории СССР известного раннесредневекового Маяцкого городища на северной периферии салтовской культуры.

Институт археологии АН СССР поддерживает и развивает связи и с учеными капиталистических и развивающихся стран. С 50-х годов сотрудники Института принимают участие во многих международных конгрессах, конференциях и симпозиумах по различным проблемам археологии Старого и Нового Света. Так, советские археологи активно участвовали во всех послевоенных конгрессах Международного союза доисторических и протоисторических наук, проведенных в Италии, Чехословакии, Югославии и Франции. Признанием заслуг советской археологии является избрание ряда ее представителей (академиков Б. А. Рыбакова, А. П. Окладникова и Б. Б. Пиотровского) в руководящие органы этого авторитетного международного археологического учреждения. Наши ученые избраны и в руководство некоторых его подразделений. Так, Е. Н. Черных является вице-президентом Комиссии по медному и бронзовому веку, а Л. В. Кольцов — членом комиссии «Роль культурных структур мезолита в неолитизации».

Советские археологи постоянно участвуют и в других международных совещаниях, в частности во всемирных конгрессах историков и конгрессах по классической археологии, а также во многих конференциях и симпозиумах, посвященных отдельным крупным проблемам современной археологии. Только за минувшее пятилетие, например, сотрудники Института археологии АН СССР участвовали в семинаре «Иранское плато и Центральная Азия от истоков до исламского завоевания» (Франция, 1976 г.), конференции по юго-западной археологии (Италия, 1977), IV Международном симпозиуме по палеоэтноботанике (ФРГ, 1977), симпозиуме «Происхождение земледелия и технологии: Западная и Восточная Азия?» (Дания, 1978 г.), семинаре по кушанским исследованиям (Афганистан, 1978 г.) и др.

С каждым годом увеличивается количество ученых, приезжающих к нам для консультаций и научной работы. Укажем для примера, что в 1977—1978 гг. Институт археологии АН СССР принял более 30 специалистов из США, Италии, Франции, Иордании, Ирака, Австрии, Англии, ФРГ, Канады, Финляндии, Бельгии, Голландии и других стран. Ученые из Бельгии и Финляндии участвовали в работах Новгородской экспедиции.

Заключен протокол о советско-финляндском сотрудничестве в области археологии на 1977—1981 гг. В рамках этого протокола были, в частности, успешно проведены два совместных симпозиума. Первый, состоявшийся в Ленинграде в 1977 г., был посвящен изучению финно-угорских и славянских племен Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья. На симпозиуме выступили семь финских и десять советских ученых. Материалы симпозиума опубликованы отдельным сборником¹. Второй советско-финляндский симпозиум на тему «Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна» был проведен в 1978 г. в Хельсинки. После симпозиума состоялось заседание советской и финской рабочих групп, на котором были определены перспективы дальнейшего сотрудничества.

В 1971 г. между Институтом археологии АН СССР и Британской академией заключен Протокол о сотрудничестве сроком на три года. В соответствии с ним осуществлены по две месячные командировки с каждой стороны в Советский Союз и Англию и проведен в 1974 г. в Кембридже первый англо-советский симпозиум по археологии. На симпозиуме

заслушано 11 докладов, в том числе пять — советских археологов. Они были посвящены широкому кругу вопросов первобытной археологии Европы и Западной Азии (VI—I тысячелетия до н. э.)² и вызвали оживленное обсуждение.

В рамках протокола о сотрудничестве между советскими и французскими учеными в области палеогеографии и палеолитоведения состоялись встречи соответствующих специалистов обеих стран во Франции (1977 г.) и СССР (1978 г.). Эти встречи были организованы на известных палеолитических памятниках Южной Франции, Крыма и Кавказа и оказались весьма плодотворными. Учитывая большую результативность и взаимную пользу подобных встреч, решено их продолжать и расширять.

Постоянно расширяются научные связи Института археологии АН СССР и с развивающимися странами Азии и Африки. Институт принимал у себя ученых Афганистана, Египта, Индии, Ирака, Ирана, Иордании, Сирии, Турции и других стран. Сотрудники Института в свою очередь совершили полезные научные командировки в эти и другие страны, где знакомились с организацией археологических исследований, выступали с докладами, работали над коллекциями в музеях, побывали на раскопках различных памятников и т. д. Очень полезными, например, были командировки в Алжир для участия в раскопках в 1976 и 1978 гг. и в Непал (1978 г.), где были проведены, в частности, разведки и открыты разновременные памятники, в том числе впервые — палеолитические местонахождения. Не менее интересными были и командировки сотрудников Института в Пакистан (1971 г.) для ознакомления с археологическими объектами страны, в Народно-Демократическую Республику Йемен (1972 г.) для обследования и фиксации памятников истории и культуры.

Институт оказывает помощь и в подготовке высококвалифицированных кадров. Так, в настоящее время в Институте проходят аспирантуру археологи из Сирии и Нигерии.

Особо следует сказать о работах экспедиций Института археологии АН СССР в Афганистане и Ираке. Эти крупные экспедиции организованы решением Президиума АН СССР и действуют с 1969 г. В начале 60-х годов советская археологическая экспедиция работала в Египте и Судане. Она была организована в связи со строительством Асуанского гидроузла и функционировала недолго — всего два сезона. В зоне затопления Асуанской высотной плотины экспедиция приняла активное участие в спасении археологических памятников, открыв и исследовав ряд поселений и могильников, а также замечательные эпиграфические памятники различных периодов истории Египта и Нубии³.

С организацией же Афганской и Иракской экспедиций Института археологии АН СССР советские археологи, можно считать, вышли на широкую международную арену полевой археологии. Впервые мы начали работать на сопредельной с нашей страной территории дружественного Афганистана и в Месопотамии.

Перед Советско-Афганской экспедицией были поставлены две основные задачи: путем систематических разведок в Северном Афганистане создать археологическую карту данной области и добыть соответствующие материалы для изучения взаимодействия и связей древнего населения этой территории с племенами сопредельных стран. В результате широких маршрутных обследований экспедиция выявила свыше 200 археологических памятников от каменного века до средневековья. Это позволило заполнить огромное белое пятно на археологической карте Афганистана и наметить историческую динамику сложения и развития здесь древних племен. Установлено впервые, что на севере Афганистана человек каменного века обитал не только в предгорьях Гиндукуша, но и на Бактрийской равнине. Впервые на левобережье Амударьи выявлены неолитические комплексы, а на значительной территории Северного Афганистана — разнообразные памятники бронзового века. В Дашлином

оазисе и других районах проведены большие по масштабу раскопки бытовых, культовых и погребальных памятников эпохи бронзы и периода раннего железа.

Исключительно интересные и важные результаты получены экспедицией и при исследовании памятников античного времени, в частности Дильберджина и Джигатепе. Здесь вскрыты бытовые комплексы, святилища, оборонительные сооружения, великолепные образцы настенной живописи и т. д.

В 1978—1979 гг. на Тиллятепе экспедицией раскопаны шесть исключительно богатых погребений раннекушанского времени (I—II вв. н. э.). Они принадлежат, вероятно, царям или жрецам. В них обнаружено более 20 тыс. золотых изделий.

Экспедицией уже изданы материалы к археологической карте Афганистана, книги о Дильберджине и монография, посвященная Афганистану в эпоху бронзы и раннего железа. Афганская экспедиция стала школой для подготовки и совершенствования афганских археологов, а национальный музей Афганистана обогатился ценнейшими экспонатами.

Основной задачей Иракской экспедиции является изучение формирования производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур Северной Месопотамии. Поэтому работы ее сосредоточены на северо-западе Ирака, в Синджарской долине, в совершенно не изученной до этого области Месопотамии.

Экспедиция исследовала группу раннеземледельческих поселений — Ярымтепе I, II и III, относящихся соответственно к VI, V и началу IV тысячелетия до н. э. и представляющих хассунскую, халафскую и убейдскую культуры Месопотамии. Здесь проведены широкие стационарные работы, увенчавшиеся интереснейшими открытиями. Добыт огромный новый материал, значительно расширивший наши представления о древнейших культурах дописьменной Месопотамии. В результате поселения Ярымтепе I и II в настоящее время являются наиболее исследованными памятниками хассунской и халафской культур Ближнего Востока. Более того, благодаря разведочным работам, проведенным экспедицией, в этом же районе открыта значительная группа других памятников, в том числе представляющих новую, раннеземледельческую культуру Месопотамии, предшествующую хассунской и датируемую VII тысячелетием до н. э. Экспедицией раскопаны два памятника этой культуры — поселения Телль-Сотто и Кюллитепе.

Исключительно важное значение имеет открытие экспедицией поселения докерамического неолита — Телль-Магзалия, расположенного в предгорьях Синджара. Начатые с 1977 г. раскопки показали, что это крупное оседлое поселение с культурным слоем мощностью более 8 м, расчленяющимся на 15 строительных ярусов. Открыты остатки прямоугольных домов на массивных каменных основаниях. Важнейшую особенность поселения составляет оборонительная система из мощных каменных стен, башни и специально оформленных ворот. Памятник датируется VIII—началом VII тысячелетия до н. э. и, таким образом, хронологически не уступает соответствующим поселениям Загроса и Леванта.

Результаты работ экспедиции опубликованы не только в советской научной печати, но и в Ираке, Англии и других странах. Поэтому они получили широкую известность. Во всех новейших трудах по первобытной археологии Ближнего Востока, как правило, имеются ссылки на результаты исследований советской экспедиции в Ираке.

Материалы, добытые экспедицией, заметно обогатили фонды музеев Ирака, особенно Национального музея в Багдаде. В открытом в 1975 г. новом историко-археологическом музее в крупнейшем после Багдада городе Ирака — Мосуле — разделы экспозиции по хассунской и халафской культурам укомплектованы в значительной степени из цахонок нашей экспедиции.

Завершая краткую характеристику зарубежных связей Института археологии АН СССР, укажем, что в 1978 г. экспедиция Института приступила к полевым работам на архипелаге Шпицберген (Норвегия). Получены данные о пребывании здесь русского населения, его материальной культуре в XVII—XVIII вв. Раскопаны также остатки русского креста — навигационного знака поморов — на Руссекейла.

Серьезным вниманием, уделяемым в Институте вопросам изучения археологии Старого и Нового Света, объясняется организация при Институте аспирантуры по зарубежной археологии. Окончившие ее специалисты в настоящее время успешно трудятся в зарубежных экспедициях Института. В Институте археологии АН СССР уже более 15 лет функционирует межсекторальная группа по зарубежной археологии, занимающаяся изучением древних культур Америки и Средиземноморья, Дунайского бассейна и Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, как многообразны и плодотворны зарубежные связи Института археологии АН СССР. Благодаря им значительно вырос международный престиж советской археологической науки.

¹ Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья. М.; Л., 1979.

² Мунчаев Р. М. Первая встреча советских и английских археологов. — Вестник Академии наук СССР, 1975, 4.

³ Древняя Нубия. М.; Л., 1964; Археология Старого и Нового Света. М., 1966.

В. В. КРОПОТКИН

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ АН СССР (1919—1978 гг.)

В дореволюционные годы в России археология еще не оформилась в самостоятельную академическую науку. На историко-филологических факультетах в университетах не читались специальные курсы по археологии. Преподавание археологии как научной дисциплины велось только в археологических институтах в Петербурге и в Москве. Поэтому подготовка кадров по археологии происходила стихийно, занятия археологией часто совмещались с работой в другой области науки.

Первое советское археологическое учреждение — Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) — унаследовала научные кадры дореволюционной поры.

В становлении советской археологии важнейшее значение имели ученые нового поколения, которые уже на студенческой скамье начинали овладевать учением марксизма-ленинизма. В подготовке новых советских кадров важную роль сыграл институт аспирантуры, который был введен в ГАИМК в начале 1926 г. Подготовкой специалистов руководили в первые годы существования аспирантуры крупные ученые — Д. В. Айналов, В. В. Бартольд, О. Ф. Вальдгауэр, П. П. Ефименко, С. А. Жебелев, Н. Я. Марр, А. А. Миллер, К. К. Романов, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский и другие. Первыми аспирантами в ГАИМК были зачислены М. И. Артамонов, В. А. Богусевич, С. Н. Замятнин, А. А. Иессен, Г. Ф. Корзухина, М. Г. Худяков, П. Н. Шульц, А. Ю. Якубовский и другие. Многие из первых аспирантов ГАИМК стали впоследствии крупными специалистами и оказали большое влияние на формирование советской археологии в целом.

Другой, более обычный путь вхождения в науку начинался от занятия первой научно-технической должности регистратора (лаборанта). В опубликованном списке личного состава ГАИМК на 1 октября 1925 г. регистраторами названы М. И. Артамонов, А. А. Быков, М. П. Грязнов, А. И. Доватур, А. П. Манцевич, М. Э. Матье (сверх штата), А. Ю. Якубовский. Все они позднее стали высококвалифицированными специалистами в разных разделах истории культуры, археологии и нумизматики.

В 1929 г. вышел первый сборник научных работ аспирантов ГАИМК, в котором помещены статьи М. И. Артамонова, В. А. Богусевича, Н. Н. Воронина, Л. А. Диндеса, С. Н. Замятнича, А. А. Иессена, Г. Ф. Корзухиной, М. Г. Худякова¹. Предисловие к сборнику написал академик Н. Я. Марр. В числе первых, кому в 1934 г. присвоили ученую степень кандидата наук (без защиты диссертации), был М. И. Артамонов. В 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию А. Н. Бернштам. Путь от регистратора до члена-корреспондента АН СССР прошел А. Ю. Якубовский, которому в 1935 г. была присвоена ученая степень доктора исторических наук. Позднее подготовили и защитили кандидатские диссертации Н. Н. Воронин, А. А. Иессен, М. К. Каргер, Г. Ф. Корзухина, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, И. И. Ляпушкин, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий и другие.

В блокадном Ленинграде не прекращалась научная жизнь в Институте, несмотря на эвакуацию большей части его сотрудников в Елабугу и Ташкент. Некоторые кандидатские и докторские диссертации в Институте были защищены во время Великой Отечественной войны.

В Москве в 20-е годы кадры археологов готовились на этнологическом факультете МГУ и в учреждениях Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

К началу 20-х годов в Москве сложилось два основных направления в подготовке археологов: школа академика Д. Н. Анучина и школа профессора В. А. Городцова. К школе Д. Н. Анучина, которую в 20-е годы возглавил его ученик Б. С. Жуков, принадлежат А. Е. Алихова, О. Н. Бадер, М. В. Воеводский, Е. И. Горюнова, А. В. Збруева, Б. А. Куфтин, М. В. Талицкий, С. П. Толстов и другие. Среди учеников В. А. Городцова следует назвать А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова, Б. Н. Гракова, Л. А. Евтюхову, С. В. Киселева, Д. А. Крайнова, О. А. Кривцову-Гракову, Е. И. Крупнова, Б. А. Рыбакова, А. П. Смирнова, М. Е. Фосс и других. Аспирантуру в институтах РАНИОН прошли А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, М. М. Кобылина, А. П. Смирнов. Одним из первых в 1929 г. защитил кандидатскую диссертацию А. В. Арциховский («Курганы вятичей»).

Большую роль в создании московской школы археологов сыграли лекции по археологии профессора Ю. В. Готье, прочитанные в середине 20-х годов на этнологическом факультете МГУ. Крупный историк Ю. В. Готье дал в этих лекциях широкое историческое обобщение археологического материала.

В 1936 г. на историческом факультете МГУ была основана кафедра археологии, которую возглавил А. В. Арциховский, бессменно руководивший ею в течение 40 лет. За время существования кафедры археологии МГУ ее окончили 732 студента. Первыми выпускниками кафедры были Б. А. Колчин, А. Л. Монгайт, А. В. Никитин, М. Г. Рабинович, Г. Б. Федоров и другие. Многие из выпускников кафедры археологии МГУ обучались в аспирантуре Института археологии АН СССР или подготовили кандидатские диссертации без прохождения аспирантуры (П. И. Засурцев, О. Н. Мельниковская, А. В. Никитин, Р. Л. Розенфельдт и другие). В 40-х и начале 50-х годов аспирантуру Института археологии успешно закончили А. И. Мелюкова, Н. Я. Мерперт, А. Л. Монгайт, Р. М. Мунчаев, С. А. Плетнева, В. В. Седов, К. Ф. Смирнов, Г. Б. Федоров, А. А. Формозов, Д. Б. Шелов — ныне ведущие сотрудники Института археологии. Многие из поступивших в аспирантуру в первые послевоенные годы были участниками Великой Отечественной войны.

Особое внимание уже в 30-х годах было обращено в Институте на подготовку специалистов высшей квалификации для национальных республик и областей. В послевоенные годы эта работа была успешно продолжена. Аспирантуру и докторантуру в Институте археологии прошли К. Акишев, Я. Гулямов, А. Х. Маргулан.

В послевоенные же годы в аспирантуре Института обучались археологи из Болгарии, Венгрии, Румынии, Монголии и Вьетнама.

Археологи, прошедшие аспирантуру и докторантуру в Институте археологии, работают ныне в различных городах Советского Союза: Абакане, Алма-Ате, Астрахани, Ашхабаде, Баку, Вильнюсе, Владивостоке, Волгограде, Воронеже, Горно-Алтайске, Грозном, Душанбе, Ереване, Ижевске, Йошкар-Оле, Казани, Киеве, Кишиневе, Куйбышеве, Кызыле, Львове, Магадане, Махачкале, Минске, Нальчике, Новосибирске, Нукусе, Одессе, Орджоникидзе, Петрозаводске, Риге, Ростове-на-Дону, Самарканде, Саранске, Саратове, Свердловске, Сухуми, Сыктывкаре, Ташкенте, Тбилиси, Томске, Улан-Удэ, Уральске, Уфе, Фрунзе, Цхинвали, Челябинске, Якутске.

С 1926 по 1978 г. аспирантуру в ГАИМК—ИИМК — Институте археологии АН СССР закончили 276 человек, причем в послевоенные годы наблюдается значительное увеличение числа аспирантов.

Годы обучения в аспирантуре	Число аспирантов	%	Годы обучения в аспирантуре	Число аспирантов	%
1926—1935	30	10,9	1956—1965	59	21,4
1936—1945	12	4,4	1966—1975	91	32,9
1946—1955	66	23,9	1976—1978	18	6,5

Подготовка аспирантов получила в послевоенные годы новый плановый характер, целеустремленность и размах. Если в 1926—1945 гг. аспирантуру окончили 42 человека, то в 1946—1978 гг. — 234. Кадры высшей квалификации по археологии готовились в нашем Институте практически для всех республик, краев и областей Советского Союза.

С середины 20-х годов особое внимание было обращено на подготовку аспирантов по археологии каменного века. Аспирантами руководили, например, В. А. Городцов, П. П. Ефименко, позднее в эту работу включились Б. С. Жуков, Г. А. Бонч-Осмоловский, О. Н. Бадер, П. И. Борисковский, А. Я. Брюсов, М. В. Воеводский, Г. Ф. Дебец, А. Н. Рогачев, С. А. Семенов.

Большую работу по подготовке аспирантов, специализирующихся по археологии бронзового и железного веков, вели А. А. Миллер, М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, М. П. Грязнов, С. В. Киселев, В. И. Равдоникас и многие другие. Подготовкой аспирантов по античной археологии успешно занимались О. Ф. Вальдгауэр, С. А. Жебелев, Б. В. Фармаковский, а позже — В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович, М. И. Максимова. Прекрасной школой подготовки археологов были раскопки в Ольвии, которыми в 20-х годах руководил Б. В. Фармаковский.

Широко и целеустремленно велась подготовка аспирантов по славяно-русской археологии. Многие крупные ученые в области славяно-русской археологии закончили аспирантуру и докторантуру в стенах Института археологии. Многочисленные ученики М. И. Артамонова, А. В. Арпиховского, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, И. И. Ляпушкина, Б. А. Рыбакова занимают ведущие позиции в этой области археологической науки. Археологи-слависты, получившие образование в Советском Союзе, ныне успешно работают в Болгарии и Румынии.

Подготовкой аспирантов по археологии Средней Азии и Кавказа занимались такие ученые, как А. Н. Беленицкий, А. Н. Бернштам, М. М. Дьяконов, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, А. Ю. Якубовский, Б. Б. Пиотровский. В настоящее время эту работу проводят А. М. Мандельштам, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов.

Подготовкой аспирантов по нумизматике и эпиграфике успешно занимались Н. П. Бауер, Б. Н. Граков, А. Н. Зограф, Р. Р. Фасмер.

В послевоенные годы в институте началась подготовка аспирантов по зарубежной археологии (В. А. Башилов, В. И. Гуляев). Научными руководителями аспирантов, которые специализировались по зарубежной археологии, являлись Г. Ф. Дебец, Б. А. Колчин, Н. Я. Мерперт.

В настоящее время подготовка научных кадров в Институте археологии ведется по единому плану; наряду с очной и заочной аспирантурой существует так называемая целевая аспирантура и институт стажировки. Все эти формы подготовки кадров в институте обеспечивают в основном потребности нашей страны в специалистах высшей квалификации по археологии. Введение новых форм подготовки кадров (целевая аспирантура и стажировка) позволяет значительно расширить подготовку кадров археологов для национальных республик и различных научных и культурных центров Советского Союза. По данным на февраль 1979 г. в аспирантуре Института археологии АН СССР обучается 53 аспиранта, в том числе в очной аспирантуре 12 человек, в заочной — 15, в целевой — 26, из них трое — иностранные аспиранты (Сирия, Нигерия, Вьетнам). В настоящее время в секторах и лабораториях Института проходят стажировку 8 человек. Для улучшения подготовки аспирантов в Институте археологии каждый год читается курс лекций по основным проблемам первобытной, античной и средневековой археологии.

Подводя итоги, можно наметить некоторые общие тенденции в подготовке кадров высшей квалификации по археологии за 60 лет:

1. Неуклонный рост числа выпускаемых аспирантов, разнообразие форм этой подготовки (очная, заочная, целевая аспирантуры, стажировка).

2. Увеличение ареала подготовки кадров высшей квалификации.

3. Успешная подготовка национальных кадров по археологии; подготовка специалистов для социалистических и развивающихся стран (Болгария, Венгрия, Румыния, Монголия, Вьетнам, Сирия, Нигерия).

4. Появление новых направлений и специальностей в подготовке аспирантов по археологии (внедрение точных методов исследования, трасологический метод, дендрохронология, спектральный анализ и т. д.).

¹ Сборник работ аспирантов ГАИМК. Л., 1929, 1.

В. А. АЛЕКШИН

НАУЧНЫЕ СОВЕЩАНИЯ, СЕССИИ, СИМПОЗИУМЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, ПЛЕНУМЫ ГАИМК—ИИМК— ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

С первых дней создания центрального археологического учреждения нашей страны оно активно включилось в научную жизнь.

Только в 1919—1925 гг. представители ГАИМК участвовали в работах девяти научных съездов, наиболее значимыми из которых были: съезд по вопросам реставрации (Москва, 1921 г.), съезд этнографов (Москва, 1921 г.), съезд египтологов (Москва, 1922 г.), музейно-археологический съезд (Москва, 1925 г.).

Активное участие приняли сотрудники ГАИМК в организации первой конференции археологов СССР в Керчи (1926 г.). Программа конференции была составлена ГАИМК совместно с музейным отделом Главнауки и Крымским комитетом по делам музеев и охране памятников старины. Из 70 докладов, заслушанных на конференции, почти четверть (17 докладов) сделана сотрудниками ГАИМК. В конференции приняли участие Ю. В. Готье, С. Н. Замятин, А. Н. Зограф, И. В. Измайлова, О. Г. Ко-

това, М. И. Максимова, Н. Я. Марр, Л. А. Мацулевич, Н. Д. Протасов, Е. Ч. Скржинская, А. П. Смирнов, А. А. Спицын, М. А. Тиханова, Б. В. Фармаковский.

Конференция проводилась по случаю 100-летия Керченского музея. Доклады были посвящены античной и средневековой археологии. На заседании 9 сентября заслушан доклад В. А. Городцова «Типологический и сравнительный метод в археологии».

В 1927 г. состоялась вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Она была приурочена к 100-летию юбилею археологических раскопок в Херсонесе. В работе конференции приняли участие два представителя ГАИМК — Н. Д. Протасов и А. П. Смирнов.

Важную роль в развитии археологии в СССР сыграли два крупных археологических организационных совещания.

Первое из них (Всероссийская археологическая конференция) состоялось в Москве в апреле 1939 г. Оно было организовано музейно-краеведческим отделом Наркомпроса РСФСР. На этом форуме российских археологов активнейшую роль сыграли представители ИИМК: Н. Н. Воронин, С. В. Киселев, И. И. Никитин, Б. А. Рыбаков, С. П. Толстов, А. Л. Якобсон.

Конференция решила подготовить материалы для создания истории культуры, разработать пятилетний план археологических исследований, усилить подготовку археологических кадров, ходатайствовать об организации кафедр археологии при педагогических институтах.

Второе крупнейшее организационное археологическое совещание было проведено в Москве 25 февраля—2 марта 1945 гг. В его работе приняло участие 156 делегатов.

В обобщающем докладе академика Б. Д. Грекова были подведены итоги археологических исследований до 1945 г. Было отмечено, что сотрудники ИИМК вели большую работу в годы войны по расследованию варварского уничтожения памятников старины немецко-фашистскими оккупантами. Не прекращались в годы войны и полевые изыскания: работали Фархадская экспедиция в Средней Азии, экспедиции на Лене, в Грузии и Армении.

С докладом о плане археологических работ в стране на 1945—1948 гг. выступил академик И. И. Мещанинов.

Всесоюзное археологическое совещание постановило: а) расширить археологические изыскания на территории СССР; б) сосредоточить основные усилия на реставрации памятников старины.

Кроме организационных совещаний, следует отметить проведенную ГАИМК конференцию по планированию археолого-раскопочных работ (Москва, 1931 г.). На ней были заслушаны два основных доклада: Ф. В. Кипарисова «Принципы и общие основания планирования археолого-раскопочных работ» и А. А. Миллера «Проект инструкции к открытым листам». В резолюции, принятой на конференции, отмечено, что вся полевая деятельность археологов требует подчинения единому тщательно разработанному плану и максимальной концентрации всех людских ресурсов и материальных средств на его выполнение. План археологических работ должен быть увязан с планом капитального строительства РСФСР. В план археологических работ включаются также работы, не связанные с капитальным строительством, но мотивированные особо важной научной значимостью этих раскопок, а также работы, необходимые научно-исследовательским институтам и музеям. Эта конференция имела большое значение для организации и упорядочения полевых археологических раскопок в СССР.

Научная деятельность ГАИМК—ИИМК—Института археологии АН СССР всегда протекала в нескольких направлениях. Одним из наиболее интересных направлений были дискуссии по теории археологии.

Вопросы теории археологии во всей их сложности впервые рассматривались на Всероссийском археолого-этнографическом совещании (Ленинград, 1932 г.). Дискутировался вопрос о месте археологии в системе дру-

гих наук. Участники совещания пришли к весьма спорному выводу о невозможности существования археологии как особой самостоятельной науки. Вместе с тем было признано, что археологические источники специфичны и требуют специальных методов обработки. Хотя археология является, по мнению участников совещания, вспомогательной исторической наукой (задача которой заключается в добывании и первичной обработке археологического материала как источника исторического исследования), однако археологические памятники могут и должны изучаться как памятники исторического процесса, как показатели общественных отношений, как носители социальной функции в соответствующем историческом обществе.

Материалы совещания отразили уровень развития теоретических воззрений советских археологов начала 30-х годов и имели большое значение для развития отечественной археологии. Но вряд ли было правомерным считать археологию несамостоятельной наукой, коль скоро она имеет дело с особым кругом проблем, которые кроме нее никто не может решить. Впрочем, этот вопрос остается дискуссионным и в наши дни, как это показал проведенный в апреле 1976 г. симпозиум методологического семинара ЛОИА АН СССР «Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований». На симпозиуме вновь, с современных позиций, были рассмотрены вопросы о предмете и объекте археологии, ее соотношении с другими общественными науками. Особо обсуждался вопрос о системе основных археологических понятий (В. С. Бочкарев). Следует надеяться, что опубликование материалов симпозиума стимулирует исследования в области теории археологии в нашей стране.

Одной из основных задач отечественной археологии является правильное использование добытых археологических материалов при исследовании закономерностей развития человеческих обществ. Первой попыткой в этом направлении нужно признать проведенное в 1951 г. в Москве объединенное совещание институтов истории материальной культуры, этнографии, языкознания и истории, посвященное методологии этногенетических исследований. На совещании обсуждались спорные вопросы происхождения славян, балтов, угро-финнов, иранцев.

В мае 1956 г. состоялась конференция, посвященная проблемам развития античных государств Северного Причерноморья. Основной доклад на конференции «Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья» сделал В. Д. Блаватский.

В 60-х годах при отделении истории АН СССР был создан под председательством академика Б. А. Рыбакова Научный совет по изучению закономерностей исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой. Совет организовал несколько сессий, конференций, совещаний и симпозиумов. В каждом из них сотрудники Института археологии АН СССР принимали активное участие, поскольку без археологических материалов нельзя решить ни одной проблемы, связанной с изучением истории первобытного и рабовладельческого обществ.

Научный совет провел в 1964 г. сессию «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР». Б. А. Рыбаков сделал на сессии доклад «Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси». В 1966 г. Научный совет организовал симпозиум «Пути перехода классового общества в классовое». Из докладов, сделанных на этом симпозиуме, следует отметить доклад В. М. Массона «Пути становления классовых обществ на Древнем Востоке». На симпозиуме обсуждался вопрос об археологических критериях выявления классовых обществ.

В 1968 г. Научный совет провел в Ленинграде сессию «Спорные вопросы истории античного и средневекового города».

В том же году состоялся симпозиум «Становление человеческого общества», в работе которого приняли участие О. Н. Бадер, П. И. Борисковский, Г. П. Григорьев, И. И. Коробков, Д. А. Крайнов, В. М. Массон, Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев, Б. А. Рыбаков.

В 70-х годах Научный совет провел еще несколько конференций. На одной из них рассматривался механизм сложения раннеклассовых обществ (Москва, 1973 г.), на другой обсуждались проблемы, связанные со становлением экономики производящего типа (Ленинград, 1975 г.).

Особо следует отметить конференцию «Историзм археологии, вопросы методологии», которую Научный совет организовал в декабре 1976 г. На конференции обсуждались конкретные методы проведения историзма в археологических исследованиях, соотношение археологии со смежными науками (в первую очередь с этнографией) и др.

В апреле 1978 г. в Звенигороде состоялась еще одна конференция, проведенная по инициативе Научного совета. Эта конференция была посвящена обсуждению типов государственности при рабовладельческом строе.

Развитие археологии как науки обусловило внедрение в нее методов исследования естественных наук, без которых теперь немыслимо ни одно археологическое исследование по вопросам технологии или датирования, палеогеографии или палеоботаники. Весь комплекс сложных вопросов, касающихся взаимодействия археологии и естественных наук, обсуждался на Всесоюзном совещании по применению в археологии методов исследования естественных и технических наук (Москва, 1963 г.). В работе совещания кроме археологов принимали участие физики, химики, биологи, математики, геологи и т. д. На совещании обсуждались вопросы археологического датирования, происхождения материалов (история, технология), внедрения методов естественных наук в кабинетную и полевую работу археологов.

Помимо общетеоретических научных конференций Институт археологии АН СССР проводил тематические научные совещания, посвященные археологии определенных эпох. Наибольшее число совещаний посвящено археологии каменного века.

Одной из первых была конференция по изучению четвертичного периода (Киев, 1939 г.). Конференция, организованная ИИМК и Институтом археологии АН Украинской ССР, имела задачу подвести итоги исследования в области палеолита и четвертичной геологии СССР за 1938 г.

После войны число археологических форумов, на которых обсуждаются проблемы палеолита, резко увеличилось. В сентябре 1963 г. во Владимире и Москве с участием зарубежных специалистов проведен симпозиум по вопросам стратиграфии и периодизации палеолита.

В октябре 1972 г. в Самарканде состоялось совещание «Каменный век Средней Азии и Казахстана». На совещании прошла дискуссия по общим вопросам выделения археологических культур и локальных вариантов в палеолите, определению понятий «культура», «путь развития», «линия развития».

В 1973 г. был организован симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит)».

В последние годы состоялись еще три научных совещания по палеолиту. Одно из них — «Атеизм и проблема происхождения человека» — было посвящено проблеме происхождения человека (Москва, 1974 г.), два других — по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий (Ленинград, 1974 г.) и по вопросам методики и техники исследования каменных орудий (Ленинград, 1976 г.) — касались проблем, связанных с исследованием каменных орудий в палеолите.

Проблемам мезолита было посвящено два совещания (1962, 1974 гг.), состоявшихся в Ленинграде. На них рассматривались как общие вопросы методологического характера (о сущности и хронологических рамках мезолитической эпохи, о взаимоотношении человека и среды, об установлении причин, вызывающих резкие различия мезолитических индустрий), так и частные вопросы изучения мезолитических культур конкретных регионов.

Наконец, два совещания в Ленинграде (1975, 1977 гг.) были посвящены археологии неолита СССР.

Из научных собраний, посвященных археологии эпохи бронзы, следует отметить Всесоюзное совещание по андроновской культуре, состоявшееся в 1964 г. На нем рассматривались вопросы происхождения андроновской культуры, ее хронологии, членения на локальные варианты и исторические судьбы населения, оставившего эту культуру.

В середине I тысячелетия до н. э. обширные степные пространства нашей страны были заняты кочевыми племенами: скифами, саками, сарматами и т. д. Велико культурное наследие этих народов, их влияние на северных и южных соседей. Поэтому изучение культур скифского времени всегда было одним из основных научных направлений центрального археологического учреждения страны.

В послевоенное время в Москве состоялись три всесоюзные конференции, посвященные скифо-сарматской археологии. Тематика первой конференции (1952 г.) включала проблемы расселения скифских племен, их генетических связей с племенами доскифского времени, этнической характеристики различных племенных групп геродотовой Скифии.

Вторая конференция (1967 г.) была посвящена вопросам происхождения скифов и их искусства, этнической принадлежности локальных вариантов культуры Скифии.

На третьей конференции (1972 г.) освещались вопросы происхождения и развития скифо-сибирского «звериного» стиля в изобразительном искусстве.

Проблемы хронологии скифских культур обсуждались на Всесоюзном совещании «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград, 1975 г.).

Комплекс проблем, связанных с происхождением культур раннего железного века в Северном Причерноморье, обсуждался на расширенном заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА, которое было посвящено современному состоянию наших представлений о киммерийской проблеме (1977 г.).

Археология античного мира стала объектом рассмотрения на конференции, посвященной памяти Б. В. Фармаковского. Она была организована ЛОИА и Государственным Эрмитажем.

Два совещания (Киев, 1957 г.; Львов, 1967 г.) были посвящены проблемам черняховской культуры.

Институт археологии АН СССР всегда уделял большое внимание изучению древних городов, которое имеет первостепенное значение при исследовании путей формирования той или иной цивилизации. Результаты этих исследований обсуждались на пленумах, конференциях, симпозиумах.

Проблемы археологического изучения древнерусских городов рассматривались на двух пленумах ГАИМК—ИИМК (Новгород, 1936 г.; Москва, 1951 г.).

Три конференции были посвящены изучению античных городов. На двух конференциях (1956, 1960 гг.) рассматривались вопросы экономики античного города, происхождения и развития античных городов Северного Причерноморья. Третья, состоявшаяся в 1973 г. в Ленинграде, была специально посвящена проблеме взаимоотношения населения городов Северного Причерноморья с варварским миром.

На двух совещаниях (Фрунзе, 1970 г.; Самарканд, 1973 г.) обсуждались спорные вопросы развития древних городов Средней Азии и Казахстана.

Наконец, в 1976 г. в Ленинграде было проведено Всесоюзное совещание, посвященное общетеоретическим проблемам развития древних городов, — «Типология и социальная структура древнего и средневекового города». На этом совещании подытожены основные достижения советских археологов и историков в области изучения древних городов различных эпох и регионов, прослежены общие закономерности развития городских организмов, ярко охарактеризованы специфические локальные особенности городов в ту или иную эпоху у различных народов.

Институт археологии часто организовывал региональные совещания, на которых рассматривались проблемы археологии определенного региона в различные археологические эпохи.

Несколько таких совещаний было посвящено археологии Средней Азии (Ленинград, 1935, 1948, 1968 гг.; Москва, 1955 г.; Душанбе, 1956 г.). В Пенджикенте (1977 г.) состоялась Всесоюзная археологическая конференция по теме «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана».

Две сессии ИИМК были посвящены археологии Прибалтики (Ленинград, 1949 г.; Тарту, 1951 г.). В работах их принимали участие археологи Литвы, Латвии, Эстонии.

В 1946 г. в Ленинграде был проведен пленум, касавшийся изучения материальной культуры древнего Причерноморья.

Две научные сессии были связаны с археологией Закавказья. Первая из них, организованная совместно с Эрмитажем, состоялась в Ленинграде в 1948 г. Вторая, организованная совместно с Институтом истории АН Армянской ССР, проведена в Ереване (1956 г.).

В Кишиневе (1964 г.) состоялся первый Всесоюзный симпозиум по археологии и этнографии юго-запада СССР.

В 70-е годы в советской археологии усиливается интерес к социологическим разработкам в области археологии. Теоретический семинар и сектор археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА провел несколько симпозиумов, посвященных этой проблематике. В 1970 г. состоялось расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа «Домашние промыслы и ремесла». Особый интерес привлек доклад В. М. Массона «Становление ремесел в свете данных археологии». В 1971 г. ЛОИА проводит симпозиум «Реконструкция общественных отношений по данным погребений и могильников». Особенно тщательно обсуждались следующие проблемы: выработка методики социологических исследований на основе массового археологического материала и определение археологических критериев оценки бедности и богатства захоронений. В 1972 г. ЛОИА проводит симпозиум «Обмен и торговля в древних обществах», а в 1973 г. — симпозиум «Реконструкция общественных отношений по археологическим данным жилищ и поселений».

Сотрудники ГАИМК—ИИМК—Института археологии всегда знакомили коллег из союзных республик, широкие круги общественности страны с наиболее интересными полевыми археологическими открытиями. С этой целью сотрудники Института регулярно читают лекции, организуют выставки и пленумы, посвященные итогам полевых сезонов.

Одной из основных форм обмена информацией о полевых открытиях между учеными Института археологии АН СССР и археологами союзных республик стали регулярные пленумы Института археологии, которые посвящены итогам только что окончившегося полевого сезона. Такая форма научной работы зародилась в ГАИМК еще до войны, но наибольшего расцвета достигла в последние годы. Фактически эти пленумы стали археологическими съездами страны, которые по своим масштабам и задачам далеко превзошли археологические съезды дореволюционной России.

Первоначально пленумы, посвященные итогам полевых сезонов, проводились в Москве или Ленинграде. Сейчас география пленумов значительно расширилась. Они были проведены в Минске (1963 г.), Баку (1965 г.), Кишиневе (1967 г.), Львове (1970 г.), Тбилиси (1971 г.), Самарканде (1973 г.), Киеве (1975 г.).

За 60 лет существования ГАИМК—ИИМК—Института археологии его сотрудники приняли участие во множестве конференций и совещаний, организованных другими научными учреждениями страны. Здесь нет возможности их все перечислить. Упомянем лишь о наиболее интересных. В послереволюционный период в нашей стране проведен ряд конференций, посвященных проблемам этногенеза народов СССР. Сотрудники Института принимали участие в следующих этногенетических сове-

паниях: по этногенезу народов Севера (1940 г.), поволжских татар (1946 г.), чувашей (1950 г.), киргизов (1956 г.), народов Поволжья (1956 г.), мордвы (1965 г.), осетин (1966 г.), народов Северной Азии (1969 г.), башкир (1969 г.).

Сотрудники Института участвовали в конференциях, посвященных археологии союзных республик (конференции по археологии Белоруссии 1966 и 1968 гг.) или отдельных регионов СССР (конференция, посвященная археологии Нижнего Дона, в 1962 г.; конференции, посвященные археологии Сибири и Дальнего Востока, 1960, 1962, 1970, 1972 гг.; Уральские археологические совещания 1947, 1961, 1962, 1964, 1967 гг.).

Активное участие принимали сотрудники Института археологии во многих специализированных научных конференциях и совещаниях: совещании по проблемам происхождения домашних животных (1932 г.); сессии, посвященной истории земледелия на территории СССР (1952 г.); рабочем совещании по принципам периодизации и стратиграфии палеолита Восточной Европы (1959 г.); совещаниях по изучению четвертичного периода (1957, 1964, 1968 гг.); полевым семинаре по стратиграфии антропогена и палеолиту Печорского Приполярья (1968 г.); симпозиуме «Возникновение рода Номо и его эволюция» (1971 г.); конференции историков оружия (1969 г.); Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана (1969 г.); Всесоюзной конференции «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья» (1975 г.); симпозиуме по проблемам греческой колонизации и структуры раннеклассовых государств Северного и Восточного Причерноморья (1977 г.).

Каждая конференция, каждое совещание, организованные ГАИМК—ИИМК—Институтом археологии, в той или иной степени способствовали развитию археологии в нашей стране, являлись заметной вехой на пути решения сложных и разнообразных проблем современной археологии.

В. А. КОЛЬЧАТОВ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАИМК — ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР *

Уже к первой годовщине создания РАИМК были подготовлены сборники статей и заметок по различным вопросам археологии, и в 1921 г. вышли в свет выпуск «Записок РАИМК» и первые тома периодических изданий — «Известий РАИМК» и «Трудов Нумизматической комиссии».

«Известия РАИМК» (с 1927 г. — «Известия ГАИМК») выходили вначале в виде ежегодных томов, с 1930 г. тома стали подразделяться на выпуски, а с вып. 60 (1933 г.) номера томов не указывались. В 1937 г. издание серии закончилось на вып. 158 (выпуски 136—137, 142—153, 155—157 из печати не вышли). В «Известиях ГАИМК» публиковались статьи по различным вопросам археологии. Некоторые выпуски представляли собой монографические работы или являлись тематическими сборниками, посвященными какой-либо крупной проблеме, определенной историческому периоду или полевым изысканиям. Таковы, например, вып. 103 (Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934), вып. 118 (Палеолит СССР. М.; Л., 1935), вып. 109—110 (Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. М.; Л., 1935), вып. 132 (По трассе первой очереди Московского метрополитена. М., 1936).

* Автор глубоко признателен Р. Ш. Левиной за постоянные консультации и большую помощь в подготовке этой работы.

В серии «Труды Нумизматической комиссии» с 1921 по 1927 г. опубликовано семь томов.

В 1922 и 1924 гг. Институт археологической технологии публикует два выпуска «Известий» Института, с 1924 по 1931 г. издает «Материалы по методологии археологической технологии». В этой серии обозначено 13 выпусков, вып. 11 из печати не выходил.

В 1926 г. опубликован первый, а в 1929 г. — второй выпуски сборника «Сообщения ГАИМК». С 1931 г. выходят ежемесячники «Сообщения ГАИМК», которые в 1933 г. переименовываются в «Проблемы истории материальной культуры», а в 1934—1935 гг. выпускаются под заглавием «Проблемы истории докапиталистических обществ».

В 1931—1933 гг. в четырех томах серии «Труды Государственной академии истории материальной культуры» осуществлено издание монографий советских ученых на немецком, французском и английском языках.

Вопросам методики и техники археологических исследований посвящены выпуски серии «Образовательная библиотека Гос. академии истории материальной культуры», вышедшие в 1931—1933 гг.

Следует отметить сборник «К десятилетию Октября», выпущенный в 1928 г. Московской секцией ГАИМК, и «Сборник работ аспирантов ГАИМК» (М., 1929), в котором были опубликованы научные работы М. И. Артамонова, Н. Н. Воронина, С. Н. Замятнина, А. А. Иессена, Г. Ф. Корзухиной, ставших впоследствии крупными учеными, разработавшими ряд коренных проблем советской археологии.

С 1936 г. начали выходить сборники «Советская археология». В задачи издания входила публикация «археологических материалов, исторических исследований по вопросам археологии и археологической хроники» (СА, 1936, I, с. 4). Создание этих сборников было вызвано необходимостью более широкого освещения результатов теоретических и полевых работ советских археологов, задачами идеологической борьбы с идеалистическими концепциями, распространенными в зарубежной археологии, разработки и применения наиболее правильных, точных и целесообразных приемов как полевых, так и кабинетных исследований. За 1936—1959 гг. вышли 30 томов сборника, содержащих более 600 статей и заметок 320 авторов.

Более широкие задачи был призван решать периодический ежеквартальный журнал «Советская археология», сменивший одноименный сборник. В передовой статье первого номера журнала, вышедшего в 1957 г., были определены основные направления деятельности этого печатного органа. Вместе с работами обобщающего характера, статьями, посвященными углублению и совершенствованию разработки вопросов теории и практики археологических исследований, в журнале публикуются источниковедческие исследования, сообщения о полевых работах советских археологов, что способствует оперативности информации о новых фактических материалах, входящих в фонд археологических источников. Значительное место отведено в журнале обзору новейшей археологической литературы, вышедшей у нас в стране и за рубежом. На страницах журнала «Советская археология» большое внимание уделяется творческим дискуссиям, помогающим выявить правильные решения спорных вопросов, найти новые пути исследования. В журнале публикуются материалы из музейных фондов, что также позволяет вводить в широкий научный оборот вещи и факты, которые в течение долгого времени оставались малоизвестными в научной среде. В отделе хроники журнала помещаются сообщения о пленумах и конференциях, обсуждавших археологические проблемы, сведения о работе археологических учреждений.

В мае 1939 г. увидел свет первый выпуск одного из самых популярных археологических изданий — «Кратких сообщений о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» (впоследствии «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях

Института археологии АН СССР»). Издающиеся в среднем по четыре выпуска в год, эти сборники публикуют небольшие по объему, но важные по заключенной в них информации статьи и заметки советских ученых, содержащие сведения о полевых и кабинетных исследованиях, а также сообщения о текущей работе подразделений Института археологии АН СССР. Начиная с 1962 г. выпуски серии выходят тематическими сборниками, объединяющими статьи и заметки по определенным проблемам советской археологии. Один из выпусков «Кратких сообщений» был специально посвящен вопросам методики археологических исследований и раскопок археологических памятников. Всего за 1939—1978 гг. на страницах 156 выпусков «Кратких сообщений» было опубликовано более 2300 статей и заметок.

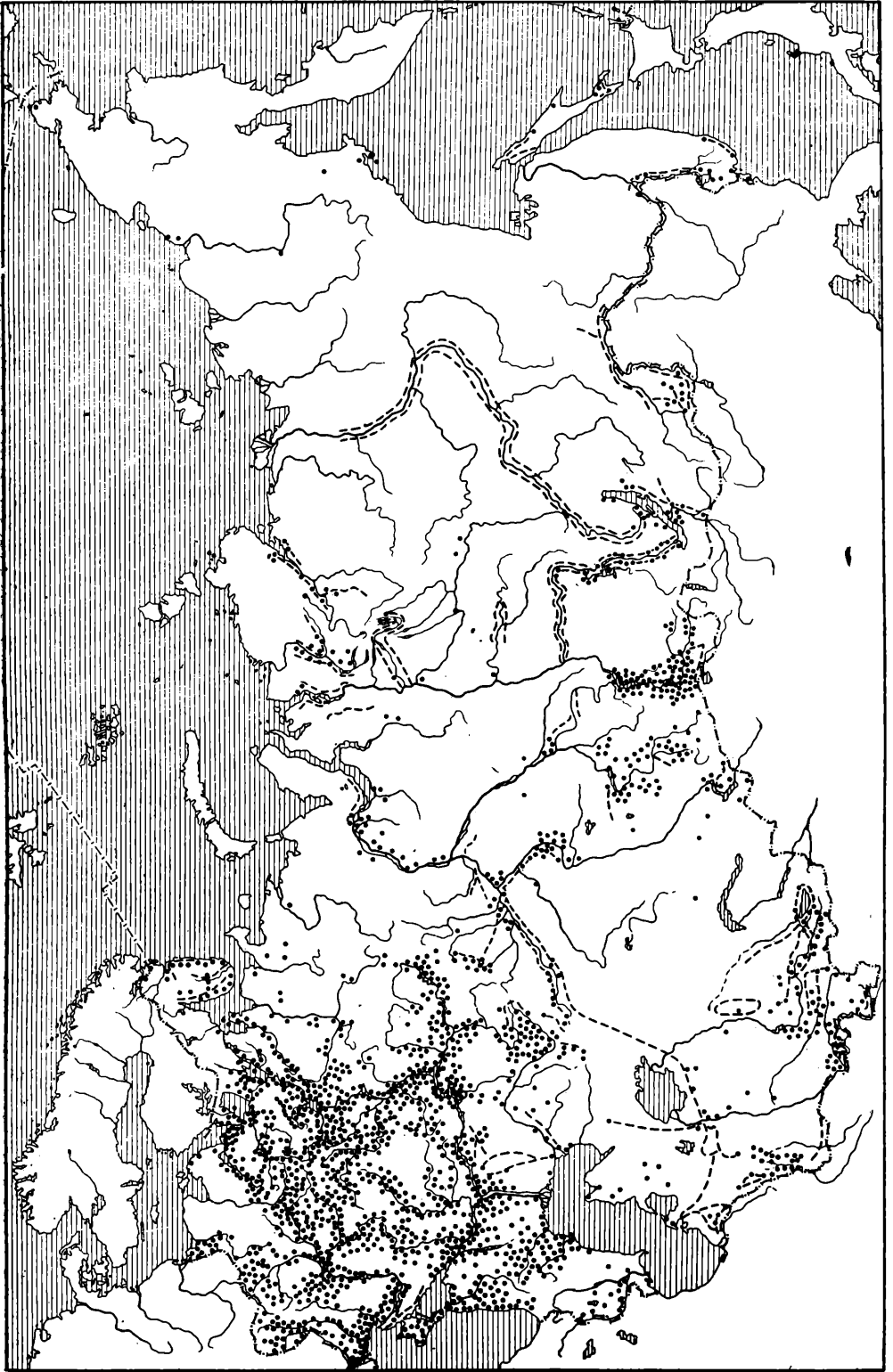
В 1940—1973 гг. Институтом издавалась серия «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), внесшая большой вклад в развитие советской археологической науки. В этой серии были опубликованы результаты археологических исследований в крупных географических регионах: на Урале и в Приуралье (МИА, 1, 21, 22, 27, 30), в Северном Причерноморье (МИА, 19, 33), исследования по археологии древнерусских городов (МИА, 11, 31, 41, 49, 52), материалы по изучению археологии Москвы (МИА, 7, 12, 44, 167), Новгорода (МИА, 55, 65, 117), исследования по палеолиту и неолиту СССР (МИА, 2, 39, 59, 79, 131, 173, 185), а также монографии и сборники, посвященные изучению отдельных крупных археологических памятников.

В 1957 г., выступая на пленуме ИИМК, академик Б. А. Рыбаков поставил вопрос о необходимости создания корпуса археологических источников, в котором можно было бы объединить все известные к настоящему времени археологические факты, что значительно облегчило бы задачи исследователей по изучению накопленных материалов. За эту работу взялась большая группа советских ученых, и в результате с 1961 г. выходит в свет серия «Свод археологических источников СССР», в которой по тем или иным разделам археологии собраны, каталогизированы и обобщены все имеющиеся археологические материалы. 70 выпусков этой серии, основой для которых послужила чрезвычайно трудоемкая и кропотливая источниковедческая работа ученых, пользуются заслуженной славой среди советских и зарубежных исследователей.

С 1966 г. началось издание новой серии — «Археологические открытия», в ежегодных выпусках которой помещается краткая информация о полевых исследованиях советских археологов, проведенных в предыдущем году. О популярности этого самого оперативного издания свидетельствуют и рост его тиража, и постоянное увеличение количества опубликованных сообщений. Если в первом выпуске серии были опубликованы 82 заметки, а тираж его составил 3,5 тыс. экземпляров, то в вышедшем в 1978 г. выпуске «Археологические открытия 1977 г.» содержится 662 сообщения при тираже сборника 8,5 тыс. экземпляров.

Кроме перечисленных выше периодических изданий, Институтом издавались и серии, посвященные изучению более узких тем и регионов. К числу таких изданий можно отнести следующие: «Эпиграфика Востока», «Нумизматика и эпиграфика», «Новгородские грамоты на бересте», «Причерноморье в античную эпоху», «Успехи среднеазиатской археологии» и др. Надо отметить также традиционные издания тезисов докладов на пленумах Института археологии АН СССР и авторефератов кандидатских и докторских диссертаций.

Велико количество работ советских археологов, опубликованных в монографиях и сборниках, не вошедших в какие-либо серии. Особенно это число увеличилось за последние годы. Так, за 1974—1978 гг. издано больше монографий и сборников, чем за период деятельности Института с момента образования РАИМК и до 1960 г. Тематика работ советских археологов весьма обширна. Здесь представлены работы по общим вопросам археологии, по археологическому изучению территории нашей страны от палеолита до позднего средневековья, по археологии стран За-

падной Европы, Азии, Африки, Америки. Всего опубликовано более 150 научных и научно-популярных монографий 109 авторов и более 60 сборников.

Готовящееся сейчас к выпуску многотомное издание «Археология СССР», предпринятое по инициативе академика Б. А. Рыбакова, подведет итоги достижений советской археологии на современном этапе и послужит надежной базой для продолжения и расширения археологических исследований.

Завершая краткий обзор издательской деятельности Института археологии, нельзя обойти вниманием труды наших библиографов. Вышедшие в свет пять томов библиографического указателя «Советская археологическая литература», содержащие сведения о нескольких десятках тысяч монографий, статей и заметок, объективно отражают огромные достижения советской археологической науки.

Н. К. ЛИСИЦЫНА

ОТДЕЛ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

В 1937 г., когда Институт истории материальной культуры (с 1959 г. — Институт археологии) вошел в состав Академии наук СССР, Президиум АН СССР утвердил первоначальную структуру ИИМК, среди подразделений которого был Комитет полевых исследований и охраны памятников (Ленинград). После перевода головной части Института в Москву в 1946 г. была утверждена новая структура Института, по которой в его составе был сектор полевых исследований и камеральной обработки. При секторе был создан Комитет полевых исследований из семи человек: А. В. Арциховский (председатель), В. Д. Блаватский, М. В. Воеводский, Н. Н. Воронин, Б. Н. Граков, Т. С. Пассек, А. П. Смирнов (ученый секретарь). В обязанности Комитета входила выдача открытых листов на право производства археологических исследований на территории РСФСР, рассмотрение и утверждение отчетов.

По структуре 1951 г. в ИИМК был создан сектор полевых исследований, переименованный в 1952 г. в Отдел полевых исследований. В период с 1968 по 1976 г. Отдел был объединен с архивом Института. С 1949 г. по настоящее время секретарем, а с 1974 г. — ученым секретарем Комитета (Отдела) является Н. К. Лисицына. В 1950-е годы в состав Отдела вошли Л. А. Евтюхова, Е. И. Крупнов, Д. Б. Шелов. До осени 1956 г. Отдел возглавлял А. В. Арциховский, с 1956 до 1965 г. — А. Я. Брюсов, с 1965 по 1974 г. — Л. А. Евтюхова, с конца 1974 г. по настоящее время — Д. Б. Шелов. В 60-х годах членами Отдела стали А. Ф. Медведев, А. И. Мелюкова, Р. М. Мунчаев. С 1975 г. по настоящее время членами Отдела являются Б. А. Колчин, Л. В. Кольцов, М. Ф. Косарев, Ю. А. Краснов, А. Ф. Медведев, А. И. Мелюкова, Р. М. Мунчаев, Р. Л. Розенфельдт, В. В. Седов. В 1959 г. в ЛОИА начала работать группа Отдела, возглавляемая М. П. Грязновым. В настоящее время в ее состав входят Н. Д. Праслов, П. А. Раппопорт, Г. В. Сеницына (секретарь), А. Н. Щеглов. Ленинградская группа организует рецензирование и утверждает отчеты сотрудников ЛОИА.

Отдел выдает открытые листы на право производства археологических раскопок и разведок на территории РСФСР в четырех формах:

Археологические экспедиции Института археологии АН СССР на территории СССР (1919—1978 гг.)

форма № 1 — на право производства археологических раскопок; форма № 2 — на разведки с правом вскрытия ограниченных (до 40 кв. м) площадей; форма № 3 — на разведки без права производства земляных работ; форма № 4 — на право производства наблюдений за земляными работами и раскопок подлежащих разрушению или уничтожению конкретных археологических памятников или раскопок в зонах определенных новостроек.

Интерес представляет динамика количественного роста выданных открытых листов и охвата археологическими исследованиями территории РСФСР. В 1946 г. было выдано 72 открытых листа на работы в 37 областях, краях, АССР; в 1950 г. — 116 открытых листов на 52 административные единицы; в 1955 г. — соответственно 155 на 58; в 1960 г. — 222 на 63; в 1965 г. — 232 на 66; в 1970 г. — 316 на 68; в 1975 г. — 445 на 71; в 1978 г. — 595 на 70. По этим данным видно резкое увеличение выдачи открытых листов в последние годы. Это объясняется прежде всего значительным расширением полевых работ на новостройках, а также созданием во многих городах (Владивосток, Ижевск, Иркутск, Куйбышев, Новосибирск, Свердловск, Томск, Якутск) археологических коллективов, ведущих интенсивные полевые исследования. В первые послевоенные годы сотрудники Института в Москве и Ленинграде получали приблизительно половину общего количества листов, позже эта часть сократилась до $\frac{1}{3}$, а в 1970-х годах — до $\frac{1}{4}$. Также уменьшилось и количество областей, охваченных исследованиями сотрудников Института, — с $\frac{2}{3}$ от всего количества в конце 1940-х годов до половины в последние годы.

Соответственно увеличению количества открытых листов увеличивалось и количество поступающих ежегодно отчетов — с нескольких десятков до 473 в 1978 г. Увеличение количества отчетов связано также с более строгим контролем Отдела за их своевременным представлением. Практика последних лет показывает, что только около 20% получаемых отчетов утверждаются без замечаний, остальные 80% вызывают замечания со стороны рецензентов и членов Отдела во время рассмотрения отчетов на заседаниях. Все замечания обязательно сообщаются авторам отчетов. Многие отчеты возвращаются для доработки, по другим бывают затребованы дополнительные материалы, некоторые недостатки в полевой работе и в отчетности рекомендуется учесть в будущем. В случаях, когда отчеты признаются неудовлетворительными, их авторы или лишаются права на получение открытого листа до приобретения соответствующего уровня полевой подготовки, или же им в виде исключения выдается открытый лист (иногда другой формы), но их последующие отчеты ставятся под особый контроль. Повышение требовательности Отдела к методике проведения полевых работ и к качеству отчетов привело к некоторому улучшению общей картины отчетности о раскопках и разведках.

Отдел уделяет много внимания разработке методики полевых исследований. Трижды (в 1949, 1958, 1963 гг.) была издана каждый раз дополняемая «Инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок». В 1978 г. была разослана исследователям инструкция «Правила представления отчетов по открытым листам». Было опубликовано несколько методических брошюр: «Памятка по обмерам архитектурных сооружений при археологических раскопках» (П. А. Раппопорт, 1961 г.), «Памятка по раскопкам грунтовых могильников» (М. П. Грязнов, 1961 г.), «Методы раскопок торфяниковых стоянок» (А. Я. Брюсов, 1963 г.). В настоящее время членами Отдела Москвы и Ленинграда подготовлен ряд новых инструкций: «Обмер архитектурных сооружений при археологических раскопках» (П. А. Раппопорт, дополненная редакция старой инструкции), «Исследование античных сельских поселений» (А. Н. Щеглов), «Инструкция по разведкам и раскопкам мезолитических и неолитических стоянок» (Л. В. Кольцов), «Раскопки славянских курганов» (В. В. Седов), «Раскопки и разведки

памятников железного века лесной зоны европейской части СССР» (Р. Л. Розенфельдт), «Раскопки бескурганых могильников средневековых кочевников» (С. А. Плетнева). Издание этих инструкций в виде брошюр предполагается в ближайшее время.

Значительная часть работы Отдела связана с охраной памятников. После опубликования Постановления Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14 октября 1948 г.¹ были составлены списки памятников общесоюзного значения РСФСР и союзных республик. Эти списки рассматривались повторно в конце 1960-х годов. В 50-х годах Отдел просматривал и рецензировал паспорта археологических памятников, определял принадлежность их к памятникам республиканского и местного значения.

Члены Отдела принимали участие в подготовке принятого Сессией Верховного Совета СССР 29 октября 1976 г. «Закона Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры»², принятого в 1978 г. аналогичного закона об охране памятников РСФСР³, в обсуждении подобных законов союзных республик.

В 1950 г. для учета и получения справочного материала было начато составление картотеки археологических памятников. На первых порах переписывались с необходимыми коррективами паспорта археологических памятников, получаемые с мест Министерством культуры РСФСР, затем карточки составлялись по данным археологических отчетов, хранящихся в архиве Института. Учетные карточки памятников располагались в картотеке по географическому признаку (по областям, краям, АССР, а внутри — по районам в алфавитном порядке). Справочные карточки составлялись с учетом хронологии (эпоха палеолита, неолита, бронзы, железа; если были определены археологические культуры, то они также обозначались). Многослойные памятники получали несколько справочных карточек. Всего было составлено около 20 тыс. карточек почти по всем областям РСФСР. В 1972 г. картотека была передана в только что организованный тогда сектор археологических сводов Института.

Отдел ежегодно составляет сводки полевых археологических исследований на территории РСФСР, а также работ сотрудников Института на территориях союзных республик. Значительная часть этих сводок опубликована в «Кратких сообщениях» Института, в журналах «Советская археология»⁴. Краткие обзоры полевых работ сотрудников Института публикуются до настоящего времени в Ежегодниках БСЭ.

За три последних года состоялось несколько инспекционных поездок членов Отдела с привлечением сотрудников Института для ознакомления с полевой работой исследователей на местах. Такие поездки были совершены в Краснодарский и Ставропольский края, Удмуртскую АССР, Рязанскую и Калининскую области.

¹ Охрана памятников истории и культуры. М., 1973.

² Правда, 31 октября 1976 г.

³ Советская Россия, 16 декабря 1978 г.

⁴ См., например, КСИИМК, 1947, XVII; 1948, XXIII; 1949, XXVI; 1950, XXXIII; 1951, XXXVIII; 1952, XLIV; 1952, XLVIII; 1955, 58; 1956, 61; 1957, 66; 1958, 72; 1959, 77; КСИА, 1962, 90; СА, 1957, № 2; 1958, № 2; 1959, № 2; 1960, № 2; 1962, № 4; 1965, № 1.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР НА НОВОСТРОЙКАХ

Археологическая служба на новостройках — важное и своеобразное звено в системе археологических исследований, появившееся в нашей стране лишь в годы советской власти и вызванное к жизни огромным капитальным строительством в различных сферах хозяйства. Археологическая служба в то же время — одна из важных форм охраны памятников истории и культуры, предусмотренная советским законодательством.

Советское законодательство, исходя из ленинского отношения к культурному наследию, взяло под охрану наряду с другими памятниками истории и культуры и археологические памятники. Уже в декрете ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», декрете СНК от 19 февраля 1924 г. «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» содержалась, впрочем еще в неразвитом виде, мысль о необходимости специальной археологической службы в зонах строительных работ, мыслившейся первоначально как простое наблюдение, надзор за строительством¹.

Впервые юридическая основа археологической службы на новостройках в ее современном понимании была сформулирована в Постановлении ВЦИК и СНК от 10 февраля 1934 г. «Об охране археологических памятников». Запрещая в целом уничтожение, повреждение и использование археологических памятников, это постановление, исходя из реального положения вещей и нужд строительства, допускало производство таких действий в случае крайней хозяйственной необходимости, но только по специальному разрешению тогдашнего центрального органа охраны памятников — Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК. При этом указывалось, что в тех случаях, когда этим органом дается разрешение на уничтожение или использование памятника, «НКПросом РСФСР или по его поручению НКПросами АССР, краевыми и областными отделами народного образования устанавливается объем необходимых работ по научному изучению и фиксации данного памятника (раскопки, фотографирование, обмер, передача вещественных находок музеям и пр.), а также указываются научные учреждения, на которые возлагается выполнение этих работ. Расходы по изучению и фиксации памятников относятся за счет учреждений, использующих эти памятники»². В этом постановлении были уже четко определены все основные элементы археологической службы на новостройках: обязательность исследования разрушающихся при строительных работах археологических памятников, необходимость проведения исследований научными учреждениями соответствующего профиля, финансирование исследований за счет средств организации, ведущих строительство или использующих памятник иным образом.

Те же положения в несколько иной редакции были подтверждены в Постановлении Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры», Постановлении Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»³, а также в ряде аналогичных актов правительств союзных республик.

Особое внимание охране археологических памятников в зонах нового строительства уделено в Законе Союза ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятом Верховным Советом СССР в октябре 1976 г. и вступившем в силу 1 марта 1977 г. Статья 24 этого Закона гласит: «Строительные, мелиоративные, дорожные и другие ра-

боты, которые могут создавать угрозу для существования памятников истории и культуры, проводятся только по согласованию с государственными органами охраны памятников и после осуществления мероприятий, обеспечивающих сохранность памятников. Финансирование указанных мероприятий производится за счет организаций, осуществляющих строительные, мелиоративные, дорожные и другие работы»⁴. Согласно статье 21 указанного Закона, эти положения распространяются и на памятники, вновь выявляемые, в том числе в ходе самих строительных работ. Статья 25 предусматривает возможность приостановки строительных работ в случае возникновения в процессе их проведения опасности для памятников истории и культуры или нарушения правил их охраны, предусмотренных Законом⁵. Дальнейшее развитие и конкретизацию этих положений содержат аналогичные законы союзных республик. Так, в статье 43 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» разъясняется термин «мероприятия по обеспечению сохранности памятников истории и культуры в зонах строительных работ». «Указанные мероприятия, — говорится в этой статье, — включают выявление памятников, их исследование и фиксацию, передачу вещественных находок в музеи и другие государственные хранилища и иные работы по указанию органов охраны памятников». В статье 42 того же Закона указано, что «проекты строительных, мелиоративных, дорожных и других работ должны быть согласованы с органами охраны памятников и предусматривать мероприятия, обеспечивающие сохранность памятников истории и культуры»⁶.

Советское законодательство в деле охраны археологических памятников в зонах строительных работ по праву должно быть признано одним из самых совершенных в мире.

В настоящее время исследования, связанные с археологической службой на новостройках, ведут многие научные учреждения нашей страны.

Начало археологической службы на новостройках, которой в 1979 г. исполняется 50 лет, было положено Государственной академией истории материальной культуры (ГАИМК, теперь Институт археологии АН СССР). До сих пор Институт занимает ведущую роль в этом важном и почетном деле.

Первой археологической экспедицией, работавшей в зоне строительных работ и финансировавшейся за счет строительства, была образованная в 1929 г. Волго-Донская экспедиция ГАИМК (при участии Государственного исторического музея) под руководством А. А. Миллера. Один из отрядов этой экспедиции (начальник А. А. Иессен) провел разведку зоны проектирования Волго-Донского канала от Красноармейска (Сарепта) до хут. Кумовский, выявил около 60 курганов и курганных могильников, раскопал поселение эпохи бронзы и два кургана II—I тысячелетий до н. э.⁷ Масштабы работ этой экспедиции были еще скромными.

В полувековой истории работ Института на новостройках наблюдались периоды подъемов и спадов, которые обуславливались различными причинами: и задачами капитального строительства, в зонах которого было необходимо проведение археологических исследований, и задачами, стоявшими перед советскими археологами, и рядом других, часто входящих, факторов.

Важной вехой были 30-е годы, когда на крупнейших новостройках первых пятилеток работал ряд больших археологических экспедиций, организационно оформилась сама археологическая служба, которая стала рассматриваться как важная форма связи археологической науки с практикой социалистического строительства.

Из новостроечных экспедиций тех лет следует отметить такие тесно связанные со строительством экспедиции, как Москва-Волгостройская (начальник О. Н. Бадер), Камская (начальник А. В. Шмидт, затем Н. А. Прокошев), Средволгостройская (начальник П. Н. Третьяков), а также археологический надзор за строительством Московского метропо-

литена, руководство которым осуществляли А. В. Арциховский и Т. С. Пассек.

Москва-Волгостройская экспедиция, в которой кроме ГАИМК принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа, Института антропологии Московского университета и ряда музеев, в 1932—1934 гг. провела широкие разведочные и стационарные исследования на трассе канала Москва—Волга (ныне канал им. Москвы) и связанных с ним водохранилищ⁸. В ходе работ было выявлено 180 памятников, проведены раскопки Икшанского и Протасовского фатьяновских могильников, Ивановского, Пекуновского и Санниковского городищ дьяковской культуры, семи курганных могильников, кремля Дмитрова, двух средневековых русских кладбищ. Впервые на Верхней Волге были найдены и исследованы мезолитические стоянки — Соболевская и Скнятинская. Участие в работах экспедиции антропологов, геологов, представителей некоторых других специальностей сделало ее в полном смысле комплексной, что характерно для большинства последующих новостроечных экспедиций.

Камская экспедиция в 1932—1937 гг. провела обследование долин рек Камы, Чусовой и их притоков в связи со строительством Пермской ГЭС. Разведочными маршрутами было пройдено более 850 км, стационарные исследования проводились более чем на 15 памятниках, в результате чего получен огромный материал по истории Прикамья от неолита до средневековья⁹.

Работами Средволгостройской (Ярославской) экспедиции в 1933—1935 гг. проведены разведки и раскопки в зонах строительства водохранилищ на Верхней Волге, Мологе, в междуречье Мологи и Шексны. Выявлено более 150 памятников различных эпох, произведены раскопки неолитических стоянок, городищ и селищ периода раннего железа, полностью исследовано Березняковское городище, ставшее на долгие годы эталонным памятником позднего этапа дьяковской культуры¹⁰.

В ходе осуществления археологического надзора за строительством первой и второй очереди Московского метрополитена впервые в широких масштабах было проведено исследование культурного слоя Москвы, изучались укрепления Белого, Земляного и Китай-города¹¹. Этими работами было установлено, какие огромные исторические и культурные ценности содержат недра нашей столицы, на долгие годы ставшие впоследствии предметом изучения новостроечных отрядов Московской экспедиции Института.

В середине 30-х годов археологи Института в содружестве с сотрудниками других научных учреждений работали на строительстве ирригационных сооружений в Ферганской долине¹² и в Южном Хорезме, на строительстве Орской, Магнитогорской¹³, Калужской ГЭС¹⁴, Маньчжунского¹⁵ и Беломорско-Балтийского каналов¹⁶ и на других объектах, в том числе на трассе БАМ¹⁷.

Уже работы первых новостроечных экспедиций очень много сделали для пропаганды исторических знаний, воспитания уважения к славному прошлому нашей Родины, к памятникам старины.

Содружество археологов и строителей нередко давало положительные результаты и для самого строительства. Е. И. Горюнова писала, что на строительстве Московского метро именно археологами «была внесена ясность в ряд загадочных гидрологических явлений, обусловленных историческими причинами и связанных с особенностями строения грунта на месте засыпанных древних рвов, в соседстве с фундаментами древних сооружений и т. п. Дирекция строительства отметила оказанную ей историками значительную практическую помощь»¹⁸. История археологических работ на новостройках знает немало подобных примеров.

В конце 30-х годов под руководством А. П. Смирнова начала работы одна из крупнейших новостроечных экспедиций — Куйбышевская, исследовавшая археологические памятники в зоне проектирования, а затем и строительства Куйбышевской ГЭС. Экспедиция вела исследования в 1938—1940 и 1950—1955 гг.¹⁹ Открытие и изучение неолитических памятников

в Казанском Поволжье, вопросы истории древнейших и особенно полтавкинских и срубных племен на северных окраинах их ареала, взаимодействие местных лесных и пришлых срубных племен в эпоху бронзы в лесном Поволжье, взаимоотношения финноугорского и тюркоязычного болгарского населения, различные аспекты истории волжских болгар и первого в Среднем Поволжье государства, созданного ими, археология и некоторые вопросы почвоведения и палеогеографии — таков далеко не полный перечень проблем, которые разрабатывались коллективом экспедиции, состоявшим в разные годы из сотрудников ИИМК, Казанского филиала АН СССР, Государственного исторического музея, Государственного музея Татарской АССР, Куйбышевского и Ульяновского музеев и ряда других научных организаций. Работа в Куйбышевской экспедиции стала прекрасной школой для многих советских археологов. Большой заслугой ее коллектива было издание основных итогов работ экспедиции²⁰.

Из других работ на новостройках начала 40-х годов следует отметить исследования в зоне строительства Большого Чуйского канала в Северной Киргизии и в зоне проектирования Мстинской ГЭС²¹. Эти исследования были прекращены с началом Великой Отечественной войны.

Однако даже в суровые годы войны археологическая служба на новостройках не прекращалась. В 1943—1944 гг. группой сотрудников ИИМК, находившихся в эвакуации в Ташкенте, были проведены совместно с Узбекским филиалом АН СССР весьма интересные исследования в зоне строительства Фархадской ГЭС: раскопки могильника I—IV вв. н. э. Ширин-Сарай и городища Мункачтепе, где были изучены слои от рубежа нашей эры до XI—XII вв.²²

Новый подъем археологической службы Института на новостройках приходится на 50-е годы и связан с развернувшимся строительством крупных гидротехнических сооружений в европейской части СССР и Сибири.

В 1947 г. начала многолетние работы в зонах затопления Бухтарминской и Шулятской ГЭС в Казахской ССР Восточноказахстанская экспедиция под руководством С. С. Черникова. Экспедицией были исследованы палеолитические памятники, многослойные поселения эпохи неолита и андроновской культуры, многочисленные курганы эпохи бронзы и периода раннего железа, выделена культура кулажургинского типа эпохи ранних кочевников²³.

В 1950 г. возобновила исследования Куйбышевская экспедиция.

В 1949 г. образуется Волго-Донская экспедиция под руководством М. И. Артамонова. За три года коллективом экспедиции были проведены большие исследования в зоне строительства Волго-Донского судоходного канала им. В. И. Ленина и Цимлянского водохранилища. Важнейшим итогом ее работ следует считать широкие раскопки городища Саркела — Белой Вежи, начатые ранее. Раскопки велись также на поселении эпохи бронзы у хут. Ляпичева на Дону, на поселениях салтово-маяцкой культуры близ хут. Карнаухова и ст. Суворовской, на славянском поселении IX в. на р. Чир. Исследовались курганы с погребениями различных эпох²⁴.

Огромные исследования в Нижнем Поволжье провела Сталинградская экспедиция, работавшая в 1951—1955 гг. в зоне строительства Сталинградской (ныне Волгоградской) ГЭС (начальник Е. И. Крупнов, затем К. Ф. Смирнов). Отрядами экспедиции за пять лет раскопано 444 кургана — более чем 1500 погребений. Получены огромные материалы для ранних периодов истории Нижнего Поволжья, главным образом эпохи бронзы и периода раннего железа. Широкой площадью изучалась палеолитическая стоянка Сухая Мечетка. Разведками обследовались многочисленные дюнные стоянки, в основном неолитического времени. Работы шли также на поселениях срубной культуры и золотоордынского времени²⁵.

Нельзя не отметить важного вклада Поволжской, Волго-Донской и Сталинградской экспедиций в разработку методики археологических исследований на новостройках. В частности, здесь впервые при исследова-

ниях курганов стали в широких масштабах применяться скреперы и бульдозеры — ныне необходимый атрибут каждой новостроечной экспедиции в степных районах, занимающейся раскопками курганов.

В связи со строительством Воткинской ГЭС в Прикамье работала Камская (Воткинская) экспедиция (начальник О. Н. Бадер)²⁶, а в зоне строительства Горьковской ГЭС — Горьковская экспедиция (начальник Н. Н. Гурина)²⁷.

Важные научные результаты были получены Можайской экспедицией (начальник А. Ф. Дубынин), которая кроме рекогносцировочных работ в зоне строительства Можайского водохранилища на реках Рузе, Озерне и Москве в 1956—1960 гг. полностью исследовала Троицкое городище в Можайском р-не Московской обл., ставшее вторым (после Березняков) эталонным памятником дьяковской культуры²⁸. Эти исследования позволили совершенно по-новому рассматривать этническую историю западных районов Волго-Окского междуречья.

На новостройках столицы успешно работала в те годы Московская экспедиция, организованная Институтом совместно с Музеем истории и реконструкции Москвы (начальник М. Г. Рабинович, затем А. Ф. Дубынин)²⁹. Ценнейшие для истории Москвы наблюдения при строительстве Дворца съездов в Кремле сделала Кремлевская экспедиция 1959—1960 гг., которой руководили Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович.

В 50-е годы начались крупные археологические исследования на новостройках Сибири: в 1951 г. приступила к работе в зоне строительства Братской ГЭС Ангарская экспедиция под руководством А. П. Окладникова; в 1952 г. в зоне строительства Новосибирской ГЭС — Новосибирская экспедиция под руководством М. П. Грязнова. В 1958 г. в зоне затопления Красноярской ГЭС начались работы Красноярской экспедиции (начальник М. П. Грязнов, с 1971 г. М. Н. Пшеницына). Они работали в районах, очень слабо исследованных в археологическом отношении. Роль этих экспедиций в изучении древней и средневековой истории Сибири, создании здесь целой школы археологов, разработке методики исследования сибирских археологических памятников трудно переоценить. Особенно большие результаты были достигнуты Ангарской и Красноярской экспедициями. Так, например, все наши представления об эпохе неолита и бронзы Прибайкалья по существу основываются на работах Ангарской экспедиции. Важный вклад внесли ее исследования в разработку проблем палеолита Сибири³⁰.

Далеко не все итоги многолетних работ Красноярской экспедиции (1958—1976 гг.) могут быть сейчас подведены. Однако не будет преувеличением сказать, что эти исследования составили целую эпоху в изучении древностей Южной Сибири. Изучались многие десятки памятников всех известных на Енисее культур. На основе широких полевых работ создана периодизация верхнего палеолита Енисея. Впервые в минусинских степях выделена и изучена неолитическая эпоха. Получен огромный материал по погребальному обряду, хозяйству, быту, социальному строю и идеологическим представлениям населения афанасьевской культуры. Выделена и достаточно полно охарактеризована окуневская культура. Большой материал получила экспедиция по карасукской культуре, особенно ее позднему этапу, истории населения тагарской и таштыкской культур, истории и социальному строю кыргызского общества на Енисее³¹. В результате этих работ Минусинская котловина и некоторые сопредельные территории в археологическом отношении стали наиболее полно, глубоко и всесторонне изученным регионом Сибири. Очень многие исследователи, успешно ведущие сейчас работы по археологии Сибири, прошли школу Красноярской экспедиции.

В 60-х годах наблюдается некоторое снижение масштабов археологических работ на новостройках. Из крупных экспедиций продолжала исследование Красноярская экспедиция. В 1965 г. в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС начала свои работы Саяно-Тувинская экспедиция (начальник А. Д. Грач, затем С. Н. Астахов), исследования которой про-

должаются и в настоящее время. В зоне создания Липецкого водохранилища вела разведки и раскопки Верхнедонская экспедиция под руководством В. П. Левенка. Выполнялись сравнительно небольшие исследования на некоторых других объектах проектируемого и ведущегося строительства, нередко экспедициями или отрядами, работавшими в основном по плановым бюджетным темам.

Новый подъем археологических работ в зонах новостроек намечился в конце 60-х—начале 70-х годов. В немалой степени он был связан с началом осуществления грандиозной программы мелиоративного строительства в различных районах страны, выработанной Майским (1966 г.) Пленумом ЦК КПСС. Значительно расширился состав объектов нового строительства, где археологи Института вели свои работы. В центре внимания оказались районы интенсивного мелиоративного строительства как в степной зоне, так и в нечерноземных районах России. Продолжались работы в зонах затопления гидроэлектростанций, больше внимания стало уделяться исследованиям на сравнительно небольших объектах строительства, в зонах которых нередко оказывались ценные археологические памятники. В связи с этим быстро росло количество новостроечных экспедиций, сами экспедиции укреплялись, улучшалась их материально-техническая база.

Значительно совершенствовались методы организации археологических исследований на новостройках. В настоящее время уже при составлении технико-экономического обоснования или технического проекта того или иного строительства, которое может затронуть сохранность археологических памятников, в большинстве случаев определяется комплекс мероприятий по сохранению последних, важнейшим звеном которого являются стационарные раскопки. Это осуществляется либо по инициативе проектных организаций, присылающих Институту специальные заказы, либо по инициативе Института. В случае необходимости за счет проектных организаций и в тесном сотрудничестве с ними проводятся рекогносцировочные исследования зоны проектируемого строительства. Таким образом, новостроечные экспедиции принимают действенное участие в разработке проектов строительства, неотъемлемой составной частью которых все чаще становится определение мероприятий по сохранению и изучению памятников истории и культуры. Постоянные контакты такого рода Институт археологии АН СССР поддерживает с рядом крупных проектных организаций.

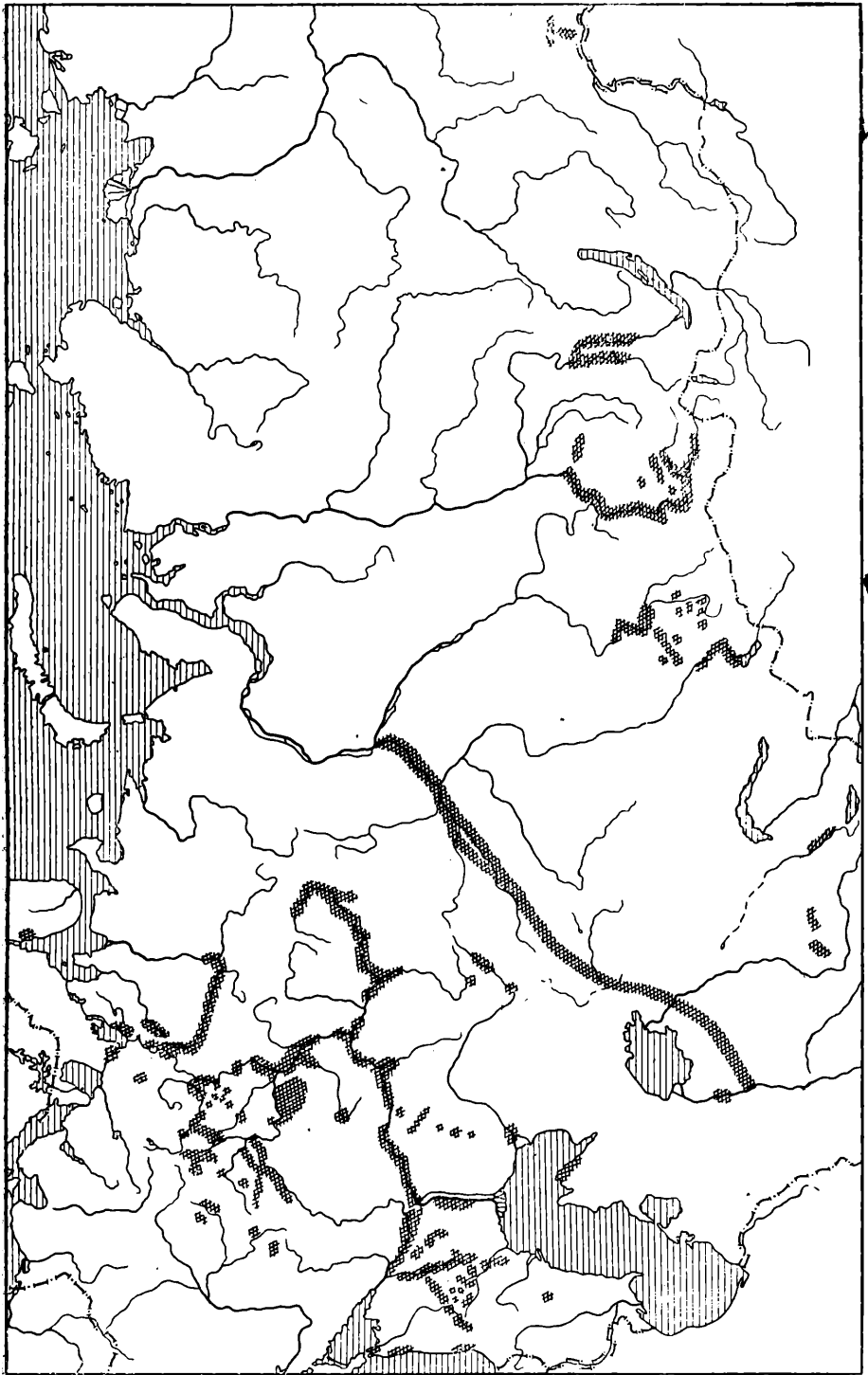
Отношения между Институтом археологии АН СССР, выступающим при археологической службе в роли исполнителя работ, и проектными и строительными организациями, выступающими в роли заказчиков, нашли прочную юридическую базу в виде годичных или долгосрочных хозяйственных договоров.

Для руководства археологической службой и ее координации в пределах РСФСР в Институте был создан сектор, а в Ленинградском отделении — группа новостроечных и хозяйственных экспедиций.

В конце 60-х и особенно в 70-е годы в археологическую службу на новостройках, кроме академических учреждений, активно включились проблемные лаборатории и археологические группы ряда университетов и педагогических институтов, научно-исследовательские институты автономных республик и другие научные учреждения, имеющие квалифицированные кадры археологов. Институт археологии АН СССР оказывает этим учреждениям помощь в организационном и методическом плане.

Важным стимулом развития археологической службы явилось принятие Закона Союза ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и аналогичных законодательных актов союзных республик.

Особенно большие исследования археологов Института на новостройках были выполнены в девятой и в первые годы десятой пятилетки. Достаточно отметить, что объем работ, выполненных Институтом на новостройках, в 1978 г. более чем в четыре раза превысил такой же объем работы 1970 г.

За этот период были завершены исследования в зонах строительства Красноярской, Нижнекамской, Чебоксарской, Териберской ГЭС³², Вазузской гидротехнической системы в Московской, Калининской и Смоленской областях³³, на ряде крупных оросительных систем в Ростовской и Волгоградской областях³⁴, на строительстве Гилевского водохранилища, Кулундинского магистрального канала и ряда оросительных систем в Алтайском крае³⁵, в зоне затопления Сурского водохранилища³⁶ и на некоторых других объектах. Проведены разведочные работы, связанные с проектированием каналов Дон—Оскол, Ока—Дон, Бурлинской и Чесноковской оросительных систем в Алтайском крае, Ржевского гидроузла³⁷ и других объектов строительства, где стационарные исследования либо уже начались, либо начнутся в ближайшее время.

В эти годы были начаты и в настоящее время продолжаются стационарные исследования в зонах строительства крупных оросительных систем в Астраханской, Саратовской, Ульяновской, Гурьевской областях, Ставропольском и Красноярском краях³⁸. Начаты археологические исследования, связанные с мероприятиями по преобразованию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР³⁹, на объектах строительства нового промышленного центра Сибири — Саяногорска⁴⁰, на объектах Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса⁴¹, в зонах проектирования переброски части стока северных рек на юг в Европейском и Азиатском регионах⁴². Продолжаются исследования в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Большие стационарные и разведочные работы проводятся в зонах хозяйственного и курортного строительства в Анапе, на месте античного города Горгиппии, и в Анапском р-не Краснодарского края. В Анапе значительные исследования связаны с созданием археологического музея-заповедника⁴³. Таков далеко не полный перечень работ новостроечных экспедиций Института за последние годы. Только в 1978 г. они провели исследования в зонах проектирования и строительства 32 крупных народнохозяйственных объектов.

Не пытаясь дать здесь оценку научных результатов каждой из новостроечных экспедиций последних лет, приведем лишь примеры, характеризующие масштабы их полевых работ. Так, Саяно-Тувинская экспедиция в зоне строительства Саяно-Шушенской ГЭС, где до начала ее работ были известны лишь единичные памятники, выявила более 180 стоянок и местонахождений только палеолита, мезолита и неолита, из которых стационарно исследовалось 10 памятников. Отрядами экспедиции зафиксировано около 2 тыс. наскальных рисунков, раскопано более тысячи курганов, одно уйгурское городище, ряд поселений раннего железного века и средневековья. В результате этих работ стало возможным выяснить время заселения территории Тувы человеком и происхождение ее древнейшего населения, наметить этапы развития и связи древнейшего населения этого района Сибири. Впервые с достаточной полнотой была охарактеризована эпоха бронзы, открыт самый ранний этап культуры скифского времени в Туве, найдены хорошо сохранившиеся захоронения, позволяющие по-новому подойти к проблеме происхождения древних тюрок, получен огромный массовый материал по истории кыргызского периода, а также позднего средневековья.

Чебоксарской экспедицией в зоне затопления Чебоксарской ГЭС были проведены стационарные исследования более 30 памятников различных эпох — от неолита до позднего средневековья. Некоторые из них исследованы полностью, например поселение волосовской культуры Володары в Горьковской обл., ряд поселений эпохи бронзы, Старший Ахмыловский могильник ананьинской культуры, Безводнинский могильник раннего средневековья. Были проведены исследования столицы Чувашской АССР — г. Чебоксары⁴⁴.

←
Районы работ важнейших экспедиций Института археологии АН СССР на ново-
стройках (1929—1978 гг.)

Донская экспедиция только за период с 1973 по 1978 г. исследовала на новостройках Ростовской обл. 336 курганов с более чем 2 тыс. погребений различных эпох — от древнеямного времени до позднего средневековья, один раннесредневековый грунтовой могильник, энеолитическое поселение. Столь же большой материал из курганных раскопок получили Поволжская и Ставропольская экспедиции. Нельзя не упомянуть и о таких великолепных памятниках, исследованных новостроечными экспедициями, как огромный курган в Александровском р-не Ставропольского края, на трассе Большого Ставропольского канала, где обнаружены гигантские каменные сооружения, в том числе храм огня⁴⁵, или анапские античные склепы II—III вв. н. э., в одном из которых были настенные росписи, изображавшие подвиги Геракла⁴⁶. Археологи работали на сотнях объектов нового строительства и спасли для науки и культуры тысячи памятников, значительно увеличив источниковедческий фонд археологической науки.

Как ни значительны масштабы археологических исследований на новостройках, они все еще не поспевают за темпами капитального строительства. Этим определяется непрерывное расширение масштабов археологической службы. Такая тенденция безусловно будет наблюдаться и в дальнейшем. Отсюда вытекает важная и в значительной мере новая для археологов задача — активнее вмешиваться в самый процесс проектирования народнохозяйственных объектов, подсказывать проектировщикам такие решения, чтобы при размещении объектов нового строительства в зоны строительных работ попадало бы (и, следовательно, уничтожалось) минимальное количество археологических памятников. Таким образом, надо не только изучать памятники в зонах строительства, но и сохранять их в прямом смысле этого слова.

В последние годы масштабы полевых работ на новостройках значительно опережают публикацию материалов. Однако охранные археологические исследования на каждом крупном строительстве могут считаться законченными лишь после того как их материалы научно обработаны и опубликованы. Только при этом условии полученные в поле материалы действительно станут всеобщим достоянием и в полной мере войдут в научный оборот. Поэтому сейчас, когда археологический материал, получаемый новостроечными экспедициями, ежегодно увеличивается буквально в геометрической прогрессии, как никогда важно решить вопрос об издании полноценных научных публикаций по отдельным важнейшим памятникам и регионам исследований на новостройках.

¹ Охрана памятников истории и культуры. М., 1973, с. 39, 45.

² Там же, с. 61, 62. В тот период многие вопросы культурного строительства, в том числе охрана памятников истории и культуры, находились в ведении органов народного образования.

³ Там же, с. 68, 70, 139.

⁴ Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об охране памятников истории и культуры». М., 1976, с. 7.

⁵ Там же, с. 6, 7.

⁶ Советская Россия, 16 декабря 1978 г.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 2, 1929 г., № 11, 111, 112.

⁸ Бадер О. Н. Москва-Волжская экспедиция в зоне работ строительства канала Москва-Волга. — СГАИМК, 1932, в. 9-10; *Он же*. Отчет о работах на строительстве канала Москва-Волга в 1932—1933 гг. — ИГАИМК, 1935, в. 109; *Он же*. Работы экспедиции в зоне строительства канала Москва-Волга в 1934 г. — В кн.: Археологические исследования в РСФСР. Л., 1934; Материалы по археологии Верхнего Поволжья. — МИА, 1950, 13.

⁹ Шмидт А. В., Прокошев Н. А. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции. — ИГАИМК, 1935, в. 109; Прокошев Н. А. Камская экспедиция 1935 г. — СА, 1940, I; Галицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. — МИА, 1951, 22; Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, 30.

¹⁰ Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. — ИГАИМК, 1935, в. 109; Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. — МИА, 1941, 5.

¹¹ По трассе первой очереди Московского метрополитена. М., 1936; Горюнова Е. И. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского

- метрополитена. — МИА, 1947, 7; *Арцизовский А. В.* Основные вопросы археологии Москвы. — МИА, 1947, 7, с. 7 сл.
- ¹² *Латынин Б. А.* Археологические работы в Фергане. — ИГАИМК, 1935, в. 110.
- ¹³ Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. — ИГАИМК, 1935, в. 110.
- ¹⁴ *Третьяков П. Н.* Калужская экспедиция ГАИМК. — СА, 1937, IV.
- ¹⁵ *Артамонов М. И.* Экспедиция на Мангычстрое. — ПИМК, 1933, № 9-10; *Он же.* Работы на строительстве Мангычского канала. — ИГАИМК, 1935, в. 110; *Он же.* Раскопки курганов в долине р. Маныча. — СА, 1937, IV.
- ¹⁶ *Земляков Б. Ф.* Археологические работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала. — ИГАИМК, 1935, в. 109; *Он же.* Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера. — В кн.: *В. И. Равдоникас.* Наскальные изображения Онежского озера и Беломорья. М.; Л., 1936, ч. I.
- ¹⁷ Археологические исследования в РСФСР. Л., 1934, с. 220—236; *Круглов А. П.* Археологические работы на р. Терек. — СА, 1937, III; *Иессен А. А.* Сухумская экспедиция ГАИМК. — СА, 1937, III; *Равдоникас В. И.* Археологические исследования на р. Свири в 1934 г. — СА, 1940, V; *Рыков П. С.* Работы в совхозе «Гигант». — ИГАИМК, 1935, в. 110; *Иессен А. А.* Работы на Сулаке. — ИГАИМК, 1935, в. 110; *Сосновский Г. П.* Работы на Сестрорецком разливе. — ИГАИМК, 1935, в. 109; *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, 1952, XVI.
- ¹⁸ *Горюнова Е. И.* Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена, с. 44.
- ¹⁹ *Збуева А. В., Смирнов А. П.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла. — ВДИ, 1939, № 4; *Смирнов А. П., Мерперт Н. Я.* Археологические работы в районе строительства Куйбышевской ГЭС. — ВАН, 1951, № 11; *Они же.* Археологическая экспедиция на строительстве Куйбышевской ГЭС в 1952 г. — ВАН, 1953, № 1; *Они же.* Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г. — КСИИМК, 1955, 65.
- ²⁰ Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. I. — МИА, 1954, 42; т. II — МИА, 1958, 61; т. III — МИА, 1960, 80.
- ²¹ *Бернштам А. Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; *Гурина Н. Н.* Результаты археологической разведки на р. Мсте в 1941 г. — СА, 1950, XIII.
- ²² *Гайдукевич В. Ф.* Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК, 1947, XIV.
- ²³ *Черников С. С.* Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. — КСИИМК, 1952, 48; *Он же.* О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. — КСИИМК, 1956, 64; *Он же.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, 1960, 88.
- ²⁴ *Артамонов М. И.* Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г. — ВИ, 1951, № 4; *Он же.* Археологические исследования в зоне будущего Цимлянского водохранилища. — ВЛГУ, 1951, № 2; *Ляпушкин И. И.* Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. — КСИИМК, 1953, 50; Труды Волго-Донской экспедиции, т. I — МИА, 1958, 62; т. II — МИА, 1959, 75.
- ²⁵ *Синицын И. В.* Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. — КСИИМК, 1953, 50; *Он же.* Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции. — КСИИМК, 1954, 55; *Смирнов К. Ф.* Работы первого Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции. — КСИИМК, 1954, 55; *Шидов В. П.* Раскопки Калининского курганного могильника. — КСИИМК, 1955, 59; Древности Нижнего Поволжья, т. I. — МИА, 1960, 78.
- ²⁶ Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., 1959, в. I; М., 1961, в. II.
- ²⁷ Труды Горьковской археологической экспедиции. — МИА, 1963, 110.
- ²⁸ *Дубынин А. Ф.* Результаты работ Можайской экспедиции. — КСИИМК, 1963, 94; *Он же.* Троицкое городище Подмосковья. — СА, 1964, № 1; Древнее поселение в Подмосковье, т. I. — МИА, 1960, 156; т. II — МИА, 1971, 184.
- ²⁹ *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. — МИА, 1949, 12; *Он же.* Основные вопросы археологического изучения Москвы. — КСИИМК, 1951, 41; *Дубынин А. Ф.* Раскопки Московской экспедиции. — КСИИМК, 1955, 57; *Он же.* Археологические исследования в Зарядье. — КСИИМК, 1956, 65; *Он же.* К истории Московского посада. — КСИИМК, 1957, 68; *Он же.* Археологические исследования 1955 г. в Зарядье. — КСИИМК, 1959, 77; *Он же.* Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г. — КСИИМК, 1960, 79; *Дубынин А. Ф., Соболева Д. А.* Археологические раскопки в Зарядье (1957—1961 гг.). — КСИИМК, 1963, 96.
- ³⁰ *Окладников А. П.* Археологические работы на Ангаре и за Байкалом. — КСИИМК, 1953, 51; *Он же.* Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (общие итоги). — Записки Иркутского областного краеведческого музея, 1958; *Абрамова З. А., Окладников А. П., Седякина Е. Ф.* Археологические исследования в долине р. Ангары в 1956 г. — КСИИМК, 1959, 76; *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III (глазковское время). — МИА, 1955, 43; *Он же.* Шипкивские писаницы. Иркутск, 1959; *Он же.* Петроглифы Ангары. М., 1966; *Он же.* Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1975; *Он же.* Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978.

- ³¹ *Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции. — КСИА, 1965, 100; *Абрамова З. А.* Новые данные по палеолиту Енисея. — МИА, 1971, 173; *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копены З. М., 1977; *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. Большая часть работ Красноярской экспедиции пока не опубликована.
- ³² Нижнекамская экспедиция (1968—1972 гг.) под руководством О. Н. Бадера; Чебоксарская экспедиция (1968—1973 гг.) под руководством Ю. А. Краснова; Кольская экспедиция (1973—1974 гг.) под руководством Н. Н. Гуриной.
- ³³ Вазузская экспедиция (1971—1974 гг.) под руководством К. А. Смирнова.
- ³⁴ Багаевская, затем Донская экспедиция (1971—1978 гг.), которой последовательно руководили М. Г. Мопкова, Д. Б. Шелов и Р. Ф. Воронина, И. С. Каменецкий; Волго-Донская экспедиция под руководством В. П. Шилова.
- ³⁵ Алейская, затем Алейско-Кулундинская и Алтайская экспедиция (1971—1977 гг.) под руководством В. А. Могильникова.
- ³⁶ Сурская экспедиция (1971—1974 гг.) под руководством Б. Г. Тихонова.
- ³⁷ Воронежская лесостепная скифская экспедиция (1973 г.) под руководством П. Д. Либерова; Окско-Донская экспедиция (1977—1978 гг.) под руководством Р. Ф. Ворониной; Алтайская экспедиция (1975—1976 гг.) под руководством В. А. Могильникова; Ржевский отряд Верхневолжской экспедиции (1976 г.) под руководством Л. В. Кольцова.
- ³⁸ Поволжская экспедиция под руководством Г. А. Федорова-Давыдова; Средне-волжская, затем Волго-Уральская экспедиция под руководством Л. Л. Галкина; Ставропольская экспедиция под руководством В. Г. Петренко, затем Ю. А. Краснова, В. А. Кореняко и М. А. Романовской; Среднеенисейская экспедиция под руководством М. Н. Пшеницыной.
- ³⁹ Волго-Окская новостроечная экспедиция под руководством А. Е. Леонтьева.
- ⁴⁰ Среднеенисейская экспедиция под руководством М. Н. Пшеницыной.
- ⁴¹ Работы ведутся ЛОИА совместно с Кемеровским университетом, руководители Г. Н. Максименков и А. И. Мартынов.
- ⁴² Северная экспедиция под руководством С. В. Ошибкиной; Сибирско-Среднеазиатская экспедиция под руководством В. А. Могильникова.
- ⁴³ Анапская экспедиция под руководством И. Т. Кругликовой, затем Е. М. Алексеевой.
- ⁴⁴ *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978.
- ⁴⁵ *Петренко В. Г., Найденов А. В., Куйбышев А. В., Чернецов А. В., Моргунов Ю. Ю., Пронин Г. Н.* Раскопки кургана у с. Александровского. — АО 1973 г. М., 1974, с. 123, 124; *Петренко В. Г.* Ставропольская экспедиция. — АО 1974 г. М., 1975, с. 125.
- ⁴⁶ *Алексеева Е. М., Родник Н. Н., Савостина Е. А., Смирнова Т. М., Усачева О. Н., Фролова Н. А., Цвегаева Г. А.* Горгишпия и ее окрестности. — АО 1975 г. М., 1976, с. 105—108.

Б. А. КОЛЧИН

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ АН СССР *

Археология располагает широким арсеналом источников, говорящих о производственной деятельности людей в прошлом. Это материалы, созданные человеком, оборудование — горны, печи, механизмы и многие другие приспособления, все виды универсального и специализированного инструментария. Очень важным источником служат полуфабрикаты, отходы производства и брак, и наконец, самым массовым источником является само изделие — готовая продукция древних мастеров.

Исследование этих источников в составе комплексов или отдельных категорий вещей наиболее целесообразно вести на трех уровнях, в трех аспектах.

Первый уровень изучения археологической находки и раскрытия ее информативности заключается в ее исследовании всеми существующими ныне в археологии приемами с применением методов стратиграфии, классификации, типологии, морфологии, топографии, хронологии и др.

Второй уровень — это целенаправленное исследование источника методами естественных и технических наук для максимального раскрытия техники и технологии данного производства. При решении вопросов исто-

рико-технического и историко-технологического плана в настоящее время в археологии активно применяются металлография, спектроскопия, петрография, химический анализ, термический анализ, рентгеноструктурный анализ, трасологический анализ, физическое моделирование и т. д. Результаты некоторых перечисленных анализов затем обрабатываются средствами и приемами математики.

Третий уровень исследования заключается в комплексном историко-теоретическом исследовании всей полученной нами информации на первом и втором уровнях с применением общих теоретических положений и понятий о составе и структуре производства. Этот план исследования открывает археологу динамику процессов в истории хозяйства, которые непосредственно в археологическом материале не фиксируются.

Особенно широкую, принципиально новую информацию для истории металлургического и металлообрабатывающего производства дают такие аналитические методы, как, например, металлография, спектроскопия, петрография и др.

На основе макроструктурного и микроструктурного исследования изделий и полуфабрикатов из металла мы устанавливаем: 1) конструктивную схему изделия; 2) технические характеристики качества металла, сырого и обработанного; 3) конкретные технологические операции и их последовательность в данном изделии; 4) техническую характеристику каждой технологической операции и всех вместе; 5) ряд дополнительных физических и химических характеристик.

Эти характеристики мы получаем при исследовании конкретного предмета, а при исследовании массовых серий находок разных хронологических периодов, с разных памятников и разных территорий эта информация резко расширяется и дает уже качественно новые характеристики динамики их развития с учетом хронологического и территориального распространения.

Мы получаем следующую историческую информацию: 1) характеристику оптимальных уровней технического и технологического развития данного производства; 2) общую характеристику уровня технического потенциала и его стабильности; 3) степень специализации и различные ее уровни в технике и технологии; 3) стабильность оптимальных технологических операций; 5) уровень и формы стандартизации оборудования, инструментария, технологических приемов и конструктивных схем; 6) степень стандартизации готовой продукции; 7) показатели унификации инструментов и изделий внутри конкретного производства; 8) характеристику сырьевых баз; 9) связь сырьевых баз с ремесленником.

За последнее десятилетие вышло несколько десятков больших работ и статей, в которых авторы на основе комплексных исследований с широким применением металлографии осветили разные вопросы истории металлообрабатывающего производства. Среди этих исследований следует отметить работы Н. В. Рындиной¹, Н. Н. Тереховой², Г. А. Вознесенской³, А. К. Антейна⁴, Б. А. Шрамко⁵, Б. А. Колчина⁶, И. Станкус⁷, Л. С. Хомутовой⁸, Я. И. Сунчугашева⁹, И. А. Андриашвили¹⁰.

Совершенно новую страницу в истории древнейшей цветной металлургии и горного дела открыл спектральный анализ. На основе этого метода в Институте археологии АН СССР и в ряде других учреждений были проведены целенаправленные исследования по истории металлургии Восточной Европы, Кавказа и Западной Азии с V до начала I тысячелетия до н. э.

Эта программа была обеспечена 25 тыс. спектральных анализов древнего металла и около 25 тыс. типологически обработанных изделий. Кроме того, спектральному анализу было подвергнуто около 5 тыс. проб медных минералов, собранных в древних рудниках во время специальных экспедиций сотрудников лаборатории Института археологии.

Спектральный анализ металла с применением современного математического аппарата позволил добиться важных успехов в решении кардинальных вопросов истории металлургии. 1. Выделены металлические

сплавы на медной и других основах, создана хронология развития и употребления этих сплавов. 2. Определены основные химические группы меди, объединяемые по принципу общего рудного источника металла, установлено распределение изделий из меди этих групп во времени и пространстве, намечена связь химических групп меди с определенными археологическими культурами и общностями. 3. Выделены основные горно-металлургические области и центры древнего металлургического производства на территории СССР. 4. Определена связь выделенных химических групп меди с горно-металлургическими областями, центрами и даже отдельными древними рудниками, прослежено распределение меди из центров производства, намечены торговые пути. 5. Создана новая типология древних металлических изделий на основе связи типов орудий с определенными химико-металлургическими группами. 6. На основании решения всех предшествующих вопросов дана реконструкция древних очагов металлургии и металлообработки, а также истории их развития. Всего на территории СССР выделено несколько десятков подобных очагов. 7. Объединение разрозненных очагов металлургии и металлообработки в системы позволило выделить металлургические провинции эпохи бронзы. Всего на территории СССР за трехтысячелетний период эпохи раннего металла существовало семь провинций, причем они зачастую выходили далеко за пределы территории нашей страны¹¹.

Все эти исследования в общих сюжетах и частных темах опубликованы в нескольких монографиях и десятках статей Е. Н. Черных¹², Т. Б. Барцевой¹³, С. Н. Кореневского¹⁴, А. Ц. Геворкяна¹⁵, С. В. Кузьминых¹⁶, И. Р. Селимханова¹⁷ и ряда других ученых.

Большие возможности естественнонаучные методы открывают в области изучения самого массового археологического материала — керамики и керамического производства. Сейчас во всем мире проводятся активные поиски современной комплексной методики аналитического исследования керамики¹⁸. Задача этих поисков сводится к открытию путей резкого расширения информативности керамического источника.

Ведутся подобные работы и в Институте археологии АН СССР. Их задача сводится к максимально полному изучению техники и технологии керамического производства, на основе чего в дальнейшем можно было бы исследовать такие чисто исторические проблемы, как состав и структура самого производства, вопросы этнокультурного плана и т. п.

В настоящее время хорошо разработаны такие методы исследования, как петрография керамики¹⁹, комплекс приемов физического моделирования керамического производства на разных технологических уровнях²⁰ и др.²¹

В последние годы в Институте археологии закончены две большие темы по истории керамического производства народов Восточной Европы²² и Средней Азии²³.

В работе «Гончарство Восточной Европы» А. А. Бобринский на основе изучения техники и технологии производства керамического сырья (теста) и изготовления формы сосуда делает попытку показать, что технологические элементы производства способны фиксировать всевозможные этапы и рубежи возникновения, развития, смещения и исчезновения разных технических традиций. Автор показывает, как на этой основе археологи смогут в дальнейшем раскрывать динамику этнокультурных процессов у племен и народов, оставивших нам в качестве основного исторического источника керамику.

Естественнонаучные методы находят применение и в изучении древнего стекла и его производства. В настоящее время в изучении древнего стеклоделия оформились два направления. Сторонники одного направления (М. А. Безбородов, Р. А. Бахтадзе) оценивают результаты химических и технологических исследований древнего стекла с позиций современной науки о стекле, практики современного производства. С этих позиций устанавливаются химические типы стекол, виды сырья, пределы содержания компонентов и т. п.²⁴

Согласно другому направлению (Ю. Л. Щапова) древнее стекло рассматривается как отрасль древнего производства, и весь комплекс химико-технологических исследований направляется на раскрытие в каждом древнем изделии определенного набора удачных технических навыков. Сумма этих удачных навыков в комплексе служит основой для изучения производства стекла в определенное время и в определенном месте. Из этого положения следует, что каждая историческая эпоха располагает своим кругом технической информации, в рамках которой и надо оценивать получаемые результаты исследования химии и технологии древних стекол²⁵.

Такой подход вызвал необходимость найти принципы оценки и интерпретации этих результатов. С помощью этих принципов можно было бы раскрыть правила, нормы и ограничения, которые имелись в стекольной промышленности каждой эпохи. Широкое применение статистико-математических методов позволяет сформулировать гипотезу, в рамках которой оказывается возможным однозначно интерпретировать анализы, указывая каждый раз вид используемого щелочного сырья, правила соединения легкоплавких фракций, найти нижние пределы использования вспомогательных материалов и т. п.

Второе направление в изучении химии и технологии древнего стекла более перспективно. В сочетании с морфологическим анализом конкретных изделий (форма и номенклатура изделий, их художественная стилистика и т. п.) комплексный химико-технологический анализ может привести к решению больших исторических проблем древнего производства с учетом времени и места²⁶.

Важнейшие проблемы в истории древнего производства ставит история земледелия. Здесь более, чем где-либо, необходимы комплексный подход к изучению разных видов источников и новый современный метод изучения самого производства. Рассмотрение земледелия как отрасли сельскохозяйственного производства в археологии только начинается. Здесь археологи должны владеть большим арсеналом информации, которую могут дать лишь естественные науки.

В первую очередь необходима реконструкция условий древней природной среды — рельефа, растительности, климата и др., для чего требуется применять различные палеогеографические методы. Особенно важно изучение вопросов водообеспечения растений и почв в условиях аридных районов, где прослежены наиболее ранние формы земледелия. Очень интересные результаты по выявлению палеоэкологии отдельных районов и степени их преобразования под воздействием антропогенного фактора получены в последнее десятилетие на территории древнеземледельческих оазисов в зоне сухого и субтропического климата в Южной Туркмении, Южной Грузии и Дагестане²⁷.

Важным источником информации служат почвы. Работы по изучению реликтовых свойств почв древнеземледельческих оазисов, направленные на решение наших задач, впервые начаты в Институте археологии и успешно проводятся Г. Н. Лисицыной в Юго-Западной Туркмении и в приморских районах Дагестана²⁸. Уже первые результаты показывают большое значение исследований подобного рода и их перспективность. Разработка специальной методики и ее внедрение в практику археологических исследований может дать надежный критерий для определения характера земледелия в конкретных районах и его агрономических систем.

Важное значение имеют специальные палеоэтноботанические исследования — изучение и идентификация карбонизированных зерен, отпечатков фрагментов культурных и других растений на сырцовых кирпичках, глиняной обмозке полов и стен, на керамике, а также материалов отмычки саманной глины и образцов культурного слоя. Полученные в результате этих работ ряды культурных и дикорастущих растений позволяют более полно восстанавливать ассортимент древних культур и сопровождающих их сорняков. Палеоэтноботанические работы в Институте архео-

логии проводятся с 1970 г., и ими охвачен ряд древнейших оседлоземледельческих памятников Южной Туркмении, Кавказа и Молдавии²⁹.

Работы по изучению различных компонентов сельскохозяйственного производства в сочетании с исследованием чисто археологических источников — орудий сельскохозяйственного труда — позволят нам вплотную подойти к решению проблемы. Комплексная методика дает возможность раскрывать и характеризовать древние сельскохозяйственные центры на территории нашей страны и рассматривать их в сопоставлении с другими центрами сопредельных территорий Ближнего Востока и Южной Европы. В последние годы по этой проблеме опубликованы работы Г. Н. Лисицкой³⁰, Л. В. Прищепенко³¹, З. В. Янушевич³². Успешно проводятся работы и по истории земледелия древней Руси³³.

Трудно переоценить успехи в области абсолютного датирования, несмотря на то что не все методы, предложенные представителями естественных наук, получили соответствующую разработку и практическое внедрение в археологию. В настоящее время у археологов разных стран, в том числе и у советских археологов, широко внедрены в практику абсолютного датирования археологических объектов радиоуглеродный и дендрохронологический методы.

Предложенные физиками методы археомагнитного и термлюминисцентного абсолютного датирования по теоретическим и техническим причинам, к сожалению, еще не получили должной разработки³⁴. Но археологи по-прежнему возлагают на эти методы датирования большие надежды, так как здесь речь идет о датировании самого массового археологического источника — керамики.

Метод абсолютного датирования органических остатков по C^{14} , открытый У. Ф. Либби и удостоенный в 1960 г. Нобелевской премии, прочно вошел в практику археологических исследований. Закончился период первого удивления, споров, несогласия. Разработка калибровочных шкал на основе дендрохронологических материалов и датировок окончательно утвердила основы и практическую целесообразность этого метода датирования в археологии³⁵.

Радиоуглеродные датировки археологических образцов в настоящее время осуществляются уже более чем в 100 лабораториях мира. В Советском Союзе радиоуглеродными датировками археологических материалов, кроме лаборатории Института археологии АН СССР, занимаются многие лаборатории, разрабатывающие геохронологические, палеогеографические, палеоботанические и другие проблемы. Обзор работ и результатов радиоуглеродного датирования в Советском Союзе дан в книге «Проблемы абсолютного датирования в археологии»³⁶. В последние годы большие тематические работы по датировкам Херсонеса и других памятников Крыма были успешно проведены в лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР³⁷. Успешно проведен цикл по датированию более 80 археологических образцов в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии и физики минералов АН УССР³⁸.

К сожалению, работы по радиоуглеродному датированию в плане создания хронологических систем в наших лабораториях носят еще случайный характер и зависят в основном от поступающих образцов, собранных теми или иными археологами. Настало время перехода к систематическим хронологическим исследованиям как по специальному сбору исходных археологических материалов по актуальным культурно-историческим проблемам современной археологии, так и по организации серийных датировок во времени (по вертикали) и по определенным территориям (по горизонтали). Только таким целенаправленным путем могут быть созданы системы абсолютной хронологии неолита, бронзы и железного века, т. е. эпохи становления и развития производящего хозяйства Евразии.

Научные исследования в области дендрохронологии в последнее десятилетие развивались по нескольким направлениям и достигли значительных успехов. Широта и многоплановость дендрохронологических работ

привели к внедрению данных дендрохронологии не только в археологию, но и во многие разделы естественных наук. Значение дендрохронологии особенно возрастает сейчас, когда в науке стала преобладать тенденция динамического подхода к явлениям биосферы. Дендрохронология приносит в естественные науки четвертое измерение — время.

Разработка и составление многовековых дендрохронологических шкал — при помощи метода перекрестного датирования серий годовичных колец ныне живущих деревьев из современного леса и моделей с памятников археологии, объектов древней архитектуры и ископаемого дерева — является одной из основных задач современной дендрохронологии. Никакими другими путями, кроме археологии, составить для Европы подобную дендрохронологическую шкалу, основанную на массовом материале, невозможно.

В последние годы в Западной Европе дендрохронологические исследования по абсолютному датированию распространились не только в археологии, но и в таких разделах истории культуры, как архитектура и искусство³⁹. Советские дендрохронологи датируют пока только памятники археологии⁴⁰.

Абсолютная дендрохронологическая шкала Восточной Европы имеет протяженность от современности до 631 г. н. э., т. е. 1349 лет. Эталонная коллекция древнего дерева лаборатории дендрохронологии Института археологии АН СССР насчитывает более 9 тыс. образцов полных спилов бревен и плах, собранных при археологических раскопках 20 древнерусских городов, 12 памятников архитектуры и нескольких площадей современного леса. Породы древесины — только сосна и ель. В культурных слоях древнерусских городов из-за повышенной влажности древесина сохраняется очень хорошо.

Интересную работу по дендрохронологии Старой Лядоги завершила в 1978 г. Н. Б. Черных. На основе 670 старолядожских образцов археологического дерева и новой стратиграфии памятника была создана относительная хронологическая шкала по Земляному городищу и старолядожскому посаду. Затем на основе многолетних образцов дерева X в. из Новгорода и Пскова удалось провести синхронизацию старолядожской шкалы с абсолютной дендрохронологической шкалой Восточной Европы. В результате мы получили абсолютную хронологию старолядожских горизонтов. На Земляном городище горизонт Е (по В. И. Равдоникасу) был расслоен на три микрогоризонта. Самый нижний горизонт (ЕЗ) дендрохронологически датируется периодом с 60-х годов VIII в. до 30-х годов IX в. Горизонт Е2 датируется 40—50-ми годами IX в., горизонт Е1 — 60-ми годами — концом IX в. Вышележащий горизонт Д относится к первой половине X в.⁴¹

Культурный слой старолядожского посада четко делится на 10 строительных горизонтов. Дата первого строительного горизонта — 40—50-е годы IX в., десятого — 80—90-е годы X в.

Разработка абсолютной дендрохронологической шкалы для Старой Лядоги положила конец длившимся в течение десятков лет научным спорам по хронологии и стратиграфии одного из старейших древнерусских городов.

В последние годы в связи с большим вниманием, уделяемым проблеме «человек и биосфера», очень важным становится динамический подход к изучению природных явлений. Фактор времени стал важной частью научных исследований и в естественных науках. Со дня рождения дерево становится «очевидцем» многообразных явлений окружающей среды. Годичное кольцо — это память природы, в которой хранятся с точностью до одного года оценки климатических условий прошлого (осадки, температура воздуха, влажность почв, солнечная активность и даже удельная радиоактивность земной атмосферы). Дендрохронология дает широкую информацию с точностью до года о природных явлениях, которые оказывали влияние на ширину и структуру годовичных колец.

Учитывая необходимость и возможности дендрохронологии, Международное рабочее совещание по дендроклиматологии (США, Аризона, апрель 1974 г.) предложило создать Международный банк дендрохронологических данных⁴². Это предложение было утверждено на XII Международном ботаническом конгрессе (Ленинград, июль 1975 г.), и в начале 1977 г. Международный банк начал функционировать.

От Советского Союза вкладчиком этого Банка был принят Институт археологии АН СССР⁴³, передавший в Банк новгородскую дендрохронологическую шкалу, опубликованную в 1963 г.⁴⁴ Весной 1978 г. Комиссия по дендроклиматохронологическим исследованиям АН СССР создала Национальный банк дендрохронологических данных Советского Союза. Здесь хранится значительная информация по ранним эпохам, полученная от археологов⁴⁵.

Более скромны наши успехи и в применении естественнонаучных методов в полевой археологии. В частности, речь идет о геофизических исследованиях. В Институте археологии АН СССР в 1962 г. была создана небольшая группа геофизической разведки. Были проделаны опыты по применению электро- и магниторазведки на разных археологических памятниках от неолита до средневековья. В 70-е годы группа разработала методы и аппаратуру для акустической разведки на дне больших водоемов. Но практика работы этой группы показала, что археологическая геофизика требует более мощной технической базы, более разностороннего и крупного научного коллектива. В 1976 г. группа геофизики в Институте археологии была ликвидирована.

В последние годы мы встали на путь более активного кооперирования с крупными специализированными геофизическими учреждениями. Исследования, проведенные на кафедре геофизики МГУ (В. А. Шевнин), в Ленинградском Горном институте (В. В. Глазунов), в археофизической группе Всесоюзного научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений (А. К. Станюкович) и в других научных учреждениях совместно с археологами, показали необходимость разработки специальной методики археофизических измерений и обработки полученных данных. В результате этих поисков обнаружилась необходимость комплексного подхода к решению археофизических задач с применением для изучения геофизических аномалий определенного, в зависимости от вида археологического объекта, набора измерительных средств и путей обработки и интерпретации полученных данных.

Геофизические работы, проведенные коллективами геофизиков под руководством В. В. Глазунова, В. А. Шевнина и других при тесном сотрудничестве с археологами, кроме успешной разработки конкретной методики, открыли в некрополе Херсонеса поздние античные могилы-склепы, на античном поселении Панское I полностью выявлен план на площади 0,5 га⁴⁶.

Особое место среди применяемых в археологии методов естественных и точных наук занимают математические методы описания и обработки археологических источников и процедуры самого исследования. В отличие от всех методов физических и иных наук, математические методы пронизывают все сферы археологического исследования — в поле, в лаборатории и в кабинете историка.

Иногда считают, что археологический материал очень изменчив и к нему нельзя применять методы математической статистики. На самом деле именно благодаря своей изменчивости археологический материал является благодатным полем для применения математики⁴⁷. Математическая статистика помогает ответить на многие вопросы современного археологического исследования. Она позволяет, например, установить достаточное число наблюдений, после которых начинает проявляться закономерность в решении поставленной задачи. Для этого применяются графики накопленных процентов, доверительные интервалы и ряд других методов. Большинство археологических явлений, например хронологическое развитие вещи, размещение вещей в культурном слое или в компле-

ксах, размеры предметов, подчиняется закону нормального распределения, т. е. выражается одновершинной симметричной кривой. В этом случае для сравнения между собой данных по разным памятникам применяются критерий Стьюдента, доверительные интервалы и другие разделы. В том же случае, когда нет данных о нормальном распределении вещей или других показателей, для сравниваемых явлений из разных памятников применяется ряд непараметрических методов — критерий инверсии, критерий знаков и т. п.

Для изучения внутренних связей между отдельными признаками в предмете и между предметами в комплексе при решении вопросов классификации и типологии, определения культурной принадлежности и хронологии большие возможности открывает применение коэффициента корреляции, коэффициентов сопряженности, уравнений регрессии и ряда других методов⁴⁸.

Применение методов и орудий исследования физических и иных наук открывает перед археологами новые перспективы в изучении истории производительных сил, хозяйства и экономики древних обществ. Широкое внедрение в полевые и лабораторные работы этих методов должно являться одним из главных направлений дальнейшего повышения эффективности археологических исследований и совершенствования современной археологической методики.

* Настоящая статья подводит некоторые итоги исследованиям последнего десятилетия. О работах предшествующих десятилетий см.: *Колчин Б. А., Шер Я. А.* Некоторые итоги применения естественнонаучных методов в археологии. — КСИА, 1969, 118; *Колчин Б. А.* Археология и естественные науки. — МИА, 1965, 129.

¹ *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.

² *Терехова Н. Н.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении. — В кн.: *Очерки технологии древнейших производств.* М., 1975.

³ *Вознесенская Г. А.* Технология производства железных предметов Глийского могильника. — В кн.: *Очерки технологии древнейших производств.* М., 1975.

⁴ *Ангейн А. К.* Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря, Рига, 1973.

⁵ *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе. — СА, 1977, № 1.

⁶ *Колчин Б. А.* Оружейное дело древней Руси. — В кн.: *Проблемы советской археологии.* М., 1978.

⁷ *Станкус И.* Технология производства железных орудий в Литве IX—XIII вв. — Труды АН Литовской ССР, 1970, сер. А, т. 1 (32).

⁸ *Хомутова Л. С.* Металлообработка на поселениях дяковской культуры. — СА, 1978, № 2.

⁹ *Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975.

¹⁰ *Андриашвили И. А.* Исследование технологии грузинской чеканки с древнейших времен. Тбилиси, 1973.

¹¹ *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. — СА, 1978, № 4.

¹² *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970; *Он же.* Металл—человек—время. М., 1972; *Он же.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

¹³ *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры. М., 1972.

¹⁴ *Корневский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы. — СА, 1976, № 4; *Он же.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур. — СА, 1978, № 2.

¹⁵ *Геворкян А. Ц.* Древняя металлургия и горное дело Армении. М., 1972.

¹⁶ *Кузьминых С. В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье. М., 1978.

¹⁷ *Селимжанов И. Р., Кашкай М. А.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.

¹⁸ *Сайко Э. В., Кузнецова Л. В.* Методологические основы исследования древней керамики. Обзорная информация. М., 1977.

¹⁹ *Круг О. Ю.* Технические силикаты I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1971.

²⁰ *Бобринский А. А.* О некоторых особенностях технологии изготовления керамики. — КСИА, 1970, 121.

- ²¹ Сайко Э. В. Применение рентгеноסקопии в археологии. — В кн.: Новое в физико-математических методах в археологии. М., 1978.
- ²² Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- ²³ Сайко Э. В. Техника и технология в становлении и развитии ремесленного производства. Автореф. докт. дис. М., 1977.
- ²⁴ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.
- ²⁵ Шапова Ю. Л. Происхождение стеклоделия. — Вестник МГУ, 1978, история, № 6.
- ²⁶ Шапова Ю. Л. О химическом составе древнего стекла. — СА, 1977, № 3.
- ²⁷ Лисицына Г. Н. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тысячелетиях до н. э. — СА, 1970, № 3.
- ²⁸ Лисицына Г. Н., Костюченко В. П. Почвы как источник информации при изучении истории земледелия. — СА, 1976, № 1.
- ²⁹ Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- ³⁰ Лисицына Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978.
- ³¹ Прищепенко Л. В. Растительные остатки с поселения Актепе. — СА, 1973, № 1.
- ³² Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кishнев, 1976.
- ³³ Кирьянова Н. А. Земледелие в северо-западных районах древней Руси X—XIV вв. — СА, 1979, № 2.
- ³⁴ Aitken M. J. Archaeological Involvements of Physics. — Physics Reports, Physics Letters, Sect. C, april 1978, v. 40C, N 5.
- ³⁵ Suess H., Becker B. Der Radiocarbongehalt von Jahrringproben. — In: Dendrochronologie und Postglaziale klimaschwankungen in Europa. Wiesbaden, 1976.
- ³⁶ Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- ³⁷ Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.
- ³⁸ Телегин Д. Я., Собонович Э. В., Ковалюх Н. Н. Радиоуглеродное датирование. — В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978.
- ³⁹ Fletcher J. M. A group of English royal portraits painted a dendrochronological study. — In: Studies in Conservation, 1976, v. 21.
- ⁴⁰ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
- ⁴¹ Черных Н. Б. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги. — В кн.: Старая Ладога, новые открытия. М.; Л., 1979.
- ⁴² Summary of Proposals for International Cooperation in the Field of Tree-Ring Research. Arizona, 1974.
- ⁴³ International Tree-Ring Data Bank. — Newsletter, Arizona, 1977, v. 2, N 1.
- ⁴⁴ Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода. — МИА, 1963, 117.
- ⁴⁵ Банк дендрохронологических данных. Вильнюс, 1978.
- ⁴⁶ Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979.
- ⁴⁷ Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- ⁴⁸ Камецецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. Возможности формализованного подхода. М., 1975.

Н. М. ЕРМОЛОВА

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ ЛОИА

В 1956 г. в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры (ныне ЛОИА) по инициативе и под руководством профессора С. И. Руденко была создана лаборатория археологической технологии, основной задачей которой являлось применение методов естественных наук к исследованиям различных археологических объектов. Значение естественных наук для археологии подробно освещено в работах С. И. Руденко, Б. А. Колчина, а также Б. А. Колчина и Я. А. Шера¹.

Использование методов естественных наук позволяет археологии ближе подойти к решениям таких проблем, как хронология и синхронизация древнейших культур человечества и их связи между собой, выяснение технологии древнейшего производства. Непосредственно с естественными науками связано и изучение экологии человека в прошлом. Решение этих вопросов требовало привлечения специалистов различного профиля.

Точное определение времени существования археологических памятников, появление и исчезновение тех или иных культур древнейшего человечества, зачастую связанное с климатическими изменениями глобального характера, — задачи первостепенной важности для археологии.

Одним из первых подразделений лаборатории археологической технологии стала радиоуглеродная лаборатория, в задачу которой входит абсолютное датирование по C^{14} образцов из археологических памятников. Химическая группа радиоуглеродной лаборатории занимается подготовкой образца к измерению, химической обработкой его и синтезом бензола, проводит методологические работы, способствующие освобождению образца от загрязнения современным углеродом и сопутствующими примесями.

Основополагающие исследования в области химической подготовки образца для датирования по C^{14} проводились Х. В. Протопоповым и С. В. Бутомо² под руководством чл.-корр. АН СССР И. Е. Старика. Сотрудниками радиоуглеродной лаборатории был избран сцинтилляционный метод счета и в качестве рабочего вещества был предложен бензол³.

Работу в химической группе радиоуглеродной лаборатории продолжают Е. Н. Романова и Ю. С. Свеженцев, которые занимаются химической обработкой и подготовкой к измерению образцов угля, дерева и торфа из археологических памятников. В последнее время проводятся работы по датированию ископаемых костей⁴.

Физическая группа радиоуглеродной лаборатории проводит непосредственное измерение в образцах радиоактивного углерода на специальных установках и занимается математическим анализом полученных данных.

Разработка электронной аппаратуры для измерения малых активностей радиоуглерода была начата В. В. Артемьевым, который избрал для счета C^{14} одноканальный сцинтилляционный спектрометр и в дальнейшем значительно усовершенствовал его. В. В. Артемьев в процессе конструирования и эксплуатации установки пришел к мнению о необходимости замены ламповых узлов аппаратуры на транзисторные⁵. Конструктивная разработка такой установки была завершена А. А. Семенцовым⁶. Новая радиоэлектронная аппаратура на полупроводниках позволяла с большей точностью проводить счет малых активностей.

В последние годы в физической группе радиоуглеродной лаборатории Ю. Н. Марковым была разработана и создана двухканальная электронная установка, благодаря чему эффективность измерений C^{14} возросла с 30 до 70—80%. Повысилась также и чувствительность установки, что дает возможность снизить объем измеряемого бензола до 0,5 куб. см⁷.

Помимо двухканальной, Ю. Н. Марковым создается новая установка на цифровых интегральных схемах, что позволяет в короткие сроки находить и быстро ликвидировать неисправность в установке, заменяя стандартные блоки, тогда как ранее на ремонт установки уходило не менее месяца.

Другие усовершенствования установки⁸ и введение цифровой системы увеличили точность измерения активности C^{14} до 0,18—0,20%.

За годы работы радиоуглеродная лаборатория выдала около тысячи датировок археологических образцов, опубликованных как в отечественной литературе, так и за рубежом⁹.

В настоящее время в радиоуглеродной лаборатории разрабатывается пропорциональный счетчик с усовершенствованной многоконтурной системой измерения C^{14} и новым составом газового наполнения, что позволит добиться более высокой точности измерения образцов, чем на пропорциональных счетчиках известной конструкции. Кроме того изучаются влияния различных физических условий на точность датирования образцов, специально отобранных для этой цели сотрудниками лаборатории при раскопках археологических памятников.

С 1965 г. радиоуглеродная лаборатория принимает участие в исследованиях по проблеме «Астрофизические явления и углерод», проводимых совместно с радиоуглеродной лабораторией астрофизического отдела Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе АН СССР и с лабораторией ядерной физики Тбилисского университета¹⁰.

Одновременно с радиоуглеродной лабораторией была организована группа специалистов, занимающаяся спектральным анализом и аналитической химией. В задачу группы входило исследование химического состава археологических объектов.

Метод спектрального анализа обладает разрешающей способностью обнаруживать в исследуемых образцах присутствие различных элементов, в каком бы ничтожно малом количестве они не были, и при этом требуются лишь минимальные навески. Д. В. Наумов проводил спектральный анализ медных сплавов и стекол методом постоянного графика¹¹. В интерпретации данных спектрального анализа бронз Сибири и Средней Азии принимала участие И. В. Богданова-Березовская¹².

С 1977 г. в спектральной лаборатории ЛОИА проводится разработанный В. А. Галибиным спектральный анализ повышенной точности по методу трех эталонов. Помимо анализа самих бронз изучается возможность определения их состава по образовавшимся вместо них окислам. Разработана методика количественного спектрального анализа кремния на 10—12 элементов для выявления геохимических критериев отличия кремней разного происхождения. Разрабатывается новая методика полного количественного спектрального анализа стекла всех типов на 20 элементов. Одновременно ведутся работы по методикам анализа золота, железа и др.

В лаборатории аналитической химии Т. Ф. Кулькова проводила работы по микрохимическому исследованию золотых предметов, по фосфатному анализу почв палеолитических стоянок, а также по химическому изучению известняков из пещерных отложений Кавказа¹³.

В настоящее время продолжают фосфатные анализы почв непосредственно в полевых условиях. Е. Ю. Медниковой освоена методика определения полного минерального состава почв из разрезов древних отложений, что позволит сделать определенные палеогеографические выводы, так как изменение химического состава минеральной части почвы связывается со сменой климатических условий. Химический и гранулометрический анализ строительных растворов дает возможность определить различие в строительной технике древних строительных школ¹⁴.

Немаловажно для изучения палеолитических и неолитических культур петрографическое исследование кремневых орудий и месторождений кремня. Работы в этой области были начаты Г. М. Ковнурко, который занимался изучением свойств кремня, вопросами его происхождения и распространения на территории европейской части СССР¹⁵. В настоящее время изучение кремня продолжает Н. Б. Селиванова. Проводится петрографический анализ и других каменных орудий, керамики, древних строительных растворов, кирпичей и прочих археологических объектов. Изучается состав рыхлых отложений пещерных стоянок и обнаруженных в отложениях палеолитических поселений ископаемых вулканических пеплов.

С момента основания лаборатории археологической технологии в ее составе работала группа, которая занималась вопросами истории первобытной техники. С. А. Семенов, руководивший этой группой, большое значение придавал производственным функциям древних орудий, определяемым по следам от работы, остающимся на орудии¹⁶. Применение микроскопического анализа в изучении этих следов позволило Г. Ф. Коробковой по функциональному значению основной массы обнаруженных каменных орудий устанавливать тип ведущего хозяйства древнего поселения¹⁷. Проводимые этой группой эксперименты по затратам труда на тот или иной производственный процесс опровергли представление о труде древних людей как о крайне непроизводительном процессе.

В 1964 г. эта группа из лаборатории археологической технологии перешла в сектор палеолита.

Большой удельный вес в исследованиях лаборатории археологической технологии имеют работы по палеогеографии, проводимые П. М. Долухановым. Он разрабатывает вопросы палеогеографии голоцена северо-запада РСФСР, а также ведет исследования в области изучения палеогеографии плейстоцена—голоцена обширных регионов Европы и бассейна Каспийского моря. Изучаются культурные ландшафты неолита — эпохи металла, их формирование и развитие¹⁸. Проводятся также попытки установления корреляции каменной индустрии с природными растительными зонами с помощью математического анализа. Работа П. М. Долуханова об экологии и экономике неолита издана за рубежом¹⁹.

С 1961 г. в лаборатории археологической технологии проводятся зоологические исследования и определения остеологического материала. Н. М. Ермолова изучает костные остатки из археологических памятников различного возраста. Особое внимание уделяется исследованиям фауны древнейших стоянок человека в Сибири, а также изучению скотоводства и охоты в эпоху бронзы в Средней Азии и Закавказье²⁰.

С 1962 г. проводится геофизическая разведка археологических памятников. К. К. Шилик определяет методом магнито- и электроразведки контуры античных памятников в Причерноморье²¹. Одновременно ведутся и поиски остатков архитектуры древней Руси. Посредством метода геоакустической локации обследуется подводная часть Ольвии и выясняются древние береговые линии этой части Черного моря. Эти работы лежат в основе исследований по топографии и палеогеографии античного Причерноморья, которыми и занимается в последнее время К. К. Шилик²².

С 1969 г. в лаборатории археологической технологии проводится палинологическое изучение образцов из археологических памятников. На основании спорово-пыльцевого анализа Г. М. Левковская дает палинологическую характеристику палеолитических и неолитических стоянок, расположенных в различных районах Евразии, а также реконструкцию смены растительности и климатических колебаний в плейстоцене и голоцене. Основные работы по палинологии посвящены неолиту Прибалтики, голоцену севера Западной Сибири, плейстоцену Восточной Европы и Кавказа²³.

Таким образом, в лаборатории археологической технологии ЛОИА представлены необходимые отрасли естественных наук, без информации которых исследование археологических памятников нельзя считать полным.

¹ Руденко С. И. Предисловие. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963; Колчин Б. А. Археология и естественные науки. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965; Колчин Б. А., Шер Я. А. Абсолютное датирование в археологии. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.

² Протопопов Х. В., Бутомо С. В. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C¹⁴). — СА, 1959, № 2.

³ Бутомо С. В. Применение радиоуглеродного метода в археологии. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.

⁴ Свеженцев Ю. С., Марков Ю. Н. Радиоуглеродное датирование ископаемых костей. — Труды Пятого всесоюзного совещания по проблеме «Астрофизические явления и радиоуглерод». Тбилиси, 1977.

⁵ Артемьев В. В. Измерение времени радиоуглеродным методом. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.

⁶ Семенов А. А. Стабилизация параметров для сцинтилляционной установки для измерения природного радиоуглерода. — Труды Третьего всесоюзного совещания по проблеме «Астрофизические явления и радиоуглерод». Тбилиси, 1969.

⁷ Марков Ю. Н. Двухканальная стабилизированная сцинтилляционная установка. — Труды Пятого всесоюзного совещания по проблеме «Астрофизические явления и радиоуглерод». Тбилиси, 1977.

⁸ Марков Ю. Н. Дискриминатор — формирователь для низкофоновых установок. — Приборы и техника эксперимента, 1978, № 2.

- ⁹ Dolukhanov P. M., Semjonov A. A., Svezhentsev Iu. S., Timofeyev V. I., Romanova E. N., Malanova N. S. Radiocarbon dates of the Institute of archaeology III. — Radiocarbon, 1976, v. 18, N 2.
- ¹⁰ Семенов А. А., Романова Е. Н., Маланова Н. С., Свеженцев Ю. С. Концентрация радиоуглерода в древесных кольцах 1593—1615 гг. — Материалы Всесоюзного совещания по проблеме «Вариации содержания радиоуглерода в атмосфере земли и радиоуглеродное датирование», Вильнюс, 1974; Кочаров Г. Е., Дергачев В. А., Семенов А. А., Румянцев С. А., Романова Е. Н., Маланова Н. С., Свеженцев Ю. С. Концентрация радиоуглерода в древесных кольцах 1564—1583, 1593—1615, 1688—1712 гг. — Труды Пятого всесоюзного совещания по проблеме «Астрофизические явления и радиоуглерод». Тбилиси, 1977.
- ¹¹ Наумов Д. В. Опыт количественного спектрального анализа древнего стекла. — СА, 1962, № 4.
- ¹² Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
- ¹³ Кулькава Т. Ф. Микрохимическое исследование золотых предметов. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
- ¹⁴ Медникова Е. Ю., Селиванова Н. Б., Раппопорт П. А. Изучение древнесмоленских строительных растворов. — КСИА, 1978, 155.
- ¹⁵ Ковнурко Г. М. К изучению свойств кремня. — КСИА, 1962, 92; *Он же.* О распространении кремня на территории европейской части СССР. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
- ¹⁶ Семенов С. А. Первобытная техника. — МИА, 1953, 54.
- ¹⁷ Коробкова Г. Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
- ¹⁸ Долуханов П. М. История Балтики. Л., 1974; *Он же.* География неолитической революции. — Природа, 1978, № 11.
- ¹⁹ Dolukhanov P. M. Ecology and Economy in Neolithic Eastern Europe. London, 1979.
- ²⁰ Ермолова Н. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1970, 3; *Она же.* Теритофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978.
- ²¹ Шилик К. К. Опыт электроразведки методом симметричного профилирования. — СА, 1967, № 3; *Он же.* Применение магнитной разведки при исследовании памятников в Крыму. — КСИА, 1968, 113.
- ²² Шилик К. К. Изменение уровня Черного моря в позднем голоцене и палеогеография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени. — В кн.: Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977.
- ²³ Левковская Г. М. Палинологические данные к хронологии неолита и мезолита Прибалтики. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972; *Она же.* Палинологическая характеристика разрезов Костенковско-Боршевского района. — В кн.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977; Любин В. П., Левковская Г. М. Пещера Кударо III (Юго-Осетия). — МИА, 1972, 185.

Р. Ш. ЛЕВИНА

ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ ЛОИА

Библиотека основана в 1919 г., когда была учреждена Государственная академия истории материальной культуры, в распоряжение которой передавались все имущество и учреждения Археологической комиссии, в том числе и библиотека.

По первому уставу РАИМК, библиотекой ведала библиотечная комиссия, под общим руководством которой библиотекарь исполнял свои обязанности¹. Это же положение подтверждено и уставом ГАИМК 1926 г.² Во главе библиотечной комиссии стоял А. А. Сиверс. Деятельность комиссии отражена в журналах совещаний за 1920—1929 гг., хранящихся в рукописном архиве ЛОИА.

В 1921 г. было выработано «Положение о библиотеке РАИМК», в котором определены основные задачи библиотеки: «...обслуживание научных и просветительных потребностей Академии, удовлетворение запросов всех научных учреждений и лиц, нуждающихся в научных книгах по

областям ведения РАИМК, научно-исследовательская работа в области книговедения, библиоковедения и библиографии, связанная с кругом ведения Академии и ее очередными интересами»³.

Первоначально фонд библиотеки составляли только книги Археологической комиссии — около 25 тыс. томов. В значительной части он отражен в печатном каталоге библиотеки Археологической комиссии⁴. Но уже с 1920 г. началось пополнение фонда за счет поступления из библиотек различных ликвидированных научных обществ и частных книжных собраний видных русских ученых. В 1924 г. поступили книги из библиотеки Русского археологического общества (18 тыс. томов), из библиотек Русского историко-генеалогического общества (2800 томов) и Общества поощрения художеств (3248 томов). Поступили книги и брошюры также из библиотек Х. М. Лопарева, Я. И. Смирнова, П. А. Путятина, А. А. Бобринского, В. В. Латышева, А. В. Никитского, Б. В. Фармаковского, Н. И. Репникова, А. В. Орешникова и других. Большая роль принадлежала комплектованию текущей литературой: производился обмен с иностранными научными учреждениями и выписывалась литература за валюту. С. А. Жебелев отмечал в 1929 г.: «Библиотека ГАИМК может отметить... что по количеству выписываемых книг из-за границы, она и ныне занимает одно из первых мест среди библиотек научных учреждений»⁵. Наряду с обработкой литературы и приведением в порядок фондов велась справочно-консультационная работа. Для раскрытия фондов уже в начале 20-х годов создается предметный каталог, а в 1925 г. ставится вопрос о создании систематического каталога и начинается подготовительная работа — дублировка карточек. Библиотека вела научно-библиографическую работу. О. А. Магнус составила первую советскую археологическую библиографию⁶. Работа эта имела важное научное значение и долгие годы оставалась единственным сводным справочником по археологии СССР.

В 20-е годы библиотеку ГАИМК возглавляли такие видные ученые, как член-корреспондент АН СССР В. Н. Бенешевич (1923—1926) и проф. И. М. Гревс (1927—1930), помощником библиотекаря был известный русский библиограф П. И. Прозоров. Члены и сотрудники ГАИМК оказывали библиотеке большую помощь в повседневной работе. Ученый секретарь Академии Б. В. Фармаковский в 1925 г. предоставил библиотеке для пользования свою личную библиотеку (она была приобретена ГАИМК уже после его смерти). Академик С. А. Жебелев, постоянный член Библиотечной комиссии, в 1925 г. уделял время для технической работы в библиотеке и взял на себя дублировку иностранных карточек на книги из библиотеки Б. В. Фармаковского. В 1928 г. он запрашивает список должников библиотеки, «дабы личным обращением» воздействовать на них.

Характеризуя библиотеку ГАИМК 20-х годов, Н. Я. Марр писал: «Это лучшая, думаем, не в одном СССР по специальности подобранная библиотека. Благодаря обмену изданиями также по специальности и с зарубежными учреждениями библиотека растет здоровым ростом в путях продуманного пополнения и вносит регулярными ныне поступлениями книг большое оживление в научную среду отнюдь не одних работников Академии. В самой библиотеке началась исследовательская работа, подсобная для Академии...»

Почти полностью книги зарегистрированы, составлен алфавитный каталог, и начинается подготовка по составлению предметного каталога с учетом систематики»⁷.

К началу 1930-х годов заканчивается организационный период, и в библиотеке ГАИМК начинается планомерная библиотечная и справочно-библиографическая работа.

В 1935 г. издается «Положение о библиотеке Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра», регламентирующее работу по обслуживанию читателей. Деятельность библиотеки в 30-е годы освещена в печатном отчете ее заведующего А. Ф. Добрынина⁸ и в под-

робной «Записке о состоянии библиотеки ГАИМК на 15 июля 1937 г. и перспективах дальнейшей работы», составленной им же и хранящейся в библиотеке ЛОИА. Документ этот характеризует работу библиотеки с начала 30-х годов до реорганизации ГАИМК в Институт истории материальной культуры АН СССР. Основная задача библиотеки — «переклечение на активное обслуживание научных работников Академии и других учреждений». Библиотека была одной из крупнейших специальных библиотек Советского Союза — фонд ее около 150 тыс. томов (112 515 названий книг и журналов). Количество читателей в 1937 г. составляло 272 человека, посещаемость библиотеки по сравнению с 1927 г. возросла в шесть раз (8228 против 1367), а книговыдача — в пять (15 088 против 3052), был введен коллективный абонемент для подразделений ГАИМК, активно работал межбиблиотечный абонемент — в 1935 г. послано 1267 заявок.

Наряду с выпиской иностранной литературы был широко развернут международный книгообмен — библиотека обменивалась изданиями с 128 учреждениями в 28 странах. налажен был также внутрисоюзный обмен. До 12% изданий поступало в дар. Ежегодное пополнение фонда — 2 тыс. названий книг и журналов.

Была начата работа по организации книжного фонда: выделены отделы справочный, учебный и картографический, созданы их каталоги.

Стремясь к максимальному раскрытию своих фондов с целью улучшения справочно-библиографического обслуживания читателей библиотека ГАИМК приступила к созданию систематического каталога. существовавший в 20-е годы предметный каталог не охватывал и половины фонда и в 1934 г. был законсервирован. В 1936 г. начата организация систематического каталога. Эту работу возглавила Н. А. Винберг, которой целиком принадлежит заслуга его создания.

Важным элементом справочно-библиографической работы были еженедельные выставки новых поступлений и тематические выставки. На рубеже 20-х и 30-х годов библиотека начала публикацию бюллетеней новых поступлений. В «Сообщениях ГАИМК» в 1931 г. опубликованы бюллетени за 1929—1930 гг.⁹ В 1935—1937 гг. предпринято издание «Бюллетеня вновь поступивших книг» тиражом 60—70 экз.¹⁰

Широко развернулась научно-библиографическая работа. Был опубликован составленный А. Ф. Добрыниным указатель работ ГАИМК, изданных в 1921—1935 гг.¹¹ В предвоенные годы создана картотека археологической литературы за 1929—1940 гг. (продолжение указателя О. А. Магнус).

После реорганизации ГАИМК в 1937 г. в Институт истории материальной культуры АН СССР библиотека в 1938 г. вошла в централизованную систему библиотек Академии наук СССР. Новое положение библиотеки не изменило основного направления ее деятельности: научно-библиографической работы по археологической литературе СССР, усиления справочно-консультационной работы, создания систематического каталога монографий, проверки книжного фонда и его рекаталогизации.

Деятельность библиотеки ИИМК во время Великой Отечественной войны отражена в хранящихся в архиве ЛОИА и в библиотеке докладных записках заведующих библиотекой Л. А. Федорова и В. Б. Ечеистовой, отчетах о работе библиотеки в 1942 и 1943 гг. и актах осмотра помещения библиотеки специальными комиссиями в 1942—1944 гг. Материалы эти служат еще одним свидетельством мужества и стойкости ленинградцев во время блокады.

В апреле 1942 г. лопнула водопроводная труба в помещении, расположенном над библиотекой. Вода затопила часть книгохранилища, сильно пострадали в особенности фолианты. Само помещение библиотеки отсырело, печи не топились из-за отсутствия топлива, электричества не было, а зафанеренные окна не пропускали дневной свет. Работали при свете самодельных, сильно коптящих фонарей. Основной деятельностью трех сотрудников библиотеки, ослабевших в тяжелую блокадную зиму, было

спасение фонда. «В летние и осенние дни 1942 г., когда позволяла погода, помещение библиотеки проветривалось путем устройства сквозняков. Книги относились во двор АН, где часть их раскладывали для просушки на мощенных камнем панелях, часть развешивали на веревках. После просушки книги вносили обратно в помещение библиотеки»¹². Другая часть книг была перенесена для просушки в помещение Института. Несмотря на все принятые меры часть изданий погибла, много книг оказалось повреждено плесенью, испорчены таблицы, покоробились и отвалились переплеты, многие книги распались по листам. На пострадавшие книги была составлена картотека, и начата подборка разрозненного материала.

В столь трудных условиях сотрудники библиотеки продолжали обслуживать читателей. Отчеты за май-июнь 1942 г. свидетельствуют, что за эти два месяца было 164 посещения, выдано 166 книг, возвращено 209. Работал и межбиблиотечный абонемент — получено 79 книг, возвращено в библиотеки Ленинграда 120 книг. В сентябре 1942 г. библиотека начала срочную подготовку к консервации — при свете фонаря производилась расстановка книг, возвращенных с января по август и не расставленных из-за холода, отсутствия света и тесноты. К началу 1943 г. библиотека была открыта для обслуживания читателей только два часа в неделю. В акте обследования библиотеки ИИМК 14 января 1943 г. комиссией отмечалось, что «состояние книжных фондов в библиотеке ИИМК внушает самые серьезные опасения». Комиссия рекомендовала провести ряд первоочередных мероприятий для спасения фондов и указала на то, что «контроль состояния книжных фондов библиотеки ИИМК должен особенно внимательно осуществляться в весенние и раннелетние месяцы, когда будет происходить оттаивание помещений и можно ожидать эпидемической вспышки развития плесневых грибов»¹³.

Весь 1943 г. библиотека работала в условиях консервации. Единственной сотрудницей была В. Н. Денемарк. Проводились в жизнь рекомендации комиссии — зимой были расставлены книги, лежавшие в штабелях (6007 томов), с наступлением теплого времени начата просушка помещения.

Принятые для спасения книг меры дали положительный результат. В акте осмотра хранилища библиотеки, архива и фототеки ИИМК комиссией Академии наук от 2 февраля 1944 г. отмечено, что перенесенные в помещение ИИМК в главном здании Академии наук книги «находятся в хорошем состоянии и доступны для пользования». О помещении же библиотеки говорится: «Считать помещение непригодным для хранения библиотеки и книги подлежащими переносу в другое, более подходящее помещение при первой же к тому возможности»¹⁴.

В первые послевоенные годы основное внимание коллектива библиотеки было направлено на заживление ран, нанесенных войной. 6 июля 1946 г. состоялось специальное совещание, на котором присутствовали директор Библиотеки АН И. И. Яковкин и заведующий Ленинградским отделением ИИМК П. Н. Третьяков. В протоколе совещания говорилось о катастрофическом положении библиотеки ИИМК. Ставился даже вопрос о консервации библиотеки и перевозке книг в помещение Библиотеки АН¹⁵.

Весной 1949 г. Институт и библиотека переехали в Ново-Михайловский дворец. Большинство книг к этому времени было уже просушено и частично реставрировано. Библиотека вернулась к нормальной работе.

Уже к началу 50-х годов планами были предусмотрены те виды библиотечно-библиографических работ, которые и поныне являются основными для библиотеки ЛОИА.

Одной из главных задач являлась правильная организация фондов. В 1953—1956 гг. проведена полная инвентаризация фондов, а в конце 50-х и в 60-х годах созданы новые алфавитные каталоги иностранных монографий и отечественной и иностранной периодики. В организации каталогов огромная роль принадлежит безвременно умершей сотруднице

библиотеки археологу А. А. Любимовой. В 70-е годы завершена рекаталогизация фонда отечественных монографий.

Библиотека ЛОИА является крупнейшей и по существу единственной специальной археологической библиотекой СССР и обладает ценнейшими фондами, которые на 1 июля 1978 г. составляют 165 878 печатных единиц (80 101 отечественных и 85 777 иностранных).

В библиотеке представлена литература по всемирной археологии от палеолита до позднего средневековья, по истории Древнего Востока, античного мира и средних веков, по истории древнего и средневекового искусства и архитектуры, по истории науки и техники древнего мира и средневековья, краеведческая и музееведческая литература. Широко представлена литература по истории СССР до XVIII в. Около 8% фонда составляют труды классиков марксизма-ленинизма и общественно-политическая литература. Имеются издания по этнографии, языкознанию и вспомогательным историческим дисциплинам — нумизматике, эпиграфике, сфрагистике, геральдике, исторической географии. Библиотека комплектуется также литературой по палеоантропологии, основными изданиями по палеогеографии, палеозоологии и палеоботанике, четвертичной геологии. Имеется большой фонд энциклопедий, словарей и справочников.

В библиотеке представлены все издания Археологической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских, Одесского общества истории и древностей, ученых архивных комиссий и т. д., все издания ГАИМК—ИИМК—Института археологии, Института археологии АН УССР, Института археологии АН Узбекской ССР и других археологических и исторических учреждений Советского Союза. Многие иностранные археологические периодические издания представлены полными комплектами.

Комплектование фондов — один из основных видов работ библиотеки. Оно производится централизованно, путем заказа литературы через отделы комплектования Библиотеки АН. В библиотеке ведется картотека иностранных деизидерат, создаваемая в результате просмотра национальных библиографий, издательских каталогов, списков новых поступлений в зарубежные археологические учреждения, публикуемых в иностранных журналах, рецензий и рекламных объявлений на страницах зарубежной периодики. Иностранное комплектование курирует библиотечный совет ЛОИА, возглавляемый М. А. Тихановой. Библиотека получает 275 названий иностранных периодических изданий из 48 стран.

В среднем за год в библиотеку поступает 2500 печатных единиц, из них иностранных 1200. Постоянным существенным источником пополнения фонда служат издания, получаемые в дар от советских и зарубежных археологических организаций и отдельных ученых. В последние годы поступили книги и оттиски из личных библиотек умерших сотрудников ЛОИА А. А. Иессена, Т. Н. Книпович, Г. Ф. Корзухиной.

Библиотека ЛОИА обслуживает читателей в читальном зале, на абонементе и по межбиблиотечному абонементу. Индивидуальным абонементом наряду с сотрудниками ЛОИА пользуются научные сотрудники ленинградских академических институтов, различных научных учреждений, музеев и вузов Ленинграда. В читальном зале, рассчитанном на 35 рабочих мест, наряду с указанными выше группами читателей, занимаются научные сотрудники и аспиранты различных учреждений страны. В библиотеке работают также иностранные ученые — гости Академии наук, Эрмитажа, Ленинградского университета, прикомандированные стажеры, научные сотрудники и аспиранты Академий наук союзных республик.

Ежегодное число посещений библиотеки около 11 500, общая книговыдача — около 111 200 печатных единиц, из книгохранилищ выдается 17 600 печатных единиц, из фонда открытого доступа и с выставок новых поступлений — 93 600.

Фонд открытого доступа, расположенный в читальном зале, насчитывает 4000 печатных единиц отечественных и зарубежных изданий. Это в первую очередь труды классиков марксизма-ленинизма и общественно-политическая литература, основные отечественные и иностранные справочники по археологии, древней истории и истории искусства, энциклопедии, реалии, биографические и языковые словари, библиографические указатели, географические справочники и атласы. Представлены все издания ИИМК — Института археологии и русская дореволюционная археологическая периодика.

По межбиблиотечному абонементу библиотека обслуживает ежегодно около 30 абонентов, в основном иногородних. Высылается вся литература, кроме изданий, закрепленных за читальным залом, особо ценных изданий и фолиантов.

Основные формы информационной работы библиотеки — организация выставок новых поступлений и тематических книжных выставок, выполнение устных и письменных справок, составление библиографических карточек и индивидуальная информация читателей о новых поступлениях.

Ведущая роль в информационном обслуживании читателей принадлежит системе каталогов и карточек библиотеки. В эту систему входят алфавитные каталоги отечественных и иностранных монографий, отечественной и иностранной периодики, алфавитный каталог карт, систематический каталог археологической литературы, систематическая картотека литературы по истории КПСС, картотека работ сотрудников ЛОИА, картотека рецензий и картотека «Rossica».

Систематический каталог насчитывает 125 тыс. карточек и включает отечественную и иностранную литературу — монографии и статьи из сборников и периодических изданий. Схема каталога, разработанная в библиотеке ИИМК в конце 30-х годов и утвержденная Отделом систематизации литературы Библиотеки АН СССР, сохраняется и поныне, хотя претерпела известные изменения, вызванные дальнейшим развитием археологической науки и возросшим количеством материалов по различным вопросам. В основу схемы каталога положен хронологический принцип согласно археологической периодизации: палеолит, мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, период раннего железа (с разделением на гальштат и латен), Древний Восток, античный период, средневековье. В пределах этих больших хронологических отделов выделены подотделы по территориальному признаку: СССР, Европа, внеевропейские страны; в подотделах выделены рубрики, посвященные археологии отдельных стран. Археологические памятники СССР разделены по отдельным республикам и областям, в рубриках выделены подрубрики, посвященные археологическим культурам и отдельным памятникам. В общих отделах каждого археологического периода имеются однотипные рубрики, посвященные общим вопросам хозяйства и техники, социальному строю, религии и культурам, архитектуре и искусству данной эпохи. Конкретно-археологической части каталога предпослан общий отдел, включающий труды классиков марксизма-ленинизма, литературу по общим вопросам археологии, организации и истории археологической науки в СССР и за рубежом, применению методов естественных и технических наук в археологии, охране и учету памятников, консервации и реставрации; выделена обширная *Regionalia* отечественных и зарубежных археологов.

К систематическому каталогу имеется предметно-географический ключ. Библиотека постоянно выполняет справки по систематическому каталогу по заявкам различных учреждений и отдельных ученых.

В то время как систематический каталог отражает только литературу, имеющуюся в библиотеке, в картотеки включена вся литература, просмотренная библиографами.

Картотека работ сотрудников ЛОИА отражает все их работы, независимо от места и времени опубликования, за исключением газетных статей и заметок в энциклопедиях.

Картотека рецензий ведется с 1946 г. и включает отечественные рецензии на работы советских ученых по археологии, древней и средневековой истории и истории древнего и средневекового искусства.

Картотека «Rossica», созданная после Великой Отечественной войны, состоит из трех самостоятельных разделов и насчитывает 2500 карточек.

Ежегодно в библиотеке выполняется до 2 тыс. устных справок и несколько тематических списков. В 1975—1977 гг. составлены, например, следующие письменные справки: «Рецензии иностранных ученых на работы сотрудников ЛОИА, опубликованные в 1971—1974 гг.», «Аннотированный список основных археологических изданий, опубликованных АН СССР в 1975—1977 гг.» (для организации выставки Библиотеки АН СССР в ВНР), «Обувь древней Руси» и т. д.

Большая роль в справочно-библиографической работе принадлежит текущим погодным картотекам «Советская археологическая литература». Они оперативно отражают опубликованные работы советских археологов и являются основой печатной библиографии «Советская археологическая литература».

Библиографический указатель «Советская археологическая литература» создан в послевоенные годы по инициативе заведующей библиотекой Н. А. Винберг. Первоначально указатели публиковались в «Советской археологии»¹⁶. В 1959 г. вышел первый сводный том библиографии за 1941—1957 гг. До настоящего времени опубликовано пять томов, охватывающих всю археологическую литературу за 1918—1972 гг. Опыт работы над первыми томами обобщен Н. А. Винберг в 1965 г.¹⁷

Тома библиографии	Годы охвата	Число лет	Количество названий	Количество названий в среднем за год
1	1918—1940	23	8041	350
2	1941—1957	17	8765	516
3	1958—1962	5	8178	1636
4	1963—1967	5	10 751	2150
5	1968—1972	5	14 812	2960

В настоящее время библиотека работает над шестым (1973—1975) и седьмым (1976—1978) томами библиографии советской археологической литературы. Первые четыре тома получили положительную оценку в печати.

Наряду с плановой научно-библиографической работой сотрудники библиотеки ЛОИА составляют внеплановые библиографические указатели и списки. В последние годы Т. Н. Заднепровской опубликован «Указатель литературы по первобытной археологии Средней Азии»¹⁸ и «Указатель литературы по Парфии»¹⁹, Л. М. Всевиным и Р. Ш. Левиной — списки работ И. И. Ляпушкина²⁰, В. Ф. Гайдукевича²¹ и М. И. Артамонова²².

Коллектив библиотеки — неоднократный победитель в социалистическом соревновании библиотек ленинградских академических учреждений.

Члены библиотечного совета ЛОИА П. И. Борисковский, Г. П. Григорьев, В. М. Массон, А. Н. Щеглов и особенно его бессменный многолетний председатель М. А. Тиханова курируют иностранное комплектование библиотеки и оказывают научно-методическую помощь в вопросах систематизации литературы. Перу М. А. Тихановой принадлежит статья о библиотеке ЛОИА (к 250-летию Библиотеки АН)²³.

Планом работы библиотеки ЛОИА на десятую пятилетку предусмотрено всемерное улучшение библиотечно-библиографического обслуживания советских археологов и содействие в выполнении плана научных работ ЛОИА в свете решений XXV съезда КПСС.

- ¹ Устав Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1920, с. 56, 57.
- ² Устав Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1926, с. 12, 14.
- ³ Архив ЛОИА, оп. 1, ф. 2, 1921, д. 56, л. 1.
- ⁴ Каталог библиотеки Археологической комиссии. СПб., 1904, 448 с.; то же. Дополнение за 1905—1906 гг. СПб., 1907, 80 с.; то же. Дополнение за 1907—1909 гг. СПб., 1910, 60 с.
- ⁵ Архив ЛОИА, оп. 1, ф. 2, 1928, д. 53, л. 19. Журнал заседания Библиотечной комиссии № 44 от 12 октября 1929 г.
- ⁶ *Магнус О. А.* Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918—1928 гг. Л., 1931, 116 с. (ИГАИМК, т. 8, в. 4/7).
- ⁷ *Марр Н. Я.* Государственная академия истории материальной культуры. — Научный работник, 1927, № 2, с. 31.
- ⁸ В кн.: Краткий отчет о работе Академии в 1935 г. Л., 1936, с. 62, 63, 90—92.
- ⁹ СГАИМК, 1931, № 4-5, с. 68—71; № 6, с. 39, 40; № 7, с. 38—40; № 9-10, с. 76—79.
- ¹⁰ Краткий отчет о работе Академии в 1935 г. Л., 1936, с. 62. В библиотеке ЛОИА этих бюллетеней нет.
- ¹¹ *Добрынин А. Ф.* Указатель работ Гос. академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, изданных в 1921—1935 гг. М.; Л., 1936, 123 с. (ИГАИМК, в. 135).
- ¹² Архив ЛОИА, оп. 1, ф. 13, 1943. Акт осмотра Комиссией помещения библиотеки ИИМК от 14 января 1943 г. (копия).
- ¹³ Архив ЛОИА, оп. 1, ф. 13, 1943. Акт от 14 января 1943 г. (копия).
- ¹⁴ Архив ЛОИА, оп. 1, ф. 13, 1944.
- ¹⁵ Протокол совещания хранится в библиотеке ЛОИА.
- ¹⁶ *Винберг Н. А., Ечеистова В. Б.* Советская археологическая литература за 1950 г. — СА, 1953, XVII, с. 329—375; *Винберг Н. А., Заднепровская Т. Н.* Советская археологическая литература за 1951 г. — СА, 1954, XIX, с. 351—390; то же за 1952 г. — СА, 1955, XXII, с. 275—321; то же за 1953 г. — СА, 1957, XXVII, с. 335—383; то же за 1954 г. — СА, 1959, XXIX—XXX, с. 297—345; то же за 1955 г. — СА, 1957, № 4, с. 234—273; то же за 1956 г. — СА, 1958, № 4, с. 258—306; то же за 1957 г. — СА, 1959, № 4, с. 282—327.
- ¹⁷ Советская археологическая литература. Библиография. 1918—1940. М.; Л., 1965, 376 с.; то же. 1941—1957. М.; Л., 1959, 773 с.; то же. 1958—1962. Л., 1969, 415 с.; то же. 1963—1966. Л., 1975, 472 с.; то же. 1968—1972. Л., 1980, 558 с. *Винберг Н. А.* Некоторые вопросы отраслевой библиографии по археологии (из опыта работы библиотеки Ленинградского отделения Института археологии АН СССР). — В кн.: 250 лет библиотеке Академии наук СССР. М.; Л., 1965, с. 217—232.
- ¹⁸ *Заднепровская Т. Н.* Литература по первобытной археологии Средней Азии на языках народов СССР. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 266—285.
- ¹⁹ *Zadneprowskaja T. N.* Bibliographie de travaux soviétiques sur les Parthes. — *Iranica antiqua* (Leiden), 1975, t. 4, fasc. 2, p. 243—260.
- ²⁰ Список печатных работ И. И. Лядушкина. Сост. Р. Ш. Левина. — КСИА, 1971, 125, с. 5, 6.
- ²¹ Список печатных работ В. Ф. Гайдукевича. Сост. Л. М. Всевиов. — КСИА, 1969, 116, с. 7—10.
- ²² Список печатных работ М. И. Артамонова. Литература о М. И. Артамонове. Сост. Л. М. Всевиов, Р. Ш. Левина. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1973, в. 2, с. 4—7.
- ²³ *Тиганова М. А.* Библиотека Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. — СА, 1964, № 4, с. 170—172.

К. М. ПЕСКАРЕВА, Т. Т. ВЛАДИМИРОВА

РУКОПИСНЫЕ АРХИВЫ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Рукописный архив ЛОИА является крупнейшим и старейшим в стране специализированным архивом, хранящим документальные материалы по отечественной археологии и смежным с ней наукам за период с 1800-х годов до наших дней.

Фактически архив возник одновременно с созданием Археологической комиссии, когда ей были переданы дела по археологической части учреждений, осуществлявших до 1859 г. археологический надзор и заведывание археологическими «розысканиями» в государстве¹. Именно это со-

брание стало основой архива, учрежденного в 1919 г. в составе Российской академии истории материальной культуры².

В 1919 г. в архивохранилище поступили личные фонды археологов Н. И. Веселовского и П. А. Путятина, академика архитектуры П. П. Покрышкина.

Особенно активно архив пополнялся в 1920—1930-е годы, когда в его состав вошли документальные материалы Русского³ и Московского⁴ археологических обществ, Издательства популяризации художественных изданий, Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР⁵ за 1918—1929 гг. и других учреждений. Тогда же поступили материалы, образовавшиеся в результате полевой и стационарной деятельности Академии, а также личные фонды археологов А. А. Бобринского, Е. Е. Люценко, А. Н. Оленина, Н. М. Печенкина, П. С. Савельева, Я. И. Смирнова, А. А. Спицына, С. Г. Строганова и других.

В годы Великой Отечественной войны в архив были приняты личные фонды погибших на фронтах и умерших в блокаду ученых ИИМК Б. Л. Богаевского, Е. В. Ернштедт, А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого, Е. А. Рыдзевской, Г. П. Сосновского, Р. В. Шмидт.

В 1940—1970-е годы архив комплектовался документальными материалами экспедиций и структурных подразделений, а также диссертациями, защищавшимися на ученом совете ИИМК—ЛОИИМК—ЛОИА. Кроме того с конца 1960-х и в 1970-х годах в архив поступили личные фонды археологов М. И. Артамонова, Г. А. Бонч-Осмоловского, В. Ф. Гайдукевича, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, А. А. Иессена, И. И. Ляпушкина, Ю. П. Спегальского и других. В 1970-х годах в архив были переданы личные фонды свердловского археолога С. Г. Сурова и саратовского — И. В. Сеницына. В составе фонда И. В. Сеницына оказались материалы археологов П. Д. Рау, П. С. Рыкова и краеведов А. А. Кроткова и Г. А. Щеглова.

В настоящее время в архиве насчитывается 58 тыс. единиц хранения (75 фондов и 4 разряда)⁶ и 33 тыс. кадров микрофильмов.

Документальные материалы архива широко и полно отражают научную и научно-организационную деятельность археологических учреждений, становление и развитие отечественной археологической науки, полевую работу, исследование и реставрацию историко-архитектурных памятников. Очень обстоятельны источники по организации дореволюционных и советских археологических учреждений.

Среди имеющихся материалов следует отметить большую группу документов по организации и проведению I—XV археологических съездов (1869—1911 гг.), а также об участии членов Археологической комиссии, Русского и Московского археологических обществ в работе областных археологических съездов в Твери, Владимире, Костроме, в международных съездах и конгрессах, в том числе археологических — в Афинах, Антверпене, Каире, дневник работы XII Международного конгресса по антропологии и доисторической археологии в Париже (1900 г.).

Что касается послереволюционного периода, то здесь следует отметить стенограммы и протоколы открытых заседаний пленумов и научных совещаний, в том числе Археолого-Этнографической конференции (1932 г.) и совещания фольклористов (1932 г.), пленумов по итогам работ археологических экспедиций (1938—1970-е годы), научной сессии исторической группы Отделения общественных наук АН СССР о достижениях советской археологии (1938 г.), по древнейшему периоду Западной Украины (1939 г.), по археологии западной части Карело-Финской ССР (1940 г.), по этногенезу народов Севера (1940 г.), по изучению древнерусских городов (1941 г.), по археологии Средней Азии (1948, 1968 гг.), Всесоюзного совещания по андроновской культуре (1964 г.), материалы заседаний сессии Отделения истории и философии АН СССР и пленумов ИИМК, посвященных 25- и 50-летию РАИМК—ГАИМК—ИИМК—ЛОИА.

Другую обширную группу архивных документов составляют отчеты о деятельности и протоколы научных заседаний дореволюционных археологических учреждений (Археологической комиссии Русского археологического общества) и советских — РАИМК—ГАИМК—ИИМК—ЛОИА — за все истекшие годы деятельности. Среди этой группы документов особую ценность представляют протоколы заседаний Российской археологической комиссии и РАИМК и переписка с Наркомпросом первых послереволюционных лет (1918—1921 гг.), свидетельствующие об активном участии ведущих ученых страны в выработке правовых документов, позволяющих проследить процесс становления советской археологической науки и ее головного учреждения. Большой интерес представляют протоколы заседаний о постановке археологического образования в России и о провинциальных институтах РАИМК (с приложением положений об исследовательских этнолого-археологических институтах — 1920—1921 гг.); материалы об организации археологических институтов в Самаре, Краснодаре, о создании Херсонесской научно-археологической станции, этнолого-археологической станции в Ярославле.

Большое место занимают рукописи неопубликованных работ по всем разделам археологии, а также по истории, историографии, этнографии, архитектуре, искусству, языкознанию, эпиграфике, нумизматике, геральдике и др., написанные в дореволюционное и советское время.

Среди рукописей XIX и первого десятилетия XX в. следует отметить работы А. Н. Оленина, в числе которых «Этнографический взгляд или перечень опыта о настоящем costume знаменитых народов древности, средних и новейших времен», «Историческое исследование о русском шлеме, принадлежавшем в. кн. Ярославу Всеволодовичу и найденном в 1808 г. бл. г. Юрьева-Польского (сражение при Липице 1216 г.)» и ряд других, а также программы курсов по истории, археологии, этнографии, теории зодчества и строительного искусства для воспитанников Академии художеств, рукопись муромского купца Титова «Историческое обозрение города Муром» (1837 г.), ряд работ И. С. Гагина, Н. Г. Катанова, А. Добротворского, А. П. Куна, Е. Т. Соловьева, П. А. Путятина и других. В архиве хранится и рукопись текста на русском языке «Древности Боспора Киммерийского» (т. I—II).

Особую ценность представляет неопубликованный пояснительный текст Я. И. Смирнова к его изданному труду «Восточное серебро. Атлас древней и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи» (СПб., 1909). В тексте подробно описан 331 предмет. Этот ценнейший материал до сих пор не введен в научный оборот.

Следует отметить неопубликованные обобщающие труды советских ученых: «История СССР» под редакцией М. И. Артамонова и А. Ю. Якубовского; «История первобытно-(коммунистического) общества» под редакцией В. И. Равдоникаса, «История средних веков» под редакцией О. Л. Вайнштейна и А. Д. Удальцова, «История первобытной культуры» (П. П. Ефименко, А. М. Золотарев, Б. А. Рыбаков и другие), «История древнего мира» под редакцией С. И. Ковалева, «История культуры мордовского народа» под редакцией В. В. Гольмстен, «Очерки по истории культуры племен и народов Алтая» под редакцией А. Н. Бернштама и М. П. Грязнова (ч. I—II), «Гераклийский сборник». В архиве имеются материалы по созданию работы «История женщины», предпринятой в ГАИМК по инициативе А. М. Горького в 1934 г.

Из отдельных трудов следует назвать работы С. А. Жебелева «История Русского археологического общества за третью четверть века своего существования (1897—1921 гг.)», Ф. И. Шмита «Пореволюционное византиеведение», К. К. Романова «Десятинная церковь в Киеве» (1919 г.), «Жилой дом в Заонежье» (1927 г.), М. П. Грязнова «Материалы по антропологии Краснохолмского у. Рыбинской губ.» (1922 г.), «Пазырык, погребение племенного вождя на Алтае» (1941 г.).

Большое место занимают материалы об археологических раскопках на территории СССР начиная с 1830-х годов⁷. Эти материалы до 1859 г. представлены в фондах предшественников Археологической комиссии и ряде личных фондов за период с 1831 по 1858 г. Основная же масса документальных материалов этой группы за 1859—1918 гг. находится в фонде Археологической комиссии.

С этой группой органически связана огромная масса документов со сведениями об археологических памятниках — городищах, курганах, могильниках и т. д. В 1870—1890-е годы такие сведения к составлению археологических карт были собраны со всех губерний Российской империи⁸.

Эта работа была продолжена и развита в 1920—1930-е годы. Особенно следует отметить обследования археологических памятников северо-запада РСФСР, проводившиеся с 1927 по 1931 г. под руководством П. П. Ефименко. Собранные материалы в ряде случаев являются единственными источниками для ныне несуществующих археологических памятников.

Большую ценность представляют материалы о состоянии и реставрации архитектурно-художественных и исторических памятников, часть которых уже не существует. Широко представлены материалы и о работах по исследованию памятников древнерусского зодчества (М. К. Каргера, Н. Н. Воронина, П. А. Раппопорта, А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова и других). К этой же группе относится большое количество чертежей, альбомов, рисунков и фотографий архитектурных памятников VII—XVIII вв.

Помимо отечественных памятников архитектуры, в архиве представлено в рисунках и чертежах значительное количество античных и средневековых архитектурных памятников Греции, Италии, Палестины, Турции, Югославии и Польши.

Особую группу материалов составляют эстампажи и перерисовки надписей с памятников древностей Крыма, Кавказа, Тамани, с колоколов и плит церкви Пскова, Владимира, Кидекши, Ростова, Казани, а также с памятников Греции, Рима, Болгарии, Малой Азии, Палестины и др., выполненные русскими учеными во время командировок (1800—1900-е годы).

Значительный интерес представляют материалы о мероприятиях по выработке законодательства об охране памятников начиная с 20-х годов XIX в. до начала первой мировой войны, а также об охране памятников, в том числе о снаряжении ученой экспедиции для описания памятников среднеазиатских древностей и древнего зодчества; об охране развалин Болгар, Замковой горы в Вильнюсе, памятников Молдавии, Гарни, Касимова, Новгорода, Старой Ладogi. Особо следует выделить материалы об охране памятников в районе военных действий — в Буковине, Галиции, Волыни и Подолии, куда в декабре 1916 г. была направлена специальная экспедиция Академии наук и Археологической комиссии. Заслуживает внимания письмо барона де Бай в Русское археологическое общество с призывом присоединиться к протесту французских ученых против разрушения памятников искусства и старины во Франции немецкими войсками (1916 г.); журналы заседаний образованного при Министерстве юстиции Особого совещания для обсуждения вопросов о мерах сохранения памятников древнерусской иконописи (1916 г.).

Из материалов этой группы за советский период следует отметить запись П. П. Покрышкиным выступления А. В. Луначарского на совещании по созданию Государственного художественного совета по охране памятников старины и искусства в России (январь 1918 г.); телеграмму РАИМК в РВС Южной армии с просьбой оказать содействие в охране музеев и имущества Археологической комиссии в Крыму (1920 г.); переписку с ВЦИК, Петросоветом и другими учреждениями о принятии мер к обеспечению охраны художественно-исторических ценностей при изъятии церковного имущества в Петрограде в помощь голодающим и

телеграмму за подписью М. И. Калинина о передаче предметов музейного значения из Казанского собора и Конюшенной церкви в Эрмитаж (1922 г.); материалы о состоянии памятников Пскова и Псковской губ. (1919 г.); отчет о деятельности комиссии по регистрации и охране памятников при РАИМК (1923—1924 гг.); карты Череповецкой губ., Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого и Пудожского уездов Олонецкой губ. с указанием монастырей, часовен, погостов, обследованных Отделом охраны для регистрации и охраны памятников искусства и старины (1919—1921 гг.); списки монументальных памятников Ленинградской обл., состоящих под охраной (1939 г.).

Интересны материалы о деятельности ИИМК по обследованию и учету разрушений, причиненных фашистской Германией памятникам старины на оккупированной территории и в прифронтовой полосе (1942—1944 гг.).

В архиве имеется также группа материалов о заграничных научных поездках Я. И. Смирнова, Ф. И. Шмита, П. П. Ефименко.

Особую группу составляют подлинные документы XVI—XVIII вв.

Таков очень сжатый и неполный перечень документальных материалов архива ЛОИА. При этом следует отметить, что значительная часть материалов еще не введена в научный оборот.

Московский рукописный архив Института археологии АН СССР существует с 1945 г., когда Институт был переведен из Ленинграда в Москву. Архив насчитывает 18 фондов, из них 17 — личных. Общее количество дел, которые находятся на хранении, на конец 1978 г., составляло 23 986.

Архив комплектует отчеты раскопок и разведок археологических экспедиций, работающих на территории восточноевропейской части нашей страны, Крыма, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока, а также отчеты зарубежных археологических экспедиций. В настоящее время в архиве более 6800 полевых отчетов и иллюстраций к ним.

В 1960-е годы архив начинает комплектование раздела научно-организационной документации Института за период с 1945 г. Среди этих документов немалый интерес представляют материалы (планы, программы и протоколы) работы Всесоюзного археологического совещания, которое было созвано в Москве 25 февраля 1945 г.

Большую группу составляют стенограммы и протоколы заседаний сессий и пленумов Института, посвященных итогам полевых археологических исследований за 1945—1977 гг. В этом разделе хранятся протоколы и тезисы докладов секционных заседаний, а также документация, рассказывающая об участии Института в международных конгрессах, конференциях и семинарах.

Неменьший интерес представляют материалы (стенограммы, протоколы и тезисы документов) тематических конференций и совещаний по вопросам археологии Прибалтики, Молдавии, Поволжья, Северного Причерноморья, Кавказа.

Значительную группу документов составляют отчеты, планы, стенограммы и протоколы Ученого совета Института, а также отчеты, планкарты, протоколы и тезисы докладов заседаний секторов. Эти материалы дают разностороннюю информацию о проблемах и темах исследований, которыми занимаются сотрудники секторов и в целом весь Институт.

В архиве хранятся также диссертации, защищенные на заседаниях Ученого совета Института и его отделения в Ленинграде.

С 1956 г. архив хранит газетные вырезки со статьями и заметками об археологических находках и раскопках на территории СССР и за рубежом.

С 40-х годов в архив поступают личные фонды археологов (Г. А. Бонч-Осмоловского, Н. Н. Воронина, Л. А. Евтюховой, А. А. Захарова, А. В. Збруевой, С. В. Киселева, Е. И. Крупнова, А. А. Марущенко, А. Л. Монгайта, Т. С. Пассек, И. В. Сеницына, И. А. и М. В. Талицких).

Одним из важнейших участков работы архивов является создание и усовершенствование научно-справочного аппарата, который информирует о составе и содержании документации.

В архивах созданы именные, предметно-тематические и географические каталоги, позволяющие быстро ориентироваться в материалах.

Архивами подготовлен и опубликован указатель археологических экспедиций ГАИМК—ИИМК—Института археологии АН СССР за 1919—1956 гг.⁹ Подготовлены данные об имеющихся в архивах личных фондах для сводного указателя (Личные фонды в государственных хранилищах СССР. М., 1962) и дополнения к нему (1970 г.), опубликована опись личного фонда А. А. Спицына. Кроме того, подготовлены краткие характеристики фондов для готовящегося к печати «Краткого справочника-путеводителя по архивам и рукописным отделам АН СССР». Обзор информирует о составе и содержании всей документации архива в целом. Находится в печати подготовленный архивом ЛОИА, Институтом истории СССР АН СССР и Центральным государственным историческим архивом (Ленинград) сборник документов «Из истории охраны памятников в дореволюционной России с XVIII в. по февраль 1917 г.».

С 1967 г. архивы занимаются составлением сведений для ежегодного справочника «Тематика исследований по документам архивов АН СССР». Этот справочник предназначен для координации научных, издательских, учебных, пропагандистских и музейных работ, а также для подготовки библиографий.

По запросам учреждений и отдельных лиц составлялись тематические справки по истории музеев, о культурных связях России с Болгарией, по истории реставрации и др. Материалы архива использовались на выставках в АН СССР, посвященных 50-летию Октябрьской революции, 50-летию РАИМК—ГАИМК—ИИМК—ЛОИА, на ВДНХ в связи с 250-летием Академии наук СССР, при подготовке экспозиции целого ряда музеев страны. С постановкой и принципами работы архива знакомились представители родственных архивов из Академий наук союзных республик, а также Болгарии, Чехословакии и Польши.

Материалы архива интенсивно используются в читальном зале. В архиве занимаются исследователи из всех союзных республик, а также многих зарубежных стран.

¹ Дела 3 стола 1 отделения Департамента общих дел МВД за 1820—1852 гг.; 3 отделения Министерства императорского двора 1728, 1822—1855 гг.; Канцелярия Министерства уделов за 1851—1856 гг. и Комиссии по заведыванию археологическими розысканиями в России за 1856—1858 гг.

² Устав РАИМК, утвержденный Главным советом Наркомпроса РСФСР 21 октября 1919 г. (ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1а).

³ Древние рукописи Общества были переданы в Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁴ Материалы Общества в архив поступили неполностью и ныне хранятся также в ЦГА (Москва), в Отделе письменных источников ГИМ (фонд Уваровых), в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

⁵ Материалы Отдела хранятся также в ЦГА в Москве.

⁶ При организации архива в 1919 г. насчитывалось 8546 единиц хранения. Краткая характеристика фондов дана нами в «Кратком справочнике-путеводителе по архивам и рукописным отделам АН СССР», раздел «Рукописный архив» (в печати). До этого публикаций об архиве в целом не было.

⁷ Самым ранним документом о раскопках, хранящимся в архиве, является подлинный журнал П. Дюбрюкса о раскопках керченских курганов и гробниц в 1816—1817 гг. на французском языке. В русском переводе он был опубликован О. И. Бич (МИА, 1955, 69).

⁸ Сведения собраны путем анкетирования Московским археологическим обществом.

⁹ Археологические экспедиции ГАИМК—ИИМК—ИА АН СССР. 1919—1956 гг. М., 1962.

АРХИВЫ ФОТОДОКУМЕНТОВ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

В Археологической комиссии не существовало какого-либо специального хранилища фотографических материалов. Негативы полевой съемки находились на руках у сотрудников, производивших раскопки, а фотографии собирались в библиотеке Археологической комиссии.

Съемка археологических находок до 1891 г. производилась на дому фотографом М. Романовичем, а с 1891 по 1895 г. — членом комиссии В. Г. Дружининым. Негативы эти хранились у фотографов, а фотографии — в кабинетах членов Археологической комиссии и в библиотеке. С 1896 по 1918 г. съемку находок производил постоянный фотограф комиссии И. Ф. Чистяков в организованной фотолаборатории. Благодаря его личной инициативе были созданы ориентировочные описи на все сделанные им и хранившиеся в фотолаборатории негативы.

Эти материалы и легли в основу собрания фотоархива, возникшего в октябре 1918 г.¹ в составе библиотеки Российской археологической комиссии (затем РАИМК—ГАИМК), а в начале 30-х годов ставшего самостоятельным отделом в числе вспомогательных учреждений ГАИМК².

При реорганизации ГАИМК в Институт истории материальной культуры АН СССР и при последующем переименовании его в Институт археологии АН СССР фотоархив оставался в его структурном составе самостоятельным отделом ЛОИА АН СССР. В 1945 г. создается еще один фотоархив ИИМК в Москве.

С начала Великой Отечественной войны фонды фотоархива были законсервированы в его хранилище на Биржевом проезде Васильевского острова. За время войны фонды не пострадали, не перемещались, и порядок в фотоархиве не нарушился³. Уже в 1944 г. фонды фотоархива стали вновь доступны для пользования, несмотря на трудные условия работы (отсутствие отопления и освещения).

С момента создания фотоархива его фонды быстро пополнялись за счет ликвидации и преобразования некоторых старых учреждений Ленинграда, реорганизации вновь возникших учреждений и поступления коллекций от частных лиц. С 1919 по 1934 г. здесь были собраны материалы Русского археологического общества, Археологического института Петербурга—Петрограда, Реставрационных мастерских Главнауки, Комитета популяризации художественных изданий, дворца-музея Шуваловых, Государственного музейного фонда, коллекции фотографов И. Ф. Чистякова, Н. Г. Матвеева, В. М. Машечкина, реставратора Ф. А. Каликина, архитекторов М. Г. Преображенского, В. В. Сулова, художника А. С. Славцова, археологов Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марра, Л. А. Мацулевича, Я. И. Смирнова, А. А. Спицына, Б. В. Фармаковского и других. Основным источником пополнения фотоархива становятся фотодокументы экспедиционной и камеральной работы сотрудников РАИМК—ГАИМК.

В предвоенные и послевоенные годы фотодокументы полевой и научно-исследовательской работы сотрудников ЛОИА стали главным видом поступлений. Ныне фотоархив ежегодно пополняется фотодокументами более чем 40 экспедиций ЛОИА, фотодокументами других учреждений археологического профиля, иллюстративными материалами к работам сотрудников ЛОИА и некоторых сотрудников археологических учреждений Украины, Белоруссии и ряда других республик.

В то же время приток коллекций от частных лиц и учреждений иного профиля значительно сокращается. Он ограничивается фондами архитекторов В. Г. Леонтовича, А. М. Токарского, искусствоведов Г. И. Вздорнова, Э. С. Смирновой, археолога А. П. Ивановой и фондом Института истории искусств в Ленинграде.

В последние годы в фотоархив поступает ежегодно от 10 до 14 тыс. единиц хранения.

Уже в марте 1919 г. сотрудниками библиотеки РАИМК создаются образцы описных инвентарных книг⁴, в которых были зарегистрированы хранившиеся в библиотеке фотографии. В 20-е годы инвентарные книги были усовершенствованы и заведены детальные описи на весь обработанный материал. С тех пор все обработанные фотодокументы отражаются в авторском и географическом каталогах⁵. Имеется также ряд вспомогательных карточек: географический указатель архитектурных памятников, предметный каталог находок из раскопок Ольвии с 1880 по 1976 г., картотека фондов и картотека списанных фотодокументов.

Т. М. Девель, бессменно руководившая работой фотоархива с октября 1921 г. по октябрь 1956 г., усовершенствовала систему хранения и использования фотодокументов⁶.

В настоящее время в фотоархиве хранится 54 фонда, что составляет 456 457 единиц хранения (из них 202 537 — негативов, 253 913 — фотографий и 7 — кинофильмов).

Среди уникальных фотодокументов — негатив с изображением В. И. Ленина среди членов его семьи в кремлевской квартире (1920 г.)⁷.

Здесь хранятся исключительные по полноте фотодокументы по археологии СССР, этнографии, гражданской и церковной архитектуре и живописи на территории СССР, западноевропейской архитектуре XIII—начала XX в. и некоторым другим отраслям науки⁸.

В собрании фотодокументов Археологической комиссии (1859—1919 гг.) преобладают снимки находок из раскопок членов комиссии и местных археологов, а также случайных находок, которые комиссия приобретала и получала для определения. Полевых снимков здесь немного. Они наиболее полно представляют раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии, Д. В. Милеева в Киеве, П. П. Покрышкина в Овруче. Особенно богаты здесь материалы, появившиеся в связи с реставрацией памятников архитектуры⁹, монументальной и станковой живописи. Часть материалов фонда Археологической комиссии связана с подготовкой изданий.

Формирование фондов ГАИМК—ИИМК—ЛОИА явилось уже результатом трудов самого архива. Оно шло за счет постоянного притока снимков из фотолaborатории учреждения (частично из ЛАФОКИ АН СССР). В него вошли и дары отдельных лиц.

Археологические фотодокументы представлены полевыми снимками экспедиций, снимками полевых чертежей и находок, как добытых экспедициями, так и хранящихся в местных музеях, снимками, связанными с публикациями статей и монографий учеными Ленинграда, Москвы и многих других центров страны. Количество полевых снимков, документирующих процесс раскопок, с годами резко возросло.

В собрании содержатся также материалы по некоторым зарубежным археологическим комплексам¹⁰.

Значительной группой фотодокументов отражены памятники архитектуры многочисленных древних городов европейской части СССР, Закавказья, Урала, Сибири, Средней Азии. Значение этой части собрания совершенно особое, так как целый ряд памятников архитектуры перестал существовать. Это материалы по монументальным памятникам Пскова, Новгорода, Юрьева-Польского (поездки К. К. Романова 1925—1929 гг.), Владимира, Боголюбова, Суздаля (работы Н. Н. Воронина 1934 и 1936 гг.), Ленинградской обл. (поездки Ф. М. Морозова 1925 г. и Е. Н. Глезер 1925—1927 гг.), Череповецкого округа (поездка В. К. Макарова 1929 г.), Карелии (поездка Ф. М. Морозова 1928 г.) и Закавказья (поездки И. А. Орбели 1929 г., Б. Б. Пиотровского и Л. Т. Гюзальяна 1930 г.).

В послевоенные годы архив постоянно пополняют снимки архитектурно-археологических экспедиций. Это материалы экспедиций, исследовавших древнерусские города, — М. К. Каргера, П. А. Раппопорта, А. Л. Якобсона, А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова, М. В. Малевской и других.

В собрании имеются также снимки памятников монументальной и станковой живописи: фресок церкви Спаса на Ковалево в Новгороде (Н. П. Сычев, 1920 г.), икон Глушицкого монастыря и Вологодского музея (В. А. Богусевич, 1926 г.) и др.

Этнографический материал сводится в основном к снимкам по Ярославской и Калининской областям (Верхневолжская экспедиция Д. А. Золотарева, 1921—1925 гг.), по чувашам Цивильского, Ядринского и Чебоксарского районов (этнографический отряд Средневолжской экспедиции, 1927—1928 гг.), по некоторым районам Воронежской обл. (сборы Н. А. Гринковой, Е. С. Бломквист и С. А. Ереминой в Юго-Восточной экспедиции, 1926—1927 гг.), по Крыму, Туркмении (поездка А. Н. Бернштама 1930 г.), по орочам Амурского бассейна (работы Амурской экспедиции, 1933 г.). Наконец, в собрании весьма обширен раздел снимков по персоналиям (археологи, историки, востоковеды, архитекторы, искусствоведы).

Тематика поступивших в фотоархив фондов различных учреждений самая разнообразная. Археологический материал отражен здесь снимками из раскопок Н. К. Рериха — в Боровичском уезде Новгородской губ. в 1902 г., В. И. Каменского — в Балахне Нижегородской губ. в 1901—1902 гг., В. В. Хвойки — Кирилловской стоянки и Триполья в 1893—1899 гг., П. А. Путьгина — Бологовской стоянки, Н. Е. Макаренко и В. В. Соханева — Мординоовского кургана в 1914 г., а также снимками зарубежных археологических памятников.

Значительно полнее в этих фондах отражены памятники древней монументальной архитектуры Грузии и Армении (фото Д. И. Ермакова), Карелии и Архангельской обл. (экспедиции К. К. Романова и В. Н. Всеволодского-Гернгросса 1926—1929 гг.), Смоленска и Смоленской обл., Сольвычегодска, Казани, Свяжска, Львова и Кракова, Средней Азии (Самарканд, Бухара, Ташкент, Мерв). Здесь же представлены снимки реставрационных работ в Новгороде (церковь Рождества на кладбище и звонница Софийского собора), в Старой Ладогe (церковь Георгия), в Ферапонтовом и Кирилло-Белозерском монастырях. Широко представлены памятники архитектуры, скульптуры и живописи стран Западной Европы (главным образом Италии, Греции, Испании) в исполнении известных зарубежных фотографов второй половины XIX—начала XX в.

Имеются снимки по русской палеографии и геральдике, византийской миниатюре.

Среди остального материала следует упомянуть снимки архитектурных памятников, монументальной скульптуры и предметов внутреннего убранства дворцов и особняков Петербурга и его пригородов, некрополей Петербурга, художественного собрания дворца-музея Шуваловых, реставрационных работ 1920—1929 гг. в Ленинграде.

В собрании фотоархива более 30 личных фондов. Наиболее крупными из них являются фонды Н. Я. Марра (4413 единиц хранения), Н. Г. Матвеева (6011), Л. А. Мацулевича (2951), К. К. Романова (3315), А. А. Спицына (4381), Н. П. Сычева (2824), И. Ф. Чистякова (2666) и Г. И. Вздорнова (свыше 4000).

Личные фонды содержат разнородный материал, в частности по архитектуре, — снимки памятников церковного зодчества Архангельской, Вологодской и Новгородской губерний (Е. Н. Давиденко), Новгорода, Галича, Ярославля (Н. Е. Макаренко), Изборской и Псковской крепостей, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей и многих других древнерусских памятников (К. К. Романов), северного деревянного зодчества, крепостных сооружений Старой Ладогe, Смоленска, Копорья, Крыма (В. В. Суслов), архитектурных памятников Армении (Н. Я. Марр), а также Греции, Сирии, Египта (Б. В. Фармаковский) и Западной Европы эпох средневековья и Возрождения (М. Т. Преображенский).

В историческом и искусствоведческом аспектах интересны содержащиеся в личных фондах фотодокументы по фрескам церквей России, Армении, Грузии (Н. П. Сычев), по иконографии (Н. П. Сычев и Ф. А. Ка-

лики) и древнерусскому прикладному искусству (Е. Н. Давиденко и Н. Е. Макаренко).

Среди фотоматериалов личных фондов представлена, например, итальянская живопись XIII—XVIII вв. и памятники русского ампира, художественно-бытовое убранство дворцов Петербурга и его пригородов, некоторые этнографические сюжеты.

В ряде личных фондов преобладает собственно археологический материал. Таковы фонды А. А. Бобринского (основное — курганы Украины), А. И. Болтуновой (античная эпиграфика Северного Причерноморья и закавказские древности), Г. В. Григорьева (археология Средней Азии), Н. Е. Макаренко (экспонаты музеев Воронежа и Полтавы, полевые снимки раскопок Н. Е. Макаренко), Н. Я. Марра (археология Закавказья), А. А. Миллера (полевые снимки работ на Нижнем Дону), К. К. Романова (раскопки разных лиц в Херсонесе, Ольвии, близ Воронежа и др.), Г. П. Сосновского (полевые работы в Сибири), А. А. Спицына (находки из торфяников, городищ и курганов Приуралья, собранные В. Толмачевым), Б. В. Фармаковского (раскопки Ольвии).

С первых лет создания фотоархива его археологическая часть использовалась в полной мере сотрудниками ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА, археологами Москвы, Украины, многих научных и университетских центров страны.

Огромный объем фотоинформации, отражающей развитие древней материальной культуры на протяжении многих тысячелетий на всей территории СССР и некоторых других стран, способен удовлетворить самые различные исследовательские интересы обращающихся к помощи фотоархива археологов, историков и других специалистов. Группы материала, дополняющие по содержанию сугубо археологический, перекликающиеся с ним, а также имеющие самостоятельное историко-культурное значение, лишь усиливают весомость всего собрания фотоархива ЛОИА, являющегося по своему профилю, содержанию и объему фотодокументов единственным в Советском Союзе.

Большое значение фотоархива подтверждается использованием его материалов — характером и масштабами работы с ними специалистов. Сложные и ответственные задачи широко развернувшихся реставрационных работ на памятниках зодчества постоянно приводят в фотоархив ЛОИА архитекторов. Трудно было бы даже перечислить все архитектурные объекты, существенную помощь при реставрации которых оказали материалы фотоархива.

Еще в 1944 г. началось широкое использование ценнейших материалов фотоархива для восстановления памятников архитектуры Ленинграда и его окрестностей. В собрании имеются многочисленные материалы по пригородным архитектурным ансамблям. Особенно широко представлены дворец в Павловске и Екатерининский дворец в Пушкине. Эти материалы дали возможность реставраторам возродить превращенные в руины дворцы. Один из таких фондов возник в 1940 г. в связи с ремонтно-реставрационными работами (И. В. Занкович). И хотя по объему он невелик (всего 196 единиц хранения), значение его переоценить невозможно: здесь имеются материалы по бесследно исчезнувшей Янтарной комнате Екатерининского дворца. В настоящее время предпринимаются попытки воссоздания Янтарной комнаты, в которых документам фотоархива принадлежит немаловажная роль.

К материалам фотоархива обращаются также при создании историко-архитектурных комплексов. Так было, например, при проектировании архитектурно-исторического заповедника в Чернигове, при организации в Иркутске музея, посвященного жизни ссыльных декабристов, и в ряде других случаев.

Использование фотоархива продолжается и при устройстве всевозможных выставок по темам истории древних культур и развитию археологической науки. Авторы научно-художественных и художественных произ-

ведений, теле- и кинофильмов не раз обращались к услугам фотоархива. Используя его материалы, А. Арзумян написал роман «Братья Орбели», а Людвиг Джаникян — сценарий телефильма «Иосиф Орбели».

В фотоархиве Института археологии АН СССР в Москве, образованном в 1945 г., лишь небольшое количество фотодокументов относится к периоду до 1945 г. Они поступили в архив из личных фондов сотрудников Института. Это — фотодокументы полевой работы Деснинской экспедиции за 1937—1939 гг., снимки архитектурных памятников и их фрагментов, полевые съемки и фотографии находок Хорезмской экспедиции за 1934, 1938—1940 гг., негативы керамики Туркменской экспедиции за 1928 г., полевые съемки, фотографии керамики и находок Киргизской экспедиции за 1928—1929 гг. Эти фотоматериалы поступили из архива М. В. Воеводского. Позднее поступили фотоматериалы из личного архива Н. Н. Вороница, главным образом негативы и отпечатки архитектурных памятников Александрова, Боголюбова, Владимира, Витебска, Горького, Коломны, Муромы, Звенигорода, Смоленска, Новгорода, Костромы, Чернигова, Можайска, Киева, Москвы, Пскова, Переяслава-Залесского, Калязина, Дмитрова, Углича, Ярославля, Ростова, Троице-Сергиевой лавры, Рязани, Суздаля — всего 1151 негатив с отпечатками.

В 1968 г. поступили фотоматериалы из архива Т. С. Пассек, а в 1974 г. — из архива В. Н. Чернецова. Это главным образом полевая съемка, негативы вещей из музеев, иллюстрации к своду «Наскальные изображения Урала».

Основным источником поступлений фотоматериалов являются археологические экспедиции (полевая съемка памятников, снимки вещей и чертежей).

Все фотоматериалы объединены в 137 коллекций общим числом 46 542 негатива. Самые крупные по объему фотоматериалы (3545 негативов) представила Северокавказская экспедиция (руководитель Е. И. Крупнов). Таманская экспедиция (руководитель Б. А. Рыбаков) имеет 1058 негативов, Восточнокрымская (И. Т. Кругликова) — 3306, Московская (А. Ф. Дубынин) — 1451, Болгарская (Куйбышевская) (А. П. Смирнов) — 3551, Воронежская лесостепная (П. Д. Либеров) — 1780, Анапская (И. Т. Кругликова) — 1341, Верхневолжская (Д. А. Крайнов) — 2330, Смоленская архитектурная (Н. Н. Воронин) — 1049.

Архив имеет фотоматериалы зарубежных экспедиций: Албанской (1958—1960 гг.), работавшей под руководством В. Д. Блаватского, Советско-Афганской 1969 г. (И. Т. Кругликова), Советско-Иракской 1969—1970 гг. (Р. М. Мунчаев).

Кроме фотоматериалов археологических экспедиций, архив хранит иллюстрации к диссертациям, статьям, докладам и книгам. Указанные материалы имеют практическое значение при повторной публикации и дополняют собой коллекции экспедиций, чем и обусловлена необходимость их хранения.

В 1966 г. в Голландии была организована выставка «Археология в СССР». Из многих ведущих музеев страны были отобраны археологические находки для этой выставки. После закрытия выставки архив получил негативы с отпечатками всех экспонировавшихся вещей (всего 1188 негативов). Эти фотоматериалы широко используются для организации выставок в Институте, на ВДНХ, в частности на выставке, посвященной 250-летию Академии наук.

В архиве существует раздел диапозитивов Н. Н. Воронина по архитектуре и к его докладу о результатах Кремлевской экспедиции 1959—1960 гг., М. Г. Рабиновича — о раскопках в Зарядье, А. Л. Монгайта — об археологических работах в Старой Рязани, И. Т. Кругликовой, А. П. Смирнова, Н. И. Сокольского.

Раздел кинофильмов представлен следующими лентами: «Археологические раскопки на Северном Кавказе» (1963 г.), «Раскопки Чувашским

отрядом Поволжской экспедиции памятника „Сават-Ту“ в 1968 г.), «Аполлония Иллирийская» (1960 г.), «Подводная археологическая экспедиция 1960 г.», «Раскопки городища в с. Витачев Киевской обл. в 1961 г.», «Встреча с далеким земляком» — раскопки на Сунгире в 1969 г., «Раскопки Молдавской экспедиции в 1959—1960, 1963, 1964 гг.», «Трипольская культура», «Чудо темноты» (Каповая пещера), «Прошлое Москвы», «Раскопки в Зарядье», «Древний Новгород», «Раскопки в Гродно», «Монгольская экспедиция», «Славяне Поднестровья», «Подмосковье (Узкое, Загорск)».

Большой популярностью пользуются фильмы О. Н. Бадера: «Чудо темноты» и «Встреча с далеким земляком». Фильмы «Прошлое Москвы» и «Раскопки в Зарядье» были использованы в передаче Центрального телевидения «Москва в XV—XVII вв.»

¹ Архив ЛОИА, ф. 1, 1918 г., с. 3, 4, пункт VI.

² Архив ЛОИА, ф. 2, 1932 г., д. 73, л. 33.

³ Архив фотоархива ЛОИА, арх. № 122, л. 4. Докладная записка Т. М. Девель администрации ЛОИИМК о фотоархиве от 9 марта 1946 г.

⁴ Архив фотоархива ЛОИА, арх. № 62, л. 9—13. Материалы, связанные с организацией фотоотдела РАИМК.

⁵ Для необработанных материалов имеются рабочая картотека и ориентировочные описи, что позволяет посетителям пользоваться фотодокументами, не дожидаясь прохождения всех стадий обработки.

⁶ См.: Девель Т. М. Материалы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях. М.; Л., 1954, 40 с.; Она же. Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. — СА, 1950, XII, с. 290—336; Томес Т. Б. Фотоархив научного учреждения. — В кн.: Академические архивы СССР за 50 лет советской власти. Труды I совещания архивистов Академии наук СССР и Академий наук союзных республик 17—23 мая 1967 г. М., 1968, с. 274—280; Она же. Заметки архивиста. — СА, 1974, № 1, с. 240, 241; Она же. Новые поступления в фотоархив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. — СА, 1975, № 2, с. 315; Девель Т. М., Томес Т. Б. Собрание Н. Я. Марра в фотоархиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР, 1971, № 3 (54), с. 289—295.

⁷ Новый неопубликованный портрет Ленина. — ПИДО, 1934, № 1, с. 127, снимок на с. 1.

⁸ Краткая характеристика фондов фотоархива ЛОИА дана в сборнике: Краткий справочник-путеводитель по архивам и рукописным отделам АН СССР, раздел «Ленинградское отделение Института археологии. Фотоархив» (в печати).

⁹ Уникальны в этой части собрания коллекции Д. В. Милеева и П. П. Покрышкина.

¹⁰ Здесь представлены в снимках, например, находки Ноин-Улы в Монголии (раскопки П. К. Козлова 1924—1925 гг.); палеолитические памятники Словакии, Моравии, Румынии; неолитические раковинные кучи Бау-чо и раскопки могильника и поселения эпохи поздней бронзы Тхьеу-зыонг, раскопки неолитических стоянок Лунг-хоа и Ты-шон во Вьетнаме; вид местонахождения синантропа Локус I в КНР; палеолитические стоянки департамента Дордонь во Франции; палеолитические местонахождения Индии (поездки П. И. Борисковского 1957—1967 гг.); раскопки некрополя близ Асуана, наскальные изображения и надписи Умм-Ашира в Египте (Нубийская экспедиция под руководством Б. Б. Пиотровского, 1963 г.); палеолитические местонахождения ГДР, ЧССР, ВНР, Франции (поездки Н. Д. Праслова 1968 и 1977 гг.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского университета
ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛАФОКИ — Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МВД — Министерство внутренних дел
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОИиФАН — Отделение истории и философии Академии наук СССР
ОПИГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО — Русское археологическое общество
РГАК — Российская государственная археологическая комиссия
РОГБЛ — Рукописный отдел государственной библиотеки им. В. И. Ленина
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив. Ленинград
ЦПА — Центральный партийный архив
РОГПБ — Рукописный отдел государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. А. Рыбаков.</i> Предисловие	3
<i>П. И. Борисковский.</i> Первые 30 лет Института археологии АН СССР	5
<i>В. В. Волков.</i> Институт археологии АН СССР в 50—70-х годах	11
<i>В. М. Массон.</i> У истоков теоретической мысли советской археологии	18
<i>К. М. Пескарева.</i> К истории создания Российской академии истории материальной культуры	26
<i>В. В. Мауродин.</i> Первые историки в Государственной академии истории материальной культуры	32
<i>М. А. Гилянова.</i> Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК—ГАИМК)	34
<i>Р. М. Мунчаев.</i> Зарубежные связи Института археологии АН СССР	36
<i>В. В. Кропоткин.</i> Подготовка научных кадров в Институте археологии АН СССР (1919—1978 гг.)	42
<i>В. А. Алекшин.</i> Научные совещания, сессии, симпозиумы, конференции, пленумы ГАИМК—ИИМК—Института археологии АН СССР	45
<i>В. А. Кольчагов.</i> Издательская деятельность РАИМК—Института археологии АН СССР	51
<i>Н. К. Лисицына.</i> Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР	55
<i>Ю. А. Краснов.</i> Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках	58
<i>Б. А. Колчин.</i> Естественнонаучные методы в Институте археологии АН СССР	68
<i>Н. М. Ермолова.</i> Лаборатория археологической технологии ЛОИА	76
<i>Р. Ш. Левина.</i> Из истории библиотеки ЛОИА	80
<i>К. М. Пескарева, Т. Т. Владимирова.</i> Рукописные архивы Института археологии АН СССР	87
<i>Э. С. Доманская, Ж. Г. Анищенко.</i> Архивы фотодокументов Института археологии	93
Список сокращений	99

Институту археологии 60 лет

КСИА, вып. 163

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректор Н. Г. Васильева

ИБ № 18315

Сдано в набор 15.07.80. Подписано к печати 13.10.80. Т-12787. Формат 70 × 108^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 2550 экз. Тип. зак. 1621. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12